

НАСТОЯЩИЙ ДЕТЕКТИВ

Елена
Михалюкова

Алмазный эндшпиль

Annotation

В Москве совершено громкое ограбление: похищен редкий синий бриллиант «Зевс». Майя Марецкая знает, кто совершил преступление и где прячут бриллиант, но молчит. Почему? Антон Белов тайно перевозит драгоценные камни. Последняя «операция» едва не стоит ему жизни. Убийца считает его лишь пешкой в своей игре... Сможет ли пешка изменить ход партии? Владелец салона «Афродита» ищет редчайший бриллиант, следы которого ведут из Франции восемнадцатого века в Россию двадцатого. Но принесет ли счастье «Голубой Француз» своему новому хозяину?

Читайте об этом в новом детективном романе Елены Михалковой «Алмазный эндшпиль». Мастер детективной интриги, Елена Михалкова показывает неизвестную сторону ювелирного мира.

Кто победит в виртуозно разыгранной шахматной партии, где выигрыш дороже любых бриллиантов?

- [Елена Михалкова](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
-

Елена Михалкова

Алмазный эндшпиль

*Автор выражает глубокую благодарность:
Иветте Бегляровой, помогавшей мне в работе над
рукописью,
Маше Овчаренковой, мужественно читающей все
мои детективы,
Ольге Корупаевой, крестной маме Семы и Мони и
Алене, открывшей мне двери в эту книгу.*

Глава 1

Эндшпиль – заключительная часть шахматной партии

2005 год

В плацкарте было весело. Два морячка, соседи Антона, с утра выпивали, потом травили флотские байки, азартно резались в карты со студентиком, занимавшим верхнюю полку, и вели себя до того непринужденно, что в конце концов Антон насторожился. Все шло слишком хорошо. И морячки были слишком правильные, разухабистые такие ребята – душа нараспашку. Он прикинул, что они ехали вместе от Екатеринбурга, и пора бы им уже и притомиться – а они по-прежнему веселились, словно в них никак не кончался механический завод. «Неужели подставные?! Но зачем вести меня до Москвы?» Способ проверить был только один. Белов внезапно спрыгнул с полки, повесил на плечо сумку и быстро пошел по вагону. Выйдя в тамбур, он прислонился к стене, закурил и принялся ждать. Десять секунд, двадцать... Хлопнула дверь. Антон подобрался, но вместо морячков в тамбур выскочила девчонка лет восемнадцати, окинула его взглядом и требовательно попросила сигаретку. Что ж, значит, на этот раз он ошибся. Белов облегченно прислонился затылком к стене, глядя на проносящиеся за окном деревья.

Со стороны он выглядел как мужчина средних лет, задумавшийся о своей неудачной жизни. Стоптаные кроссовки, потертые джинсы, дешевая сумка... Стандартный облик аутсайдера, стандартный набор мыслей на тему «почему не везет мне и везет другим». Во всяком случае, так решила девчонка, оценив перспективность попутчика. Он очень быстро докурил и руки теперь держал странно: сомкнутые пальцы правой руки прижимал к ладони левой.

Взглянув еще раз, девушка решила, что, пожалуй, в лице мужчины есть что-то привлекательное. «Нет, он меня, по-честному, не интересуется, – оправдалась она сама перед собой.

– Но потренироваться-то можно?»

– Что, болит? – спросила девушка, кивая на его руку.

Она ни секунды не сомневалась, что он с радостью завяжет разговор. У девушки были длинные ноги, светлые волосы и высокая грудь: на этот набор достоинств нормальный мужчина не мог не отреагировать.

Попутчик поднял на нее глаза, оказавшиеся темно-голубого, какого-то тревожного цвета, и коротко качнул головой. И снова устался в окно, не изъявляя никакого желания продолжать светскую беседу.

Девушка опешила. Она даже открыла рот, чтобы выпалить язвительное замечание, но неожиданно поняла, что реакции все равно не последует. Неприветливый мужик так и продолжал таращиться в окно, вжимая пальцы в ладонь.

Она докурила, бросила на него пренебрежительный взгляд и вышла из тамбура.

Белов даже не заметил ее ухода. Он считал про себя, погружаясь в подобие медитации, освобождаясь от напряжения. Ему предстоял самый опасный участок – московский. Он должен был отдохнуть, прежде чем отправляться в путь.

«Десять», – мысленно сказал Антон и погрузился в тишину. Исчез даже стук колес. «Девять». Деревья за окном превратились в зеленое течение, в реку, несущую его к цели. Краешком сознания он контролировал происходящее вокруг. «Восемь». Он вызвал в памяти звук, любимый с детства, – звон колокольчика. «Семь». И запах, запах грибов в осеннем лесу. На счет «шесть» и «пять» Антон полностью расслабился, вдыхая грибной дух, прислушиваясь к негромкому звону где-то на краю леса, а в следующие секунды его фантазия начала стремительно таять.

«Четыре». Вернулся запах прокуренного тамбура.

«Три». В сознание ворвался стук колес.

На «два» Антон сфокусировал взгляд перед собой, на «один» вынул из ладони левой руки тонкую иглу, которую воткнул двадцать секунд назад. Выступившую каплю крови слизнул языком, не чувствуя боли.

Этим упражнением он пытался овладеть полгода, и оно никак не давалось ему. Тренер говорил, что Антон слишком боится потерять контроль над ситуацией.

«Ничто не подчиняется тебе, кроме тебя, – раз за разом терпеливо повторял старый китаец.

– Люди тебе неподвластны. Время тебе неподвластно. Даже вещи живут своей жизнью. Но ты сам – свое время, своя вещь. Ты можешь быть себе хозяином. Учись».

Когда Антон это осознал, то сам удивился, каким наивным и глупым он был. И упражнение далось ему само, стоило только запомнить, где находится нужная точка на ладони, и научиться достоверно вызывать запахи.

Он вошел в вагон, ощущая себя так, словно хорошо выспался. Надолго

подзарядки не хватит, но уже к вечеру Антон должен отдать груз получателю. А потом он отдохнет по-настоящему. Отоспится, наплачется в бассейне до изнеможения, снова отоспится... Но это все завтра, завтра. А пока ему нужно сосредоточиться на грузе и на том, чтобы доставить его к сроку.

– Санитарная зона через двадцать минут, – предупредила проводница, проходя по коридору.

«Двадцать минут...» Антон зашел в туалет, закрылся, опустил шторку на окне. Поезд трясся немилосердно. Он опустил крышку унитаза, быстро вынул из сумки кусок ткани и расстелил его на крышке.

«Видел бы кто-нибудь, что я сейчас делаю».

Ткань была шершавая, со специальной пропиткой. Антон достал из внутреннего кармана рубашки, пришитого хитрым способом, небольшой мешочек, расстегнул молнию и высыпал его содержимое на ткань.

Камни радостно засверкали, как будто их выпустили на свободу. Даже в этом тусклом желтом свете они сияли и переливались. Антон видел подобное десятки раз – и все равно в первые секунды это зрелище ошеломляло его, как ребенка.

Двадцать восемь бриллиантов. Крупные, прекрасно ограненные, хотя и не очень чистые камни. Антон взял ближний, всмотрелся и покачал головой: невооруженным глазом он видел характерный дефект, крошечную трещинку, по форме напоминавшую английскую «S».

Не самая лучшая партия. Впрочем, это его не касалось. По-хорошему, он не должен был ни доставать камни, ни рассматривать их – это запрещалось правилами. Но Антон считался одним из лучших перевозчиков в том числе и потому, что был готов нарушать правила.

Он разделил камни на две равных кучки, ссыпал одну в запасной мешок, расстегнул джинсы и ловко прикрепил его чуть ниже пупка. Вытащил из сумки эластичную ленту и обмотал сверху. Теперь мешок не был виден и не мешал ему.

На всякий случай Антон наклонился, проверяя, не чувствуется ли его груз. Одно из правил гласило: «посылка» не должна мешать движениям. Никаким.

У всех на слуху было происшествие двухмесячной давности. Один из перевозчиков закрепил мешок на внутренней стороне бедра возле паха, а потом вынужден был убежать от четырех подвыпивших парней. Но убежать не удалось: камни мешали. Парень вступил в драку и едва не убил одного из нападавших. Груз он доставил по назначению, но работы лишился. И не потому, что привлек к себе внимание – его боссы и на убийство посмотрели

бы сквозь пальцы. А оттого, что допустил серьезную ошибку: сам спровоцировал рискованную ситуацию. Еще одно правило перевозчика: можешь убежать – убеги. А если не смог – эта работа не для тебя.

Второй мешочек Антон вернул на место, во внутренний карман рубахи. Спрятал все следы своей деятельности, даже вымыл руки. Спустил воду в унитазе, чтобы снаружи был слышен звук, и вернулся на свое место в вагоне.

Морячки по-прежнему резались в «дурака».

– Э, попутчик, ты куда рванул-то? – лениво позвал один.

– Сидел-сидел, потом раз – и убежал!

– Живот прихватило, – пожаловался Антон. – Даже таблетки из сумки вынуть не успел.

– Гастрит?

– Вроде того.

Больше никто не проявил к Антону интереса, и он забрался на полку, вытянулся, закрыл глаза, просчитывая маршрут.

Поезд прибывал на Курский вокзал, а клиент ждал на «Парке Культуры». На первый взгляд, проще всего не выходить в город, а нырнуть в метро и с одной пересадкой добраться до получателя. Но это лишь на первый взгляд.

Любой перевозчик знал: если за тобой следят, то метро – гиблое место. Только в кино беглец может спуститься в подземку и обвести вокруг пальца и милицию, и уголовников, и всех, кто вздумает поймать его. В действительности московское метро могло стать ловушкой: в час пик здесь не протолкнуться в толпе, и случилось, что опрометчивый курьер застревал в людском потоке, как рыбка в сетях. Незадолго до прихода Антона в фирму молодой парень-перевозчик был убит именно так, в плотном скопище людей, на выходе из Киевской. Его ударили стилетом под лопатку и обшарили на ходу уже мертвого, а затем попросту бросили под ноги толпе.

Поэтому курьеры пользовались наземным транспортом, садились в машину лишь в самом крайнем случае и были обучены мастерски уходить от преследования и заматать следы.

Самое смешное, подумал Антон, что все эти навыки требовались им крайне редко.

– Кажись, подъезжаем, – сообщил попутчикам один из морячков.

Белов приподнялся на локте и посмотрел в окно. Вот знакомые высотки, там горбатый мост выгнул спину над рекой, за ним промелькнул торговый центр, похожий на огромный синий ангар... «Пора собираться».

Сборы заключались только в том, чтобы зашнуровать кроссовки. Но на это у Белова ушло не меньше пяти минут. Он знал, как может подвести небрежно зашнурованная обувь, и не обращал внимания на подковки морячков.

– Да чо ты возишься, братан! – Давай помогу!

– Ногу недавно вывихнул, – объяснил Антон, заканчивая свое занятие. – Уф, каждый раз такая морока.

– Да ты какой-то весь больной, паря! – пожалели его. – Слышь, может, тебя подвезти? С хромой-то ногой...

– Спасибо, мне тут недалеко.

Москва с вокзального порога обрушила на него свои запахи. Пахло пылью и асфальтом, от поездов несло машинным маслом и гудроном. На шумном, ревушем сотнями машинных голосов Земляном Валу Антон задержался на пару секунд перед витриной – и нырнул в прохладу торгового центра.

Все его переходы он знал, как свои пять пальцев. Но куда важнее было то, что он помнил расположение витрин. Ловушки отражений, на которые обычные посетители не обращали внимания, позволяли Белову идти, не оборачиваясь, и видеть тех, кто следует за ним.

Здесь – зеркальный угол, через два магазина – затемненное стекло в двери, еще дальше – кафе с зеркальной полкой за барменом... Антон не торопился. Он должен был убедиться, что слежки нет, прежде чем выйти на улицу.

Если бы его вели, преследователи шли бы за ним, а не дожидались снаружи – ведь он мог передать груз другому курьеру. Изредка использовалась цепочка из двух и даже трех звеньев. Но никого подозрительного Антон за собой не заметил.

Белов облегченно выдохнул и быстро пошел к выходу.

Он успел догнать троллейбус и вскочил на подножку за секунду до того, как двери закрылись. Пять остановок вверх по Садовому, две обратно – и Белов скрылся в змеевидных переулках, сдавленных домами.

Он кружил по городу, постепенно приближаясь к месту встречи. Маршрут полностью зависел от курьера, и даже своя служба безопасности не знала, каким путем он отправится. Когда-то на перевозчиков ставили «маячки», чтобы отслеживать их перемещения, но об этом быстро узнали те, от кого перевозчикам и предстояло скрываться. Пришлось отказаться от «маячков» и предоставить курьерам полную свободу.

Завершив очередную «петлю», Антон оказался на Волхонке и спустился к набережной. На мосту огляделся, отделяя наметанным

взглядом туристов от тех, кто спешил по делам. Вокруг не было никого, кто привлек бы его внимание. Но Белова по-прежнему не оставляло слабое, назойливое, как звенящий ночью комар, ощущение опасности.

«Черт возьми, да откуда оно?!»

Антон верил в интуицию, но не находил ни одного подтверждения тому, что за ним действительно кто-то следит.

Он словно оказался в чуть-чуть видоизмененной реальности. Подсознание фиксировало мельчайшие отклонения от нормы, но мозг не знал, что ему делать с этой информацией. «Морячки эти... Еще Котов вчера с утра... Поганец!»

Сашка Котов, заместитель начальника службы безопасности, лощеный прохвост с честными голубыми глазами, несколько раз желал Антону удачи перед «делом». У курьеров это считалось плохой приметой, и Белов каждый раз едва сдерживался, чтобы не послать Котова ко всем чертям. Но вчера Сашка превзошел самого себя: расчувствовавшись, похлопал Антона по плечу и приобнял на прощанье.

«Может, он гей? Наши что-то мне про него рассказывали... Вспомнить бы еще, что именно. Теперь привяжется его мерзкая рожа, из головы не выбросишь».

Антон миновал памятник Петру, пересек сад с жутковатыми скульптурами и вновь принялся петлять через дворы, будто заяц, запутывающий след. Оставался последний этап. Еще несколько кварталов – и он сможет избавиться от груза.

«Вы ни в коем случае не должны двигаться прямо к цели! – учили их два года назад.

– Запомните, самый короткий путь – не для вас. Исходите из того, что противник знает, из какой точки вы вышли и куда должны прийти. Стройте маршрут так, чтобы его невозможно было просчитать. И помните: вам не нужно привезти груз как можно быстрее. Вам просто нужно привезти его. В вашем случае время – тот ресурс, которым можно пожертвовать».

Что ж, курьеры жертвовали временем. Не доходя одного квартала до цели, Антон свернул влево, удлиняя путь – но и сбивая с толку возможных преследователей.

Вскоре он очутился в проходном дворе. Двор был старый: с тихой, «осыпающейся» детской площадкой под узловатыми липами, с домами грустного желтого цвета, вставшими в оборонительное каре против новостроек. Белов устремился в арку, собираясь как можно скорее проскочить это унылое место и выбраться на проспект, от которого до клиента оставалось в буквальном смысле десять шагов. Но ему помешали.

Двое в серо-синей форме вынырнули из-за мусорного бака, словно прятались там, и преградили Антону путь.

– Сержант милиции Спиридонов, – невнятной скороговоркой пробубнил один, изучающе глядя на Антона.

– Ваши документики, пожалуйста.

Белов полез в карман за документами. Он был совершенно спокоен. Встреча с сотрудниками милиции входила в перечень стандартных ситуаций, которые они отрабатывали на подготовке.

«... – Чего может хотеть мент? – пожилой, наголо бритый мужчина обвел взглядом аудиторию.

– Денег!

– Само собой. Но не только их. Чего еще?

Десять человек слушателей озадаченно молчали.

– Думайте, думайте! Вы же взрослые неглупые люди. Представьте, что вас останавливает патруль. Какая у этих ребят мотивация, если не брать в расчет надежду пожить?

– Интерес? – осторожно предположил Белов. Он старался не высовываться на занятиях, предпочитая больше слушать и запоминать, чем говорить.

– Поясни.

– Ну... Например, им хочется поразвлечься. Чтобы их поуготоваривали. Почувствовать власть. То есть им нужны не деньги, а эмоции. Игра с жертвой.

– Да, это вполне возможно. Хорошо. Что еще?

Десять взрослых тренированных мужчин переглядывались и пожимали плечами.

– Что ж, забавно. Ваши ответы весьма показательны. Вы нашли всего две мотивации, совершенно упустив из виду, что патруль может добросовестно делать свою работу. Например, проверять вашу сумку на предмет обнаружения там наркотиков или взрывчатки. М-м-м? Об этом вы не подумали?

– Довольно фантастическая ситуация, – неуклюже сострил кто-то.

– Поэтому и не подумали.

– Однако вам придется с ней столкнуться, – не приняв шутку, сухо ответил преподаватель.

– И неплохо бы вам понимать, что мент, выполняющий работу, для вас опаснее всего. От тех, кто хочет денег, вы откупитесь. Для тех, кто хочет поразвлечься, прикинетесь дурачком, и от вас отстанут. Но в отделение вам

попадать нельзя. Итак, первое, что вы должны сделать – понять, кто перед вами и чего от вас хочет. В соответствии с этим вы и строите три разных модели поведения. Давайте остановимся на них подробнее...»

Пока сержант милиции Спиридонов рассматривал паспорт Антона, тот изучал его и второго патрульного, пытаясь применить теоретические знания на практике. Его пару раз останавливали для проверки на вокзалах, но тогда Белову хватало билета и паспорта с московской пропиской. Сержант же на прописку глянул только мельком и теперь зачем-то рассматривал фотографию.

– Далеко направляемся? – без выражения спросил Спиридонов, не поднимая глаз на перевозчика.

– К другу еду, – спокойно ответил Белов. «Будете искать, к чему придраться? Не к чему, товарищи милиционеры, не к чему. Так что отпустите меня с миром и сами идите на все четыре стороны».

– А где же друг живет?

– На Третьей Фрунзенской, – не задумываясь, сказал Антон.

– Далековато тебе еще...

– Точно, командир, далеко. Хочу выбраться на проспект и тачку поймать.

– А в сумке что?

– Сменная одежда и обувь. Показать?

Белов с готовностью взялся за край сумки, собираясь открыть молнию, но сержант лениво махнул рукой и протянул Антону паспорт. «Неужели все? – удивился Антон.

– Точно, сейчас отпустят. Расслабленные они какие-то, как будто им не до меня. Зачем же тогда тормознули?»

– Спасибо! – сказал он, пряча паспорт.

– Могу идти?

– Нет, ты постой! – встрепенулся сержант.

– Сумку-то все-таки открой, а? Мы только глянем – и все. Служба такая, сам понимаешь...

«– Не упрямитесь, не вступайте в спор, а главное, не говорите о законе и своих правах, – учили Белова на занятиях.

– Вы же понимаете, что в разговоре с представителем власти упоминание о правах равносильно предложению набить вам морду. Так что не надо. Воздержитесь».

Помня об этом, Антон не стал сопротивляться и послушно потянул молнию на себя. Сумка развалилась на две половины, и он придержал ее

сбоку, чтобы не вывалились вещи. Сержант замер над сумкой, изучая ее содержимое. Второй патрульный незаметно шагнул в сторону и исчез из поля зрения Белова. Стоять с раззявленной сумкой Антону было неудобно, но сержант Спиридонов все смотрел и смотрел, и Белова вдруг словно что-то ударило.

Эта парочка ленивых милиционеров – что она забыла здесь, в этом желтом дворике, куда даже бродячие кошки не заглядывают? Что за странное место они выбрали, как будто ждали именно его, Антона? А если не выбирали, а просто шли по своим делам, то зачем остановили его? И что за нелепая возня с сумкой? Зачем? Разве что...

«Разве что затем, чтобы у меня были заняты обе руки».

Антону стало не по себе. Не выпуская сумку, он искоса бросил взгляд на молчаливого патрульного. В ту же секунду тот сделал шаг навстречу и выбросил вперед сжатый кулак, в котором блеснуло что-то, похожее на рыбу, выпрыгивающую из воды.

Смертоносная «рыбина» рассекла воздух и обожгла увернувшемуся Антону бок. Белов отпрыгнул в сторону и швырнул сумку в лицо нападавшему.

– Соппротивление при задержании, – укоризненно сказали позади него.

– Первый предупредительный.

Антон обернулся, но слишком поздно. Пистолет в руке сержанта Спиридонова дернулся, громыкнул «первый предупредительный», и Белова с силой ударило в плечо.

В первый момент он не почувствовал боли. Заполoshное эхо, заматавшееся по двору, оглушило его, и долю секунды он мог только изумленно смотреть на человека в форме, не побоявшегося стрелять из табельного оружия днем в жилом районе Москвы.

Затем мозг его включился, и сразу же он ощутил, как плечо проткнула толстая игла, заворчалась внутри.

«Да они психи, – мелькнуло в голове у Антона. – Плевали на все, будут убивать даже при свидетелях».

Он рванул с места и застонал на бегу, чувствуя острую боль в плече. В арку, в арку, быстрее! Там можно попытаться уйти дворами, он знает все ходы и выходы, там спасение от этих убийц в форме, непонятно как вычисливших его путь. Еще несколько метров – и...

Второй выстрел настиг его, когда он заворачивал за угол. Пуля попала в бедро. На этот раз Антон сначала ощутил, будто в ногу ткнули раскаленным прутом, затем его отбросило в сторону, и лишь потом он услышал грохот, от которого задрожали стекла на первом этаже.

Белов упал на теплый асфальт, скрючившись от боли и стараясь не стонать, чтобы преследователи поверили, что он полумертв. Топот шагов – и Антона грубо перевернули на спину, обшарили карманы.

– Нашел? – спросили сзади.

– Вот они, – бросил назвавшийся сержантом.

– Держи!

Антон открыл глаза.

Сержант стоял над ним и протягивал мешочек с бриллиантами напарнику. Обежав взглядом двор, Белов осознал, что шансов у него нет: с такой раной ему не добежать и до подворотни. Сейчас они хладнокровно прикончат его и исчезнут с камнями.

«...и я даже не узнаю, где проколотся».

Скрипнула дверь, и из ближнего подъезда наружу выползла сухая согбенная старушка. Подняла голову – и застыла, уставившись на Белова. Тяжелую дверь она машинально придерживала рукой, но та уже закрывалась, подтягивая за собой и старушонку.

Антон понял, что это его единственный шанс и другого не будет. Сжав зубы, он подбросил вверх здоровую ногу и со всей силы ударил сержанта в пах.

Патрульный взревел и согнулся пополам. Белов вскочил и, хромя, метнулся к подъезду, зажимая ладонью рану в бедре.

Он проковылял мимо старушки, на лице которой медленно созревало удивление, ворвался в подъезд и дернул дверь на себя. Тяжелая железная дверь захлопнулась за ним, но тут же затряслась от рывков снаружи.

«Сейчас выбьют из старушки код – и догонят», – понял Антон.

Он тяжело побежал вверх по ступенькам. Рубаха и джинсы промокли от крови, каждый шаг давался ему с невероятным трудом. «Выбраться бы наверх! Может, по крышам смогу уйти...»

Но на последнем пролете Антон понял, что выбраться ему не удастся. С двумя такими ранами он не сможет скакать по крышам. Под ногами у него собралась темно-красная лужица, еще немного – и он потеряет сознание от потери крови.

Сверху раздался шорох. Белов поднял голову и увидел на лестнице, ведущей на крышу, сизого косматого бомжа. Тот сидел в окружении объедков, с непонятным выражением глядя на кровавый след, оставшийся за Антоном.

Люк над ним был приоткрыт. Антон шагнул к бомжу, но это движение лишило его последних сил. Снизу загрохотала распахнутая дверь. «Они поднимутся сюда, сперва закончат со мной, а потом и мужичонку уберут

как ненужного свидетеля».

Вцепившись в перила, чтобы не упасть, Белов выдавил, обращаясь к бомжу:

– Беги, отец...

Секунду бомж смотрел на него, не мигая. А затем, правильно поняв предупреждение, вскочил и с кошачьей ловкостью исчез в открытом люке. Антон обвел взглядом квартиры на лестничной площадке в слабой надежде на чудо, которое спасет его, но в глубине души зная, что чуда не случится.

И вздрогнул.

Тамбурная дверь справа была приоткрыта. В щель виднелись старые разношенные туфли. Снизу приближался топот, и Белов, собрав остатки сил, ввалился в тамбур, неслышно прикрыл дверь и сполз вниз, придерживая дверную ручку. Чертова дверь запиралась ключом, а не засовом! Ему оставалось только тянуть ее на себя, чтобы снаружи казалось, будто она закрыта.

«Если снаружи дернут – мне конец».

Преследователи добежали до пятого этажа и остановились в растерянности.

– Куда он делся? – мрачно спросил один. Белов слышал тяжелое сопение так хорошо, будто его и убийц ничего не разделяло.

– На крышу ушел! – догадался второй.

– Вон, глянь!

Металлическая лестница загремела. «Наверх побежали», – облегченно подумал Антон. На глаза напознала вкрадчивая серая пелена. Он выпустил дверь, нажал поочередно две точки на висках – и в глазах прояснилось. Он знал, что это временный эффект, которого хватит не больше, чем на пять минут. Но те двое, что выскочили сейчас на крышу, должны были вернуться еще раньше – стоило им только убедиться, что его там нет.

«Значит, у меня минуты полторы, не больше».

Антон оглядел квартирные двери, выбрал ту, где замок был проще, и, скривившись от усилия, вытащил из кармана джинсов отмычку. Пальцы у него дрожали, и он попал в личинку замка только с третьей попытки. Замер, нащупывая «язычок», – и надавил.

Замок щелкнул, открываясь. Но, прежде чем войти, Антон подтащил пыльный коврик к тому месту, где он сидел, и бросил на пол, маскируя кровавый след.

Оказавшись в квартире, он закрылся изнутри. Цепляясь за стены, добрал до ванной комнаты. Шкафчик с лекарствами оказался там, где он и предполагал. Антон стащил с себя одежду, сорвал пояс с бриллиантами,

разорвал зубами упаковки бинтов и прижал полотенце к ране в бедре. С плечом можно было разобраться и потом, а вот эта дыра тревожила его всерьез. Разбросав пузырьки, он раскопал обезболивающее и проглотил сразу пять таблеток, запив их водой из-под крана.

«Пуля, похоже, задела артерию... Если не остановлю кровь – считай, труп».

Антон отбросил в ванну намокшую от крови тряпку, вылил на рану два пузырька хлоргексидина и схватил второе полотенце. Наложив импровизированную повязку, он сполз на пол и прислонился спиной к стене. Надо было заняться раной в плече и царапиной от ножа, но у него не было сил. Надо было добраться до телефона, но даже мысль о том, что он должен подняться и куда-то идти, вызывала усмешку.

Внизу, во дворе, раздались громкие крики. Даже сидя в ванной комнате, Белов слышал, как пронзительно завизжала женщина.

«Неужели эти двое пришили старушку?»

Он бросил взгляд на повязку. Кажется, кровь ему удалось остановить. Теперь нужно возместить кровопотерю... Но в этой аптечке не было ничего, что могло помочь ему.

«Подожду хозяев, спрошу у них», – с мрачным юмором подумал Антон.

В такую переделку попадать ему еще не доводилось. Первый раз за два года работы он был настолько близок к смерти. Но отчего-то мысль об этом не вызвала у Белова особого ужаса.

«Жил бестолково... Да и сдохну тоже не смертью храбрых».

Антон чувствовал не страх, а досаду: ему помешали качественно сделать его работу. Правда, половину груза он сохранил, но что толку, раз он не в состоянии доставить его.

Он уселся удобнее, привалился спиной к прохладному кафелю. Надо бы поменять повязку... Поменять... И позвонить своим... Вот только бы добраться до телефона... Где в этой квартире телефон?

Боль ушла, но вместо нее нахлынула слабость – нехорошая, опасная, как сон в зимнем лесу. У Антона не осталось сил противиться ей.

– Не спать, – беззвучно, одними губами приказал он себе.

И провалился в забытие.

Человек, представившийся Антону сержантом Спиридоновым, в эту секунду находился в пяти кварталах от старого двора, и машина стремительно уносила его все дальше. Он прижал трубку к уху и, дождавшись ответа, сказал:

– Все готово.

– Обошлось без осложнений?

«Сержант» сделал паузу перед ответом, и она не осталась незамеченной.

– Что такое? – рыкнули ему в ухо, и он, поморщившись, отодвинул телефон. Напарник сочувственно глянул на него и отвел глаза.

– Груз у нас, а об остальном я хотел бы доложить, когда приедем, – собравшись с духом, предложил Спиридонов.

– Идет. Жду тебя через полчаса.

В трубке раздались гудки отбоя.

«Сержант», которого на самом деле звали Игорем Савушкиным, нервно скрипнул зубами: ехать до шефа оставалось не меньше сорока минут, а по московским пробкам – и все полтора часа.

– Через полчаса, значит, ждет... – пробормотал он и наклонился к шоферу.

– Давай не по кольцу, а напрямую, не то с нас головы снимут.

Машина вильнула вправо, наперерез потоку, бесцеремонно подрезая другие автомобили, и, вызвав за собой шквал сигналов от возмущенных водителей, исчезла в переулке.

Через сорок минут те, кто напал на Антона Белова, стояли перед непосредственным начальством в огромном темном кабинете. Мешочек с бриллиантами лежал на столе: в него никто даже не заглянул, будто исполнители привезли не груз миллионной стоимости, а безделушку.

– Так вы убрали курьера или нет? – спрашивающий казался спокойным, но Игорь порадовался, что его и начальство разделяет широкий стол.

– Я выстрелил в него, как и должен был, – торопливо отчитался он.

– Ранил, но перевозчик сумел убежать в подъезд и выбрался на крышу. Мы преследовали его, он попытался перебраться на соседнее здание и свалился.

– Уверены, что он разбился?

– Абсолютно. Там пятый этаж, он упал на асфальт.

– Как помидорка, – вдруг подал голос второй исполнитель и даже осмелился хихикнуть.

– Вы видели тело своими глазами? – настойчиво спросил человек за столом.

– Конечно, – без тени колебания в голосе соврал Игорь, подумав, что будет лишним уточнять подробности.

Они ведь и в самом деле видели издалека, как беглец забрался на ограждение, пошел по нему, балансируя, внезапно махнул руками и сорвался. В соседнем дворе, куда он упал, поднялся такой визг, что они сочли за лучшее обратиться оттуда немедленно.

– Разбился он, это точно, – повторил для убедительности «сержант».

– Наверное, упал из-за раны. Может, уже был мертв, когда падал.

– Ну хорошо... Про оружие не забыли?

– Нет, бросили там.

Шеф кивнул уже благосклоннее, подвинул к себе мешочек и рассеянно вытряхнул на стол его содержимое. Перебрал толстыми пальцами бриллианты, словно речные камешки, и вдруг рука его замерла над ними.

Он поднял глаза на исполнителей, и те подались назад, еще не понимая, что случилось, но предчувствуя неладное.

– Где остальное? – угрожающе проговорил шеф.

– Что – остальное? – непонимающе переспросил Игорь.

– Ты что, дурак?! – взорвался тот.

– Где остальные камни?!

Он потыкал пальцем в бриллианты и с такой силой щелкнул по последнему, что тот отлетел на край стола.

– Здесь – четырнадцать! А должно быть – двадцать восемь! Где еще половина?! Вы, придурки, где остальная часть?!

«Сержант» побледнел.

– Это все, что было!

– Точно, не было больше, – опасливо подал голос из-за его спины напарник.

– Вы курьера обыскали? Я вас спрашиваю, вы его обыскали? Не верхнюю одежду обшарили, а всего, включая трусы?

– Всего – не успели, – тихо сказал «сержант».

– Мы вообще думали, что он мертвый, а эта сука как рванет...

– Идиоты!

– Мы же не знали, сколько у него с собой! Схватили груз и решили, что больше у него нету...

– Решили они...

Шеф снова рывком сгреб камни. Их блеск потух под его массивной ладонью.

– Где же остальное? – уже спокойнее спросил он.

Исполнители промолчали, понимая, что вопрос адресован не им.

– Может, вы додумались их спереть?! Или курьер?

Бледные лица его подчиненных выразили протест и ужас.

– Шучу, шучу! – фыркнул шеф.

– Куда уж вам. Получается, половина камней все еще у него.

– А не мог он их кому-то передать? – робко спросил напарник «сержанта».

– Он работал один, второго курьера не подключали. Мог, конечно, сбросить половину в какой-нибудь тайник, но с чего? За ним не следили...

– Может, следил кто-то, кроме нас? – предположил «сержант», пытаясь реабилитироваться. – Курьер заметил слежку, избавился от части груза, а затем мы его встретили.

– Может быть, может быть... Значит, камни или в тайнике, или у него. Если в тайнике, нам их не найти. Если у него...

Сидящий замолчал. Игорь непроизвольно втянул голову в плечи. Если половина груза осталась у курьера, то в это самое время бриллианты переключиваются в руки милицейской бригады, прибывшей по вызову.

Шеф явно подумал о том же, потому что качнул лобастой головой и закончил:

– ... А если у него, то уже не у него. Труп камешки ни к чему. Их быстро менты приберут. А что к ним попало, то с возу упало. Да, дороговато мне обойдется ваше разгильдяйство...

Он замолчал, прижав ладонь к столу и покатывая бриллианты вперед-назад. Двое стоящих перед ним в панике ожидали приговора. Если шеф сейчас решит, что именно они виноваты в пропаже половины груза, то им можно забраться на ту крышу, с которой свалился курьер, и сигануть за ним следом.

– Валентин Петрович, может, нам опергруппу тормознуть, отобрать у них вещдоки, – от отчаяния предложил напарник Игоря. Предложение было дурацким, и это понимали все, включая его самого.

– Конечно-конечно, – кивнул шеф.

– А потом они выпили – и тормознули опергруппу. Молчи, раз обделался. Обойдемся без твоих идей.

Он с отвращением взглянул на помощников:

– Вот что: вы сейчас свободны. Исчезните, и чтобы я ваши рожи не видел в ближайшую неделю.

– А как быть со второй частью груза? – отважился спросить Игорь.

– Пускай остается там, где есть. Может быть, это и к лучшему, – загадочно ответил шеф.

– Все, аудиенция окончена.

И когда двое мужчин торопливо вышли, брезгливо бросил им вслед:

– Кретины...

Глава 2

За поливальной машиной тянулся длинный мокрый след, как за гусеницей. Машина тарахтела себе неторопливо по утреннему проспекту, и два белых водяных уса воинственно торчали в разные стороны. Майя остановилась перед рекламным щитом «Ювелирная выставка в Сокольниках» – и, конечно, один из усов хлестнул ее по ногам. Колготки тут же промокли, в туфлях захлюпало.

– Женщина, я извиняюсь! – проорал водитель, приоткрыв дверь кабины.

– Но вы тоже, я извиняюсь, нашли, где стоять!

Майя, не расстроившись, махнула рукой и побежала на работу. Первые покупатели появлялись не раньше одиннадцати, но Моня настаивал, чтобы летом салон открывался в девять. Причем лето для Мони Вермана начиналось в апреле. Он был, кажется, единственным человеком во всей Москве, который твердо верил в это, и ждал такой же убежденности от подчиненных.

Но подчиненные не верили. Им, особенно Майе, весь апрель казалось, что лето вообще никогда не наступит. Будет мокрое, всхлипывающее межсезонье, грязное, как снег на обочинах, а потом сразу ухнет зима – и все пойдет по новой.

Но ровно три дня спустя после окончания апреля в город ввалился буйный, распеваящий во все птичьи глотки май. Дома расправились и помолодели. Витрину ювелирного салона «Афродита» отмыли до блеска, и теперь-то уж никто не сомневался, что лето совсем близко.

– Боже ж мой! – с ужасом воскликнул Моня, когда Майя зашла в магазин.

– Вы посмотрите на эту женщину! Марецкая, ты выглядишь как шлеперка. С тебя можно писать картину «Московский босяк»!

Но ужас его был наигранным. Моне Верману нравилось смотреть на Майю. За последний год она расцвела на его глазах, и Моня не без оснований полагал, что в этом есть и его заслуга. «Подобрали, обогрели», – с легким самодовольством думал он, вспоминая, какой она появилась перед ним: измученная женщина с поникшими плечами и копной черных волос, падавших ей на лицо.

От лохматой копны Майя избавилась на третий месяц работы в «Афродите», и Моне открылось чудо: точеное лицо с нежной кожей и

яркими синими глазами. Увидев помощницу в новом облике, Верман потерял дар речи, а ехидный Сема тут же посоветовал ему закрыть Марецкую в кабинете и не выпускать на глаза посетителям, чтобы те не похитили их красавицу.

Клиенты и в самом деле засматривались на коротко стриженную брюнетку с узкими запястьями и тонкими пальцами. Но Майя работала вдохновенно, не обращая внимания на окружающих, и вскоре Моня успокоился: его находка оставалась при нем.

На крики Вермана из-под прилавка выглянул Яша. Рыжий лохматый Яша окинул взглядом Майю и пожал плечами.

– Дядя Моня сегодня не в духе, – пояснил он.

– Его укусила муха, которая встала не с той ноги. Вы можете себе представить?

Верман шикнул на племянника, и худой Яша, сложившись, точно складной метр, снова исчез под прилавком.

– А, это ты, уточка! – приветствовал Майю Сема Дворкин, выбираясь из своей комнатки.

– Моня, что ты такой заведенный с утра, как будильник? Почему наша Майя – босяк?

– С вами будешь заведенный. Вы мне рвете нервы, Сема, и не по одному разу. Посмотри на ее ноги. Нет, ты посмотри на ее ноги!

– Зачем мне смотреть на ее ноги? – возражал Сема.

– Я пожилой человек, мне вредно волноваться, а от таких прекрасных ног любой станет не в себе.

– Да они мокрые!

– Это неприятность, да, – соглашался Сема.

– Но такое с каждым может случиться. Вот, помню, лежал я в Морозовской больнице...

– Все! – завопил Верман, заткнув уши.

– Марецкая! Живо за работу! И переодень свои ноги, я тебя умоляю!

Майя, смеясь, прошла в комнатку. Рабочий день начался.

Сема и Моня снова препирались о чем-то возле витрины. Оба маленькие, толстенные, лысые, только Семину лысину обрамляли торчащие волоски, а вокруг плечи Мони вились черные кудряшки.

Про себя Майя называла их Шалтай и Болтай. Еще они походили на героев «Алисы в стране чудес», Труляля и Траляля, вечно спорящих близнецов. Самое смешное заключалось в том, что Моня и Сема даже не были родственниками.

Яша снова вынырнул наружу, укоризненно посмотрел на дядю. Верман взял его на работу всего пару месяцев назад. По мнению Яшиной мамы, ее сын был жутко талантлив: он выучился в Москве на химика и даже уехал работать в Китай. Однако через год вернулся обратно – без денег, одичавший и голодный. Облившись слезами над сыном, мама упростила Моню помочь мальчику.

О своей прежней жизни Яша говорил неохотно. У Майи сложилось впечатление, что в Китае он что-то натворил и сбежал от сурового китайского правосудия. Что бы это ни было, но с тех пор меланхоличный Яша вел себя тихо, а с дядей пререкался исключительно из любви к искусству.

Правда, имелся у них один постоянный повод для стычек. Повод назывался «Кулек и Повар».

Под этими живописными кличками скрывались два Яшиных приятеля: Данила Кульков и Коля Порошин. Оба – источник непрекращающейся головной боли для Мони Вермана.

Данька Кульков получил свое прозвище вовсе не из-за фамилии. У мелкого, тощего парнишки вечно были полны карманы семечек. В свободную минуту Данька основательно усаживался на корточки, вытаскивал пригоршню и поклевывал, лихо сплевывая шкурки. Чисто голенастый воробей, поглядывающий на свою стаю орлом.

Как-то раз эту картину увидела, возвращаясь из школы, учительница русского языка и литературы.

– Фу! – осуждающе сказала она.

– До чего же бескультурно! У вас даже руки черные от этой гадости. Заплевали все вокруг! А ведь вы умные, воспитанные мальчишки!

«Умные, воспитанные мальчишки» глумливо заржали. Все, кроме Даньки. Он цыкнул на остальных и заверил, что такое больше не повторится.

Через несколько дней учительница вновь обнаружила Данилу, сидящего в любимой позе возле школьного забора.

– Кульков! – трагически воскликнула она.

– Как же так?!

– Спокойно, Верыгнатьевна, – веско сказал Данька. Распрямился, предъявил оторопевшей учительнице газетный кулек и лихо сплюнул туда шелуху.

– Во! Все культурно, как в музее!

И с тех пор всегда таскал с собой сложенную газету, из которой мастерски крутил кулечки. С того же дня прозвище «Кулек» прицепилось к

нему крепко-накрепко, как застрявшая в зубах шелуха.

Его закадычный приятель, Коля-Повар, заработал свое прозвище раньше. Коля Порошин был здоровенным увальнем с огромными руками-лопатами и круглой, как колобок, головой. Он производил впечатление глуповатого безобидного парня. Но дразнить его опасались: Коля тут же выходил из себя и молотил тяжеленными кулаками, как взбесившаяся мельница, не разбирая, куда попадет. За пару драк его чуть не исключили из школы, но отстояла мать – такая же большая, похожая на гренадера женщина. Щуплого Кулька Порошин слушался беспрекословно, признавая за товарищем ум и находчивость.

Однажды у мальчишек отменили урок труда, и пятнадцать оболтусов согнали в класс к девочкам. Девочки в передниках учились варить суп.

Неожиданно для всех Порошин присоединился к ним. На него с хихиканьем нацепили передник, и Коля увлеченно взялся за поварешку. Десять минут он помешивал борщ, стоя спиной к классу и игнорируя шуточки. Когда же пришла пора дегустировать готовое блюдо, оказалось, что дегустировать почти нечего: Порошин незаметно выхлебал всю кастрюлю.

– Ну ты... повар! – заявила ему разгневанная учительница.

– Иди отсюда! Безобразие!

Так Коля Порошин стал Поваром.

Два товарища были знакомы с Яшкой еще со школьных лет. Как могли сойтись два подростка из неблагополучных семей и рафинированный еврейский мальчик, увлекающийся химией, никто не мог объяснить. Но в свободное от Яшкиных опытов время они вместе шатались по дворам, к ужасу и возмущению Яшиной мамы.

Через несколько лет пути их разошлись: Яша, окончив институт, уехал в Китай, а Кулек и Повар то болтались без дела, то находили какие-то сомнительные занятия. Когда племянник Вермана вернулся в Москву, оба приободрились: свои люди да на теплом местечке в ювелирном салоне! Яша поможет им устроиться! Они тоже могут торговать этими... как их.... брюликами.

К их великому огорчению, Моня Верман так не считал. Моня Верман синел как удавленник, когда на пороге появлялись две знакомые фигуры. Он запретил им приходить, но это не помогло: Данька с Поваром поджидали Яшу на заднем дворе, потягивая пиво, грызя семечки и смачно сплевывая их в газетный кулек.

– Как ты можешь с ними общаться?! – кричал Моня на племянника.

– Что у вас общего, я имею спросить?! Они поведут тебя плохой

дорогой, Яков!

– Дядя, не мельтешите! – просил Яша.

– Какой дорогой, когда они смиренно сидят в глубокой заднице?

– И ты обязательно хочешь сесть с ними рядом?!

– Я просто хочу попить с ними пива! Имею право?

Эти споры повторялись регулярно, но ничего не менялось: Кулек с Поваром невозмутимо пили пиво, Яша ожесточенно сражался с дядей за право составить им компанию, а Моня кипел и булькал, как камчатский гейзер, но поделаться ничего не мог.

Майя села за свой стол, разложила срочные заказы, поглядывая в салон. В их с Семой каморке одна стена и дверь были стеклянные. Моня Верман утверждал, что клиентам нравится смотреть на работу ювелиров. А Майя любила исподтишка наблюдать за посетителями салона «Афродита».

Это место было хорошо известно в Москве. Владел им предприниматель Аман Купцов, хозяин сети недорогих ювелирных магазинов. Но «Афродита» стояла особняком среди них.

Сюда навевались настоящие ценители камней, сюда приносили украшения на переделку, сюда шли купить *стоящие* бриллианты, которые Моня разыскивал по всему миру.

В конце концов, здесь хозяйничал Моня Верман!

– Сема, к нам по проспекту телепается какая-то баба, – нараспев сообщил Верман.

– И я чувствую, она идет не за просто так.

– Фу, Моня, что за жаргон, – поморщился Сема.

– Да, я вижу даму. Дама благородной наружности, чтоб я так смотрелся, как она.

– А шо я такого сказал? – возмутился Моня.

– Шо такого? Я разве спорю, что это дама? Моя тетя Рая из Одессы выглядела очень даже похоже до тех пор, пока не переехала на Брайтон-Бич.

– А что с ней случилось на Брайтон-Бич? – заинтересованно спросил Яша.

– Да помэрла, – флегматично отмахнулся Моня.

– Не вынесла расставания с малой родиной. Порвалось сердце от грусти.

– Что ты говоришь, Моня! – воскликнул Сема.

– Твоя тетя Рая из Одессы скончалась оттого, что в нее врезался

молочный фургон на переезде.

– Вот я и говорю, – подхватил Мونها.

– Сердце разорвалось от грусти. Разве мог в Одессе въехать в тетю Раю какой-то поц на фургоне?

Звон колокольчика положил конец их спору. Дверь широко распахнулась, впуская внутрь посетительницу в облаке духов и автомобильной гари.

Сема с Моней, утратив всю шутливость, одновременно поклонились вошедшей, и первый исчез в подсобной каморке, где сидела Майя, а второй выжидательно замер за прилавком. Яша, повинувшись незаметному знаку дядюшки, притулился в углу и не отвечивал: учился.

Дама благородной наружности, как выразился Сема, хоть и несколько мужеподобная, твердыми шагами прошла к витрине, не ответив на приветствие, и нависла над ней. Глаза навывкате впились в украшения, выложенные на темно-синей подложке. Пальцы в бархатных перчатках слабо шевелились, будто самостоятельно решая, что же схватить. На среднем пальце, плотно насаженный на ворсистую ткань, красовался толстый, как шмель, перстень с хризолитом.

Все ждали выхода Мони. Но Мونها пока молчал. Другой на его месте уже давно поинтересовался бы, чего хочет клиентка, но Мونها молчал: почтительно, внимательно, но без малейшего оттенка выжидательности. Боже упаси торопить покупательницу, боже упаси!

Это было не томление консультанта, мающегося от безделья и ждущего – когда же, когда же, наконец, к нему обратится медлительный клиент. Нет, Мونها Верман молчал профессионально, делая вид, будто занимается своим делом в трех шагах от дамы, но в то же время неуловимыми флюидами давая понять, что он здесь, рядом, готов в любую секунду прийти на помощь. Как рыбака, подстерегающий крупную рыбу, он опасался раньше времени дергать наживку.

Тишина затягивалась. Со стороны это могло бы показаться проявлением неуважения, но Майя видела: Верман работает, и он лучше всех знает, что делать.

Наконец покупательница пришла в движение. Как башня танка, она начала неторопливо поворачиваться к продавцу, и Мونها тотчас исчез с того места, где он стоял, и материализовался напротив дамы: скромный, послушный ее приказу.

– Мадам желает что-то посмотреть? – с невыносимо еврейским, карикатурным прононсом осведомился он.

– Какое из украшений заинтересовало мадам?

Откуда ни возьмись, появилась у Мони дикая картавость. Движения стали суетливыми, и сам он ссутулился и будто бы даже уменьшился.

Никто не выказал ни малейшего удивления: если Моня считал нужным кривляться, значит, следовало принять это как должное.

– Покажите изумруд, – величественно приказала дама, снимая перчатку.

– Вот этот.

– Прекрасный выбор, прекрасный! – льстиво одобрил Верман.

– Я уже заметил по перстню, что у мадам отменный вкус! Вот, пожалуйста, прошу вас!

Кольцо с изумрудом уселось на палец левой руки. Дама вытянула руку, окинула взглядом картину: мясистый розовый палец и нежный зеленый изумруд.

– Роскошно, – только и сказал Моня, понизив голос.

– Дайте-ка мне бирку, – потребовала дама, не снимая кольца.

– Что у вас за камешек?

– Бесподобный камень, – с тихой укоризной отозвался Верман.

– Бесподобный.

– Да у вас все бесподобное, – фыркнула покупательница.

– Врете, поди.

– Мадам сомневается не во мне, – строго ответил Моня.

– Мадам сомневается в своем вкусе. Как можно! Прошу, обратите внимание.

Он провел пальцем по строчке, и они оба склонились над ценником.

– Я не говорю вам за чистоту, – покачал головой Моня.

– Ваши глаза не обманешь, вы сами видите, какой чистоты этот камень. Ваш супруг, дай бог ему долгих лет жизни, умрет, когда увидит его! Но я скажу вам за караты. Посмотрите, вы видите это число? Все будут видеть это число, поверьте! Будут глядеть огорченными глазами и плакать, потому что не каждый может позволить себе носить изумруд в два с половиной карата.

– А где его гранили? – проявила осведомленность дама.

– А как вы думаете?! – воскликнул Верман.

– Конечно, Колумбия! Он оттуда родом, как Христофор Колумб и Паганини. У нас, поверьте, вы не найдете таких камней! Когда-то были на Урале, но где сейчас тот Урал? За уральским хребтом и дальше, боже ж мой. А вы слышите, как он поет? Слышите? Это песня весны, поверьте мне, старому человеку!

Дама внимала. Она уже кивала, соглашаясь с картавой скороговоркой,

уже другими глазами смотрела на кольцо.

Перед Майей разворачивался театр одного актера. Моня обладал невероятной способностью продать кому угодно что угодно. Но этот талант был лишь верхушкой айсберга, практическим применением другого, более глубокого и объемного.

Верман феноменально разбирался в людях. Он читал их, как научившийся читать ребенок читает вывески: жадно, торопливо, крайне редко ошибаясь в незнакомых буквах или непривычном написании. Как старая гадалка определяет прошлое и будущее, угадывая их не по картам, а по облику клиента, так и Моня имел наметанный глаз, невидимым лучом сканирующий любого.

Проницательность его поначалу казалась Майе сверхъестественной. Случалось, Верману хватало одного взгляда на вошедшего, чтобы шепнуть Яше: «Твой клиент». Почти всегда это означало, что он не желает тратить время на бесперспективного посетителя. И всегда оказывался прав.

Со временем Майя начала понимать, что это не так сложно, как кажется на первый взгляд. Выражение лица, одежда, манера держаться могли сказать о многом. Она сама научилась отсеивать владельцев спортивных костюмов, заскочивших в магазин по ошибке, и компании смешливых женщин, забежавших полюбоваться на украшения без цели купить их. Научилась распознавать, кто уйдет с покупкой, а кто останется разочарованным их ценами.

Но до Мони, как говорил Сема, всем им было далеко, как до Монблана. Он был недостижим. Он обладал самым главным чутьем: безошибочно определял, кого можно обманывать, а кого нет.

Колокольчик вновь прозвенел, дверь закрылась. Моня перевел дух и с торжествующей улыбкой оглядел сотрудников.

– Что ты ей втюхал? – осведомился Яша, когда покупательница с кольцом скрылась из виду.

– Почему сразу втюхал? – ошетинился Верман.

– Яков, женщина сама выбрала вещь, ушла счастливая! Откуда такие подозрения? Она считает, что понимает в камнях. Зачем я буду ее разубеждать?

– А она не понимает? – спросила Майя.

Сема рассмеялся, а Верман воздел руки к потолку:

– Боже ж мой, дама так же разбирается в изумрудах, как я в страусином помете! Ты видела, на что она посмотрела в первую очередь? На караты. А что самое важное в изумруде?

- Цвет, – не задумываясь, ответила Майя.
- Именно. А в бриллианте?
- Чистота и огранка.
- Вот! Запомни, деточка: каждый имеет тот камень, которого заслуживает.
- Ага! – снова встрял Яша.
- А Колумб и Паганини чем заслужили такую родину?
- Ой, да я вас умоляю! – пожал плечами Моня.
- С того Колумба не убудет, а дама ушла, повысив свою образованность.

Пока Верман спорил с Яшей, Сема тихо сказал, подняв очки:

- Ты поняла, что он ей продал?
- Имитацию? – так же тихо отозвалась Майя.
- Или дублет?
- Э-э, нет, камень-то настоящий. Даже не синтетика. Только вот *тресковатый*. И мутный. Я его славно обработал, все дефекты ушли под оправу. Моня давно хотел от него избавиться, больно уж он выделялся.

Дворкин улыбнулся и вернулся к своей работе.

Сема Дворкин – огранщик. Моня говорил, что Сема – гениальный огранщик, но тот всякий раз скромно поправлял: «Не гениальный, Моня, не гениальный. Говори просто: великий».

Для Майи Дворкин оказался неисчерпаемым источником информации. О камнях он знал все.

– Знаешь, девочка, как раньше гранили бриллианты? Друг об друга, да-да, представь себе! Ах, какой неразумный расход сырья! Алмазы закреплялись в станках и терлись один об другой. А первый гранильный станок появился только в начале нашего века. То есть прошлого века, конечно же! Все никак не могу привыкнуть, что живем в двадцать первом. Слишком много вокруг анахроничного.

– Например?

– Например, я. А что ты смеешься? Граню по старинке, без всяких новомодных лазеров, работаю медленно... Да, допотопное я чудовище.

«Допотопное чудовище» учило Майю хитростям ремесла ювелира. Как-то раз она обратила внимание на комплект с изумрудами – серьги и кулон в форме дельфина – и восхитилась работой мастера.

– Накоплю денег и куплю себе такой, – пообещала она.

Сема крикнул, достал лупу и усадил Майю рядом.

– Посмотри-ка, уточка, поближе на эту красоту. В кулоне – дублет. Видишь?

Майя непонимающе вскинула брови. Камень как камень, зеленый, прозрачный.

– Сработано неплохо, сразу и не заметишь, в чем подвох. Но если ты будешь внимательно смотреть своими ясными глазами во-о-т сюда...

И тут Майя увидела. Тонкая линия, похожая на трещину, пересекала камень на две неравных части.

– Здесь не один камень, а два, – объяснил ювелир.

– Сверху – настоящий изумруд, только махонький. А к нему приклеен другой камень, куда дешевле. Думаю, сюда пошла синтетическая шпинель. Но сколько стоит та шпинель, и сколько – изумруд! Улавливаешь мысль, птичка моя?

– Улавливаю, – пробормотала изумленная Майя.

– Плоскость склеивания легко найти, поэтому ювелиры стараются прятать ее в оправу. Платишь за двухкаратный изумруд, а получаешь того изумруда на треть карата. Остальное – пшик!

– Его на самом деле склеивают?

– А как же. Не клеим ПВА, ясное дело, а специальной пастой. Цвет в тон подбирают – и вот вам здрасьте, камешек будь здоров! Теперь давай твои сережки поглядим.

Дворкин приблизил лупу к зеленым камешкам.

– Вот тебе один, курочка, а вот и второй, – пробормотал он.

– А с этими что? – с горечью спросила Майя.

– Тоже склеенные?

– Нет, эти – синтетические. В лаборатории их вырастили, этих красавцев. Стоят в десять раз дешевле настоящего изумруда, но не в цене дело. Скажем, синтетические бриллианты почти такие же дорогие, как и настоящие. Но только они все мертвые. Души в таком камне нет, вот что я тебе скажу. И никаких свойств, какие настоящему изумруду присущи.

– Как вы определили, что они синтетические? Я думала, только анализ может сказать наверняка.

– Трещинки у синтетики не так расположены, как у живого камня. Ты права, анализ нужен, но у меня уже глаз набитый на это баловство.

Сема пренебрежительно отложил украшения в сторону и закончил:

– Видишь, старый Дворкин сберег немножко твоих средств.

К Моне Верману приходили самые разные посетители. Время от времени заходили старухи, закрывались в кабинете с Моне и подолгу шептались с ним о чем-то. Красивый старик с великолепным римским профилем появлялся в «Афродите» раз в неделю, осведомлялся о чем-то у

Мони и неторопливо покидал салон. Со всеми старичками Верман был приветлив и терпелив.

Наблюдая за ним, Майя однажды не смогла сдержать удивления.

– Что он выплясывает вокруг них, как родная внучка? Вы замечали, Сема? Определенно, ему что-то нужно от них...

– Может быть, может быть, – покладисто согласился ювелир.

– Хотя все-таки больше им от него. Все знают, что Верман дает хорошую цену там, где другие дают плохую.

– Так он скупает у них драгоценности? – догадалась Майя.

– Случается. Ты же знаешь, в этой стране такие пенсии, что на них можно прокормить средних размеров кота. Но средних размеров пенсионера на них не прокормишь. И они вынуждены расставаться с вещами, которые им дороги. Ты удивишься, голубка, когда узнаешь, какие украшения порой приносят с собой эти пожилые господа и дамы.

Как раз в этот момент из кабинета выплыла вслед за своим длинным носом старуха в рыжем парике. Не удостоив никого вниманием, она проследовала к выходу. Майя проводила ее восхищенным взглядом и обернулась к Семе, требуя комментариев.

– Вдова одного солидного человека, – пояснил тот.

– Покойный супруг занимал важный пост, они часто ездили за границу еще в *те* времена. У нее любопытная коллекция, и она постепенно распродает ее, но самые ценные экспонаты оставляет на десерт.

Из кабинета выбрался Верман, услышал последние слова Семы и скривился:

– Я раньше помру, чем дождусь десерта.

Но Майя видела, что он доволен.

– Значит, что-то приобрел, – подтвердил ее догадку Дворкин. – Видишь ли, голубка... Каждый настоящий ювелир мечтает найти камень-легенду. Не важно, какими путями! Такие камни сами выбирают себе хозяина, и в один прекрасный миг они могут оказаться и у нас в руках.

Майя улыбнулась, но промолчала. Этот зачин о камнях-легендах она слышала уже не в первый раз.

Случалось, что в волнах исторических бурь, переворачивавших жизни людей, пропадали именные камни – те, которые заслуживали своего собственного имени, а не только описания в сухих цифрах. Восемнадцатый и девятнадцатый века оказались особенно богаты на такие потери. Но иногда редкие драгоценные камни всплывали вновь. Эти случаи, пусть и вполне правдивые, пересказывали как легенды.

Только теперь Майя догадалась связать интерес Мони к старикам с

тем, что рассказывал Дворкин.

– Сема, вы действительно считаете, что кто-то из наших визитеров может хранить у себя одно из когда-то пропавших украшений? – с сомнением спросила она.

Сема задумался.

– Кто может сказать наверняка... – наконец медленно сказал он. – Истории известны удивительные случаи подобных находок. Карбункул «Элизабет», пропавший в семнадцатом веке, был найден два столетия спустя, когда внуки разбирали наследство за старой прабабкой. Почему бы и в наше время не случиться такому....

– ...чуду, – закончила Майя.

– Удаче! – поправил Сема.

– Такой удаче! Ведь есть же где-то тайник, в котором хранится «Голубой Француз». Или не тайник, а обычная шкатулка. Быть может, его нынешний владелец и не представляет, какой ценной вещью он обладает. Сапфир «Небесный свет» долгое время считали простой стекляшкой и давали детям поиграть.

Майя нахмурилась, пытаясь вспомнить, что она слышала о «Голубом Французе».

– «Француз» – это бриллиант, да?

– О, еще какой! – воодушевленно отозвался Сема.

– Не очень крупный для таких камней, всего около двенадцати карат, но чистый, как родниковая вода. А главное – цвет! Его называли «божественный голубой». Тавернье привез откуда-то из копей Индии огромный алмаз в сто двадцать карат без малого – если не врал, конечно. Он был тот еще хитрец, этот охотник за драгоценностями! Утверждал, что приобрел его в алмазных приисках Голконды, где можно встретить камень величиной с голову взрослого человека. Ему подвернулся поменьше, размером всего лишь с дыню, но изумительного голубого цвета, чистейший, как небеса над морем.

Майя попыталась представить алмаз размером с дыню. С «торпеду»? Нет, невозможно! Наверное, с «колхозницу».

– Все равно огромный... – пробормотала она.

– Не то слово! Три королевских двора Европы состязались за право стать обладателями такого удивительного сокровища. Победила, конечно, Франция. Лучшие драгоценности в то время принадлежали французской короне, и Людовик не мог упустить такой случай! Голубой алмаз – что могло больше подходить его королевскому величеству?

Майя слушала Дворкина, забыв про свою работу.

– И его ограничили?

– Э, нет. Ювелир короля сделал из него то ли три, то ли четыре бриллианта – точных сведений нет. Два из них получили название «Большой Француз» и «Малый Француз» и стали украшениями короля, третий был выкуплен и сложным путем попал в Россию, а о судьбе четвертого ничего не известно. Думаю, мы о нем никогда не услышим.

– А что стало с другими?

– Оба «француза», и большой и малый, были украдены в конце восемнадцатого века из королевской сокровищницы. Революция, голубка, что ты хочешь! Сокровища охранялись, но воры откуда-то узнали о потайном ходе, который вел из королевского кабинета. О, это оказались удивительно подкованные воры: они унесли только самое ценное, не тратя время на золото и серебро. Что стоимость золотого сервиза Людовика против стоимости рубинов в одном-единственном ожерелье королевы «Мантия Венеры»! И похитители об этом знали.

– Кто-то рассказал им, что нужно брать.

Сема кивнул:

– Или с ними был кто-то, понимающий в этом деле. Между прочим, обвиняли не кого-нибудь, а самого принца Георга, но доказательств так и не нашлось. «Большой Француз» – почти семьдесят карат! – исчез, и следов его не осталось. А вот с Малым все не так просто...

Дворкин придвинулся к Майе и заговорщически шепнул:

– Считается, что он тоже пропал бесследно. Но...

Сема сделал театральную паузу.

– Что «но»? – не выдержала Майя.

– Но я видел его на парадном платье императрицы Александры Федоровны, – обычным голосом сообщил Сема.

Майя опешила. Ей представился маленький Сема в нелепом фраке, теряющийся в великолепной дворцовой зале. Свечи, тихий шепот, шуршание платьев... Мимо него проплывает Александра Федоровна, и ювелир провожает внимательным взглядом голубоватый бриллиант, сияющий на груди императрицы.

Морок спал, и Марецкая сердито качнула головой.

– Семен Львович, вы меня дурачите! – воскликнула она.

– Ничуть, птичка моя! Однажды меня занесло в запасники Третьяковки (не спрашивай, что я там делал, расскажу в другой раз эту поразительную историю), и там я увидел портрет супруги Николая Второго. Портрет – ерунда, ничего выдающегося. Но художник тщательнейшим образом перенес на полотно все детали ее гардероба. О

«Малом Французе» известно, что для него использовалась не круглая огранка, а «маркиз» – клиньевая, в форме лодочки. Так вот, к серебристому торжественному платью Александры была приколта брошь с голубым камнем, ограненным именно этим способом. Но в России тех времен не использовалась подобная огранка!

– Вы думаете... – начала Майя, но Дворкин перебил ее:

– Третий бриллиант, получившийся из алмаза Тавернье, отправился в Россию и был вставлен в перстень императрицы Марии Федоровны. Он дошел до наших времен и хранится в Алмазном фонде. Почему бы не предположить, что второй, украденный, последовал его путем? В архивах мне удалось найти упоминание о загадочной броши с голубым камнем, принадлежащей Александре. Камень называли «Голубой Француз». Не кажется ли тебе, что название говорит само за себя?

– Поразительно... – выговорила Майя.

– Так, значит, он в России!

– Не факт, – охладил ее пыл ювелир.

– После расстрела царской семьи множество украшений исчезло, и «Голубой Француз» в их числе. Что интересно – сама брошь сохранилась. То есть бриллиант был либо вынут, либо выпал из нее. И с тех пор нигде не появлялся. Ничего, ничего даже близко похожего – поверь, в противном случае я бы узнал об этом!

Дворкин откинулся на спинку стула, притушил блеск в глазах. Охотник за пропавшим бриллиантом снова превратился в смешного толстенького ювелира.

Майя несмело спросила:

– И как вы думаете, где он может быть сейчас?

– Думаю, лежит в бархатной коробочке, и его владелец не подозревает о том, что хранит. Или валяется вперемешку с золотым ломом и серебряными зубами прабабушки. Его могли украсть солдаты, расстрелявшие императорскую семью, и тогда сам черт ногу сломит в хитросплетениях судьбы этого камня. Знаешь, есть хороший афоризм: «Пусть драгоценность валяется под ногами, а стекло украшает голову – драгоценность все равно остается драгоценностью, а стекло стеклом». В одном я отчего-то уверен: «Голубой Француз» до сих пор в России.

Он потер руки и закончил:

– Теперь ты понимаешь, почему Верман с таким почтением относится к нашим трухлявым пням и колодам, дай бог им долгих лет жизни? Никогда не знаешь, что найдешь в бабушкином сундучке!

Как-то раз постоянный клиент принес в салон крупный изумруд и

отдал Моне с просьбой проверить его.

– Экономный человек, я понимаю, – проворчал Верман, кладя камень перед Дворкиным.

– Экспертиза ему будет чуть-чуть стоить, и вот он идет к Моне, чтобы Моня сделал ему хорошо. Ну что же, Моня сделает ему хорошо. Моне не жалко потратить немножко своего времени, чтобы...

– Почему бы тебе не помолчать за компанию с Яшей, – недовольно осведомился Сема, разглядывая камень со всех сторон.

– Ты же не обманутый вкладчик, зачем столько шума!

Он провел над изумрудом пятнадцать минут и отложил его в задумчивости.

– Что вы скажете за эту ерундовину, Сема? – поинтересовался Верман.

– Я скажу, Моня, что чую подвох. Но не пойму, в чем он.

– Но таки это изумруд?

– Моня, на мне написано, что я эксперт? – раздраженно спросил Дворкин.

– Если да, то скажите, в каком месте, чтобы я мог помыть его с мылом и не обманывать людей. Если вы хотите гарантий, то их могут дать только геммолог и гробовщик. А я простой ювелир, мне вредно так напрягаться.

Наступило молчание. Сема барабанил пальцами по столу, не сводя глаз с зеленого камня.

– Цвет неплохой, – бормотал он себе под нос.

– Даже хороший цвет.

– Да и огранка ничего, а? – заискивающе спросил Моня.

– Огранка – ничего, – согласился Дворкин.

– Перекрученных вуалей внутри нет, значит, не синтетика. Камешек на первый взгляд вполне себе натуральный.

– Так, может, все в порядке? – просиял Верман, услышав это.

Сема думал. Камень лежал перед ним, похожий на осколок зеленого льда.

– А нет ли у нас совершенно случайно стирального порошка? – вдруг задумчиво спросил Сема и поглядел на Моню через лупу.

– М-м?

Тот вскинул брови.

– Или хорошего мыла, – продолжал Сема.

– Такого, знаете, старой закалки мыла. Есть?

– Неужели вы нашли надпись? – съязвил Верман.

– Моня, бросьте говорить и бегите за порошком, – невозмутимо посоветовал Дворкин.

– А то я не ручаюсь за ваш камень.

Верман немедленно испарился, и через пару секунд они услышали, как он отряхает Яшу в ближайший хозяйственный.

– Зачем вам порошок, Семен Львович? – спросила Майя.

– Не будете же вы стирать этот изумруд?

Дворкин лукаво посмотрел на нее и подмигнул:

– А почему бы и нет, уточка моя?

Майя слегка обиделась. Обычно ювелир отвечал на все ее вопросы, и ей даже казалось, что ему нравится обучать ее. Что ж, она не будет переспрашивать.

Майя мучилась с янтарным ожерельем, которое принесли на переделку. Работа была несложной, но у нее никак не получалось вставить один янтарь на свое место. Камушек «не расцветал», как говорил Сема. Она никак не могла понять, почему. Хотела спросить у Дворкина, но теперь, после его шутки, решила, что обойдется своими силами.

Примчался запыхавшийся Яша с пакетиком стирального порошка. Его рыжая шевелюра полыхала в лучах солнца.

– Для ручной стирки, дядя Сема! Подойдет?

– То, что надо, Яша.

Майя исподтишка следила за тем, что будет делать Дворкин. Моня стоял в дверях, сложив руки.

Сема взял чашку, развел в воде стиральный порошок и преспокойно опустил туда изумруд.

– Э-э! – встрепенулся Моня.

– Не экайте, Верман, – попросил Семен Львович.

– Вы мешаете эксперименту.

Майя, забыв об обиде, смотрела во все глаза.

Подождав несколько минут, Сема вытащил камень, положил на стол и направил на него свет. Еще несколько секунд прошло в сосредоточенном молчании. Майя и Моня замерли, открыв рты, а за Моней торчал и заглядывал через плечо Яша, забыв про свои обязанности.

– Картина маслом! – торжествующе провозгласил Сема и хлопнул ладонью по столу.

Изумруд подпрыгнул, и Моня подпрыгнул вслед за ним.

– Ты что?! – воскликнул он.

– Скажи по-человечески, что ты нашел?

– Я тебе и говорю по-человечески, в прямом смысле: картина маслом! Иди и посмотри.

Все четверо сгрудились над изумрудом. Майя взглянула на чашку с

порошком:

– А что это за зеленые разводы?

– Масло, – рассмеялся Дворкин.

– Моня, можешь сказать своему клиенту, что он купил натуральную масленку.

Майя поднесла камень к глазам. Теперь она отчетливо видела внутри изумруда пузырьки воздуха и трещины.

– Хитрецы, – заметил Сема.

– Пропитали изумруд маслом с красителями, заполнили пустоты. Маскировка! Слышал я про такой способ, но думал, что им уже сто лет никто не пользуется.

– Вы растворили масло! – догадалась Майя.

– Вот зачем порошок – вместо растворителя! Моня, вашего клиента надули.

Верман пожал плечами:

– Это разве надули? Эх, Марецкая, не знаешь ты, что такое надули...

Они с Семой переглянулись, и в глазах обоих мелькнуло мечтательное выражение.

– Дядя Моня, без ностальгических воспоминаний, пожалуйста, – попросил Яша.

– Мы все знаем, что по вас плачет уголовный кодекс.

Вопреки ожиданиям Майи, Моня не рассердился. Он лишь погрозил племяннику пальцем:

– Яков, Яков! Моня Верман – хитрый человек, но он не вор. Я помогаю обмануться тем, кто сам обманываться рад. И только!

Загадочно улыбнувшись, он забрал изумруд и ушел звонить клиенту.

– Даже не верится, сколько существует способов морочить покупателей, – задумчиво сказала Марецкая.

– А ведь этот изумруд наверняка стоил его владельцу приличную сумму.

– Это что... – протянул Сема.

– Ты знаешь, что в Китае какой-то местный китайский умелец изобрел способ заполнять трещины и пустоты? Причем таким образом, что обнаружить это практически невозможно! Нужен очень сложный анализ, который покажет, что бриллиант обрабатывался искусственно. Понимаешь, уточка, что это значит для ювелиров?

Майя понимала. В любом драгоценном камне есть включения – внутренние повреждения. Трещины, пузырьки воздуха, слоистость, черные точки... Десятки лет ювелиры пытаются найти способы избавиться от них.

Чем чище камень – тем выше цена! Но способы эти либо дорогостоящие, либо граничат с обманом. Человек, который придумал бы, как за умеренную стоимость «очищать» драгоценные камни, обогатился бы. И обогатил тех, на кого работал.

– Пойдите, Семен Львович! – спохватилась она.

– Но если бы это было правдой, к нам из Азии уже всюду бы шли обработанные таким способом алмазы! А я пока не наблюдаю на рынке большого количества чистых бриллиантов.

– Так в том и дело, – вздохнул Сема.

– По слухам, отдельные группировки их китайской триады передрались между собой за право первыми внедрить этот способ в производство, и желтолицый изобретатель сбежал, унеся с собой секрет. Решил остаться бедным, но целым. И я его где-то понимаю. Но – ах, какую технологию потерял ювелирный мир!

Майя обдумала его историю.

– А мне кажется, что все это выдумки, – наконец сказала она.

– Извечная мечта ювелиров, воплощенная в сказке об умном человечке. Человечек один нашел то, над чем бьются целые лаборатории! Семен Львович, это тоска по настоящему герою, вот только герой не пришел-увидел-победил, а пришел, изобрел и убежал.

– Вовремя сбежать и оставить шкурку целой – это своего рода подвиг! – моментально отреагировал Дворкин.

– Может быть, ты и права. Легенда о святом Граале ювелирного дела... А что ни говори, было бы здорово найти его.

– Да вы романтик, Семен Львович!

– Увы, уточка моя, в моем возрасте романтиком уже быть нельзя. Романтичны могут быть лишь юные! «Старый романтик» – это деликатное обозначение старого дурака.

Дворкин, напевая под нос, положил перед собой два алмаза и прищурился. Майя вернулась к своему янтарю и обхватила голову руками. Солнечные, медовые кусочки янтаря словно дразнили ее. Она любила янтарь и всегда успешно работала с ним. Отчего же сейчас ничего не получается?

– Уточка, подай планшайбу и угломер, – попросил Сема.

– А что ты сидишь загадочная, как Мона Лиза?

– У меня работа не идет, – призналась Майя.

– Дай-ка взглянуть...

Семе хватило одного взгляда, чтобы понять, в чем загвоздка.

– Не ложится камешек, – пробубнил он, почесывая в затылке.

– А вот так пробовала? Нет, нехорошо. А вот так? Гм, опять не то. Странно...

– Вот именно, странно! Вы тоже замечаете, правда? И я никак не могу понять, в чем причина! Янтарь практически одинаковый, подобранный, весь из родного ожерелья. Мне его принесли уже рассыпавшимся, но какая разница?

– Кто принес? Старушка в черной шляпке?

– Да, она. Вы ее знаете?

Эту старушку Майя окрестила божьей коровкой. Маленькая, круглая, с улыбочивым розовым личиком, она носила красный плащ и черную фетровую шляпку. Плащ топорщился на лопатках, как будто под ним прятались жесткие надкрылья. Старушка неторопливо переползала от витрины к витрине, и Майя не удивилась бы, если бы на крыльце она встопорщила крылышки и улетела.

– Смешная бабусечка, – сказала она с улыбкой.

Сема приподнял очки и посмотрел на нее с осуждением:

– Эта смешная бабусечка – Анна Андреевна Ольховская, между прочим, дочь той самой Ольховской. Как – какой? Бонны детей Николая Второго! Или ты знаешь другую Ольховскую?

Майя не знала никакой, но признаться в этом постыдилась.

– Ее мать расстреляли, а сама Анна Андреевна сумела бежать из СССР. Ее занесло сначала в Марокко, а потом – в Англию. Да по ее приключениям можно писать романы! В Англии она вышла замуж за потомственного аристократа, ездила с ним по всему свету, а когда похоронила его, вернулась в Россию. Между прочим, уехать из страны ей когда-то помог дед нашего Мони Вермана. Все ниточки сходятся, все, рано или поздно...

Дворкин снова нацепил очки на нос.

– Тэ-экс, давай посмотрим, в чем загвоздка. Анна Андреевна коллекционирует янтарь, у нее есть отменные вещички. Но ведь и на старуху бывает проруха. Постой-постой...

Ювелир подержал в ладони тот янтарь, который не давал Майе покоя, подкинул его. Затем взял нож и поскреб им по оборотной стороне янтаря.

– Ах вот оно что! Удачный сегодня день на подделки, уточка.

– Это поддельный янтарь?! – не поверила Майя.

– Как вы определили?

– Смотри сюда. Видишь, я провел ножиком – и с него снимается стружка. Настоящий янтарь дал бы крошку. И есть еще один способ.

Сема набрал воды, высыпал в стакан десять ложек соли, размешал и бросил в воду фальшивый янтарь. Тот, покачиваясь, опустился на дно.

– А теперь давай другой для сравнения.

Второй кусочек всплыл.

– Известный способ, хоть и не стопроцентный, – пояснил Сема.

– Настоящий янтарь плавает, подделка тонет. Правда, будь твоя подделка из полистирола, она бы тоже плавала. Но на этот раз нам повезло. Ожерелье собрали из разных камней, один попался фальшивый. А ты, значит, проверку соленым раствором не знала? Эх, молодешшшь...

И Дворкин вернулся к своему гранильному станку, напевая: «Раз пошли на дело я и Рабинович...»

Глава 3

После работы Майя отправилась не домой, а на старую квартиру, из которой недавно выехали жильцы. Жильцы были хорошие, и Марецкая жалела, что они уехали. С ними она была спокойна за свою квартиру, как будто передала верную собаку на время в хорошие, заботливые руки.

Как только Майя свернула во двор, она сразу почувствовала, что здесь что-то случилось. Марецкая выросла в этом дворе. Но квартира, доставшаяся Майе после смерти отца, была слишком велика для нее одной, и, подумав, она сдала ее, а сама сняла крошечную однокомнатную хрущевку в двух шагах от работы.

Но, хотя вот уже больше года Майя жила в другом месте, она по-прежнему ощущала этот двор как часть себя, как что-то настолько родное и близкое, что, уезжай не уезжай, а связь с ним не рвется, держится натянутой паутинкой, непрочной лишь на первый взгляд.

Павел, которому она попробовала как-то рассказать об этом, с насмешкой обозвал это мистической пуповиной. Все, на что он ставил клеймо мистики, было для него абсурдным и глупым. «Сверхъестественная связь с двориком детства, – вещал Паша и делал пассы в воздухе перед лицом Майи, изображая гипнотизера. – Сейчас вы увидите, как испытываемая разрыдается от переполняющих ее ностальгических воспоминаний, а затем продемонстрирует нам невероятные способности по считыванию энергетических контуров окружающего пространства!»

«Сейчас из второго подъезда кто-то выйдет», – сказала Майя, отводя его руку в сторону.

Павел с готовностью уставился на второй подъезд и даже брови поднял в ожидании того мига, когда станет ясно: нет, никто оттуда не появится, и можно будет дать волю своему чувству юмора. Прошло несколько секунд. Он открыл рот, и тут дверь приотворилась, и немолодая женщина с набитым пакетом деловито прошлепала к мусорным бакам.

Павел обернулся к Майе. «Ты слышала шаги на лестнице», – констатировал он.

Она отрицательно покачала головой.

«Да брось, – настаивал Паша. – Признайся, что слышала! В этом „колодце“ даже пукнуть нельзя, чтобы соседи не были в курсе!»

И вот ведь какая ерунда... Она мирилась с куда большими его недостатками, но последней каплей стал именно тот разговор. Не смешно

ли? Обидеться из-за того, что он не поверил ее словам и посмеялся над ней! Правда, Паша над всем смеялся, но почему-то тогда ей стало... нет, даже не обидно, а противно. И его манера передразнивать ее показалась омерзительной, а сам Паша вдруг предстал не двухметровым красавцем в щегольском шарфе, а маленьким злобным карликом, вокруг горла которого обвивается змея.

«Это все двор постарался, – потом решила Майя. – Про змею я сама не смогла бы придумать, у меня фантазии не хватило бы».

Павел так и не понял, отчего она его прогнала. И даже попытался потом выпрашивать у общих знакомых, не появился ли кто у Майки в последнее время. В голове у него никак не укладывалось, что можно порвать отношения из-за таких пустяков! В конце концов он пришел к выводу, что у Марецкой совершенно нет чувства юмора, ей было тяжело тянуться за ним, вот она и дала выход комплексу неполноценности.

И, решив так, полностью успокоился: его достоинство не пострадало.

Но сейчас, стоя во дворе и рассматривая морщинистые стволы лип, только начинавших зеленеть, Майя знала точно: здесь что-то произошло. В воздухе остался след, неуловимый отпечаток чего-то страшного.

Из-за угла вывернула ее соседка, Вера, волоча две тяжелые сумки. Подошла к Майе, откидывая светлые волосы со лба, поздоровалась:

– Как ты? Приехала своих жильцов проведать?

– Нет, Вер, они неделю назад съехали. Хочу посмотреть, нужно ли после них делать ремонт или и так можно сдать.

Майя подхватила одну из сумок, и женщины двинулись к подъезду.

– Знаешь, что у нас сегодня случилось? – спросила Вера. – Кеша-пьяница с крыши упал, разбился.

– Кеша? – ахнула Майя, хорошо помнившая безобидного старого алкоголика. – С ума сойти! Самоубийство?

– Ох, какая-то странная история, честно говоря, – Вера понизила голос. – Катерина Федоровна со второго этажа уверяет, что видела во дворе трех мужчин с пистолетами. Говорит, у них перестрелка была. Но при чем тут наш Кеша, не объясняет.

Майя скептически хмыкнула:

– А в прошлом году Катерина Федоровна рассказывала, что у нас во дворе приземлился истребитель, украл герань у нее с подоконника и улетел.

Они уже поднимались вверх по лестнице. Как ни странно, но ощущение чего-то нехорошего не оставляло Майю и здесь.

– Понимаешь, Май... Выстрелы-то и в самом деле были. Их не только тетя Катя слышала, но и другие соседи. Громкие, на весь район. И действительно непонятно, зачем Кешу наверх понесло. Разве что он убежал от кого-то...

Они остановились в тамбуре, Майя протянула соседке сумку, встряхнула рукой:

– Что у тебя там? Кирпичи?

– Купила нашим детям кое-что по мелочи, – улыбнулась Вера. – Завтра к ним поеду.

Майя знала, что «нашим детям» – это пятидесяти воспитанникам подмосковного детского дома, куда сорокалетняя Вера ездила каждую неделю. И каждый раз из зарплаты терапевта выкраивала средства, чтобы порадовать подопечных.

Худая до изможденности, с вечно усталым лицом, Вера только недавно оправилась от тяжелого развода. И начала понемногу улыбаться, а до этого не всегда узнавала Майю при встрече, смотрела пустыми голубыми глазами, похожими на стеклянные.

– Слушай, Майя, – сказала она, возясь с ключами, – а зачем ты коврик переложила?

Коврик с нарисованной кошачьей мордой и впрямь лежал не на своем месте.

– Это, наверное, мои жильцы перед отъездом порядок наводили. Сейчас я его обратно перетащу...

Под ковриком обнаружили бурые пятна. «Точно, жильцы пол испачкали и решили прикрыть».

Попрощавшись с Верой, Майя вошла в квартиру – и остолбенела. Тумбочка у входа перевернута, на стенах – красные разводы, пол исчеркан следами от грязных ботинок... И запах. Странный, опасный запах, который она никак не могла идентифицировать.

Майя заглянула в комнату, осмотрела кухню, но там, к ее удивлению, все выглядело пристойно. Что-то настораживало ее в квартире. «Наверное, все дело в запахе», – решила Майя, направляясь в ванную комнату, чтобы вымыть руки.

В ванной горела лампа, и это окончательно вывело ее из себя. Тихие, доброжелательные жильцы, обещавшие чистоту и порядок, даже не потрудились выключить за собой свет! Рванув на себя приоткрытую дверь, Майя ворвалась в комнату с такой скоростью, будто внутри ее ждали нашкодившие арендаторы и предстояла расправа над ними.

На полу возле ванны, привалившись к стене, лежал мужчина. В

первую секунду Майя заметила лишь, что лицо у него совершенно белое, под цвет кафельных стен. А во вторую охватила взглядом окровавленное полотенце, привязанное к ноге, разбросанные лекарства, какие-то вещи в ванне...

– О господи... – выдохнула она, отступая назад.

Первым ее порывом было броситься прочь из квартиры. Вызвать от Веры милицию, и пускай они заберут преступника, неизвестно как попавшего в ее квартиру. Как?! Все замки были закрыты, она отпирала дверь своим ключом! «Не через крышу же он залез? Крыша... Упавший Иннокентий...»

Майя сделала шаг к двери, но остановилась, посмотрела на мужчину, кусая губы... Возможно, он уже мертв. Надо хотя бы проверить.

Она осторожно подошла, присела рядом, прижала пальцы к шее. Пульс был. Но, судя по красному полотенцу, визитер потерял много крови.

– Надо «скорую», – вполголоса сказала Майя, чтобы придать себе уверенности.

Сначала «скорую», и пускай отправляют его потом куда хотят.

Она сделала движение, чтобы встать, и вскрикнула: холодные пальцы прикоснулись к ее запястью. Раненый открыл глаза и смотрел на нее, пытаясь что-то сказать. Губы не слушались его, с них срывалось невнятное шипение вместо слов, и Майя, преодолев панику, метнулась к раковине, высыпала из кружки старые зубные щетки и налила воды.

– Пейте!

Ей пришлось подержать ему голову, пока он пил – жадно, как будто вышел из пустыни. Майя покосилась на его рану, опасаясь, что кровотечение начнется снова, но повязка, кажется, больше не пропитывалась кровью.

– Лежите тихо, – сказала она, преодолевая отвращение к бандиту. – Я сейчас вызову врачей, вам помогут.

В ответ раздался хрип.

– Что?

– Нет... – раненый схватил ее за руку. – Никого... нельзя...

– Вы с ума сошли? – Майя выдернула руку и отодвинулась. – Да вы умрете, если не вызвать «скорую»!

– Я умру, если вы ее вызовете, – прохрипел мужчина, продолжая настойчиво цепляться за ее руку. – Меня прикончат в больнице. Не делайте этого.

Майя начала злиться. Страх ее совершенно исчез: этот человек был беспомощен и, похоже, бредил. Не нужно было прислушиваться к его

бреду, но он продолжал цепляться за нее, как утопающий, и ей неловко было отнять руку и уйти.

– Вы что, хотите скончаться здесь, в моей квартире? – сердито спросила она, вспомнив рассказ Веры о стрельбе и сложив два плюс два. – Не выйдет! Ваши бандитские разборки меня не касаются! Если вы затеяли перестрелку в центре города...

Она замолчала, видя, что раненый пытается что-то сказать.

– Что?

– Не бандит... – прошептал мужчина. – Там... в ванне...

– Послушайте, у вас бред, я вызываю врачей!

– Там... посмотрите...

Он слабо тыкал пальцем в сторону ванны, и Майя, вздохнув, встала, наклонилась над эмалированной поверхностью.

– Пояс, – донеслось сзади. – В нем... Откройте.

Рядом с окровавленным полотенцем валялась эластичная лента, очевидно, сорванная раненым, когда он спешил с перевязкой. «Это – пояс? Какой же это пояс...» – удивилась Майя, но все-таки брезгливо взяла ленту за краешек и потянула к себе. Пару раз она обернулась на мужчину, проверяя, не подстраивает ли он ей ловушку. Вдруг он хочет ее отвлечь, а сам ударит сзади ножом, пока она, как дура, рассматривает какую-то липкую гадость?

«Липкую? А почему она липкая?»

Перевернув ленту, Майя обнаружила, что с изнанки находится что-то вроде кармашка из ткани, прилипающей к пальцам. Она вопросительно взглянула на раненого, но тот закрыл глаза. Поколебавшись немного, она развернула ткань, и на ладонь ей выпали небольшие прозрачные камешки с острыми гранями.

Майе не нужно было изучать их с лупой, чтобы убедиться, что внутри не стекляшки и не фианиты. Никто не стал бы так прятать стекло. Она подняла один камень к свету, повернула его, и грани сверкнули радужной россыпью цвета.

Во рту у Майи пересохло.

– Небольшая поправка, – проговорила она медленно. – Вы не бандит. Вы вор. Поэтому вас и хотели убить, да?

Раненый открыл глаза и покачал головой. Взгляд у него был мутный.

– Не вор, – прошептал он. – Курьер. Слушайте, я вам заплачу. Нужны лекарства. Я скажу какие... Помогите...

Голова его бессильно упала набок.

Две минуты спустя в квартиру Веры Воронцовой постучали.

– Майя? – удивилась Вера, открыв. – Что-то случилось? Ты какая-то бледненькая...

– Вера, – собравшись с духом, сказала Майя, – у меня в доме мужчина, он ранен. Умолял не вызывать «скорую» – говорил, что в больнице его убьют. Но рана, кажется, глубокая, от ножа. Я пойму, если ты откажешься, но, может быть, можно посмотреть, насколько серьезно...

Она еще что-то мямлила, а Вера уже встала, надела очки и вытащила из шкафа чемоданчик.

– Пойдем скорее. Куда он ранен?

– В бедро, справа, но я не уверена... – скороговоркой зачастила Марецкая, следуя за Верой.

Воронцова решительно вошла в квартиру, но на пороге задержалась.

– В ванной, – подсказала сзади Майя.

Вера прошла в ванную комнату и точно так же, как Майя, остановилась на пороге, тихо ахнув. Присела, подняла край рубашки и очень осторожно сдвинула повязку вниз.

– Майя, у него пулевое ранение, а не ножевое, – тихо сказала Вера, поправив очки. – Это очень серьезно. Нужна квалифицированная помощь, я ничем не смогу помочь. Подожди-ка...

Она достала ножницы, разрешила рубашку, и Майя увидела в плече лежащего аккуратную темную дырочку с почерневшим потеком.

– Еще одно пулевое. Не такое тяжелое, как первое, но тоже ничего хорошего.

Вера надела перчатки, осторожно прикоснулась к коже возле раны, и мужчина застонал, открыл глаза.

– Вы кто?

– Я врач, – строго сказала Вера. – Вот что, дорогой мой: вам нужно в больницу, что бы вы ни говорили. Это вам мое медицинское заключение. У вас внутри две пули, и даже если...

– Я их вытащу, – перебил ее мужчина. – Только помогите мне. Я потом заплачу, клянусь вам.

Вера обернулась, беспомощно посмотрела на Майю. Та пожала плечами: мол, я же говорила, он бредит.

– Дайте нашатырь, – попросил раненый.

К носу ему поднесли открытый пузырек, и он глубоко вдохнул. Спустя короткое время открыл глаза и посмотрел на двух женщин прояснившимся взглядом.

– Слушайте, я не убийца и не вор. За мной охотились... то есть за тем,

что я вез. Я спасся чудом. Но эти люди знают, что я жив, и будут меня искать. В первую очередь они обзвонят больницы, и, как только им скажут, где я, они приедут и прикончат меня.

– Но если мы оставим вас здесь, вы умрете сами, – возразила Вера.

– Нет. Я смогу извлечь пулю. Поверьте, нас учили. Но мне нужны лекарства, я потерял много крови. И нужно, чтобы кто-то помогал.

Мужчина тяжело дышал, каждое слово давалось ему с трудом. Вера машинально стерла выступившие у него на лбу капли пота и встала.

– Что же делать? – зашептала она, наклонившись к Майе. – Я ему почему-то верю.

– Я ему тоже верю, как ни странно, – вполголоса ответила та. – Но это не значит, что я оставлю у себя какого-то беглого бандита, который прирежет нас, как только сможет встать на ноги. Даже если мы поможем ему извлечь пули... Господи, о чем мы вообще говорим?! О преступлении!

– Пятьсот тысяч каждой, – хрипло сказали сзади. – Пожалуйста, помогите мне!

– Послушайте, – сказала Майя, наклоняясь к раненому. – А почему бы вам не позвонить тем людям, на которых вы работаете, и не попросить помочь их? Их, а не нас, случайно встреченных теток?

Мужчина закашлялся было, но тут же застонал и прижал ладонь ко рту. Цвет лица у него из белого стал землистым.

– Не могу, – еле выговорил он пересохшими губами. – Долго объяснять почему. Я раньше сдохну...

– Майя, он и правда раньше умрет, – встревоженно сказала Вера. – Ему нужна помощь, причем срочно.

– Если в него стреляли из пистолета, нужно отвезти его в больницу! Или ты действительно хочешь, чтобы он сам себя прооперировал?!

Вера качнула головой:

– Он не сможет. Я слышала о подобных случаях, но он сейчас не в том состоянии.

– Вот именно! – прошипела Майя. – Господи, Вера, что с тобой! Его рана – это не наше дело, и то, что на него будут покушаться, – тоже не наша беда.

Вера подняла на нее глаза и, покраснев, шепнула:

– Пятьсот тысяч.

Майя молча смотрела на нее, не зная, что ответить. Да, пятьсот тысяч, большие деньги для Веры. Майя прекрасно понимала, что деньги пойдут не самой Воронцовой, а ее подопечным.

– Откуда ты знаешь, что он тебя не обманет? – мрачно спросила она. –

Откуда ты знаешь, что у него вообще есть такая сумма?

– А вдруг не обманет?

Вера с надеждой посмотрела на соседку, как будто от Майи зависело, получит она деньги или нет.

– Хорошо, – сдалась Майя. – Давай попробуем. Но при первом же сбое... или как там у вас, врачей, называются сложные моменты? Так вот, при первой же сложности я звоню в «Скорую».

Вера просветлела лицом, но тут же собралась, нахмурилась.

– Все, поехали, – сухо сказала она, будто была хирургом в операционной, а не терапевтом в районной поликлинике. – Слишком долго мы все это обсуждали. Накрой скатертью стол в большой комнате. Нам придется перетащить его туда.

Позже Майя никак не могла взять в толк, что подвигло ее тогда на эту безумную авантюру. Ее, а заодно и Веру, прооперировавшую в чужой квартире на обеденном столе незнакомого человека. Неужели только надежда на получение мифического полумиллиона? Уже позже ей пришел на ум вопрос, заставивший Майю нервно сглотнуть: а что, если бы беглец умер на ее столе, застеленном веселенькой простынкой в мелкий горошек? Как бы они объясняли следователю, что произошло? Или с той же бездумной решительностью, что заставила их помогать раненому, вытащили бы его тело среди ночи, погрузили в ее машину и выбросили где-нибудь за городом, скрывая следы?

Раненый стонал, сдерживал крик, и Майя придерживала его голову, чтобы он не бился об стол.

– Тихо, миленький, тихо, – приговаривала Вера, ковыряясь в ране. Над головой ее низко висела лампочка – самая яркая, какая только нашлась в квартире. – Вот так... Уже все.

Им невероятно повезло, как сказала Вера, когда все закончилось: обе пули застряли неглубоко.

– И ему тоже повезло, – кивнула она на раненого, вновь потерявшего сознание. Подумала и добавила: – Но нам все-таки больше.

Тут-то Майя и представила, что исход операции мог бы быть иным. Она со страхом взглянула на соседку, и та, истолковав ее страх по-своему, пожала плечами:

– Теперь за ним нужно ухаживать. Я покажу, что придется делать.

Вера принесла из аптеки пакет с лекарствами, с профессиональной ловкостью сделала раненому два укола и помогла Майе перетащить его на кровать. Майя только диву давалась тому, как преобразилась скромная

неслышная Вера. Быстрые, четкие движения, решительность в каждом слове... Она ничуть не сомневалась в том, что они все делают правильно.

Убедившись в том, что «пациент» уснул, Воронцова еще раз повторила, как правильно делать перевязки, и ушла, оставив Майю одну. Майя убрала следы их деятельности, сложила в мусорный мешок одежду раненого и выкинула, а бриллианты, подумав, спрятала в тайничок. Тайник этот она устроила еще в детстве, выскоблив норку в кухонной стене за отходящим куском старого плитуса.

«Пусть только попробует не отдать Вере ее деньги, – злобно подумала она, запихивая камни в углубление. – Век будет свои бриллианты искать».

Когда Майя закончила, совсем стемнело. За окном вздыхала ночь, липы жаловались на старость, и Марецкая отошла от окна: слишком уж неприятно было снаружи, почти как осенью. Она постелила себе на диванчике в кухне. Ее переполняли самые мрачные предчувствия, она сердилась и на себя, и на Веру, но на себя больше. Поворочавшись на костлявом диване, Майя поняла, что не уснет, встала, вооружилась тяжелой стеклянной бутылкой с оливковым маслом и решительно отправилась в соседнюю комнату.

Мужчина не спал. По его лицу было видно, что он не спит уже давно.

– Вот что, – сказала Майя, включив настольную лампу и борясь с желанием направить колючий свет в глаза подозреваемому. – У меня к вам есть несколько вопросов. Раз уж вы... хм... ночуете у меня, вам придется на них ответить.

– Согласен, – отозвался он. – Только, если не секрет, зачем вам бутылка?

– На тот случай, если вздумаете проявлять агрессию.

Мужчина усмехнулся:

– Тогда вам больше пригодился бы нож.

– Ножом я вас ударить не смогу, – созналась Майя. – А вот бутылкой – запросто.

Она придвинула стул, села, вглядываясь в раненого. Удивительно, но во всей сегодняшней возне она его даже не разглядела толком. Внешность оказалась самой обычной, но у Майи осталось ощущение, что это была какая-то старательно подчеркиваемая обычность, культивируемая.

Легкая щетина на щеках и подбородке, крупный нос, глаза то ли синего, то ли серого цвета, не разобрать при тусклой лампе... Чуть изменить свет, и получится красавчик киношного облика, отрастить щетину – контролер в трамвае. «Нет, для контролера все-таки физиономия слишком умная, – подумала Майя. – И глаза непростые, хоть и притворяется,

смотрит дурачком».

В целом осмотр ее немного успокоил: перед ней сидело вполне человеческое лицо, а не злобная морда гоблина, как она опасалась.

– Начнем со знакомства. Как вас зовут и кто вы такой?

– Зовут Антон, – с готовностью отозвался он. – Я курьер. Перевозчик. Перевожу драгоценности.

– Перевозите драгоценности? – растерянно повторила женщина.

Антон кивнул. Он так и знал, что ему будет сложно объяснить, чем занимается.

Дорогостоящие «грузы» постоянно перемещались по стране. Драгоценные камни контрабандой переправлялись от заказчика к клиенту, и стоимость одной перевозки могла составлять десятки миллионов. Неудивительно, что всегда находились те, кто желал избавить владельцев от «груза».

Стандартной защитой были бронированные автомобили. Казалось бы, нет ничего проще, чем погрузить партию в инкассаторскую машину и доставить ее до места назначения под прикрытием бравых парней с автоматами.

Но это не спасало от покушений. Чем сильнее укрепляли машину, тем изощреннее становились нападавшие. Кроме того, бронированная техника частенько привлекала внимание органов правопорядка, а это было для владельцев совсем уж лишним.

И тогда к делу привлекли курьеров.

Сначала идея использовать «живую силу» казалась бредовой. Если даже укрепленный автомобиль с охраной не мог защитить от разбоя, что уж говорить про одного человека!

Но неожиданно оказалось, что у «живой силы» есть преимущества перед профессиональной охраной.

Неприметные люди покидали офис фирмы, шли пешком, спешили по своим делам, иногда разъезжались по разным городам. В один день фирму могли покинуть десять перевозчиков, и невозможно было угадать, кто из них везет груз. Это были тренированные, ловкие, сообразительные мужчины, прошедшие специальный курс подготовки к «перевозке» и регулярно занимавшиеся с тренерами. Они выбирали непредсказуемые маршруты, сбивали преследователей с толку, а при необходимости успешно дрались. Но «контакт» считался крайним случаем, и доводить до него не рекомендовалось. При обнаружении слежки курьер немедленно выходил на связь с офисом, прятался в ближайшем здании с большим количеством посетителей и ждал, пока его заберут оттуда.

Но это случалось редко. Перевозчика – настоящего, не подставного с «пустышкой» – было так же сложно отследить, как муравья, теряющегося в густой траве.

Основная опасность теперь исходила не от тех, кто планировал ограбление. А от случайных грабителей, от милиционеров, от наркоманов, ищущих жертву... Курьер мог попасть под машину, отравиться, ненароком оказаться в центре уличной драки... С ним могло случиться все то же, что случается с обычным прохожим. Но, в отличие от прохожего, курьер был подготовлен.

Все это Белов вкратце изложил коротко стриженной синеглазой женщине, недоверчиво выслушавшей его.

– Допустим, вы действительно перевозчик драгоценностей, – подумав, решила Майя. – От кого и кому вы сегодня везли бриллианты?

– На этот вопрос я отвечать не буду, – спокойно сказал Белов.

– Хорошо. Тогда расскажите хотя бы, что произошло.

– На меня напали. В этом дворе. Стреляли, ранили, мне удалось забежать в ваш подъезд и спрятаться в тамбуре. Дверь была приоткрыта.

Да, дверь в тамбур была приоткрыта, потому что жильцы сломали ключ в замке, а у Майи пока не дошли руки его поменять. Во всяком случае, в этом ее гость не врал.

– А как вы залезли в мою квартиру? – настороженно спросила она. – Вы вор?

Антон отрицательно покачал головой и, кажется, даже усмехнулся.

– Я не вор. Но я умею открывать простые замки. Если не верите – отмычка в кармане джинсов.

– Это у меня-то простой замок? – поразилась Майя, которой установщик долго и убедительно рассказывал, что замки их фирмы не могут вскрыть даже опытные домушники: садятся под дверь и плачут, как дети, от бессилия.

– Конечно, простой. Я вам потом покажу: его можно открыть скрепкой.

Майя мимоходом подумала, что надо срочно поменять замки, и вернулась к теме, которая интересовала ее больше всего:

– Вы знаете, кто на вас напал?

– Нет.

– Вы кого-нибудь из них ранили?

– Нет.

– Почему? – недоверчиво спросила она. – Вы не были вооружены?

– Был. Но не успел ничего достать – они опередили меня. Кстати, где моя рубашка?

– В мусорном баке.

Антон нахмурился, и Майя пояснила:

– Она была вся в крови, я решила, что нет смысла ее оставлять.

– Дело не в крови. В ней оружие – это во-первых. И ее не стоило выкидывать в мусорный бак – это во-вторых.

– Я проверила карманы, там ничего не было, – возразила Майя.

– Не в карманах... А, неважно. Мусорный бак меня беспокоит больше. Давно выкинули?

– Часа три назад, – подумав, сказала Майя. – Вы что, хотите, чтобы я вам ее вернула? Вот уж нет. Ползать по ночным помойкам – увольте. Я уже стара для таких развлечений.

Он, кажется, хотел поспорить, но взглянул на ее упрямое лицо и прикрыл глаза, молчаливо соглашаясь.

– Нет, что-то не складывается, – немного погодя начала Майя, которую вновь охватило недоверие. – По-моему, вы морочите мне голову. Как можно доверить одному человеку перевозить миллионы? Надеюсь, вы примерно представляете стоимость того, что было в вашем поясе?

– Представляю, – негромко ответил Антон, не открывая глаз. – Я сказал вам правду. Машина привлекает к себе внимание, ее легко отследить. Машина – это сигнал: «Э-эй, сюда, мы везем камешки!» Думаете, так сложно отсечь машину в потоке и забраться в нее?

– Но ведь там охранники с оружием!

– Против любого оружия найдется свое оружие. Пару лет назад машину просто взорвали на дороге. Налепили на крышу взрывчатку, пока она стояла на светофоре, а после взрыва забрали чемоданчик с грузом и смылись.

Он не стал добавлять, что имелись и другие причины использовать курьеров-невидимок. Этой женщине Антон собирался выдать ровно столько информации, сколько хватило бы для того, чтобы она ему поверила. Он взвешивал каждое слово, но видел: пока ему не доверяют.

– Я знаю, что вам это все кажется странным, но мне нет смысла врать, – закончил Антон, открывая глаза. – Вы видели пули, видели камни. Делайте выводы.

Он специально не стал спрашивать, где бриллианты, чтобы не спугнуть ее. Майя напряженно обдумывала что-то.

– Неужели никто из курьеров не пытался сбежать с драгоценностями? – наконец спросила она. – Такого не может быть.

– Пытался, и сбежал, – не стал обманывать Антон. – Один. В самом начале, когда я только начинал работать. Я могу рассказать вам, что с ним

сделали, когда нашли. Потому что его нашли, конечно же. Любого бы нашли. Так рассказать?

– Не надо, – торопливо отказалась Майя. – Ладно. Верю, что вы не врите. Поднимите одеяло, мне нужно посмотреть, как там ваша рана.

Антон не сразу отреагировал на ее просьбу. Он опешил: расспросы закончились неожиданно быстро. Ему казалось, что его будут пытаться всю ночь, он настроился на долгий разговор и пытался всеми силами погасить боль, разгоровшуюся в ноге, чтобы она не мешала, не отвлекала его.

Женщина включила верхний свет и склонилась над ним. Свою нелепую бутылку с маслом она поставила на столик среди лекарств.

Антон закрыл глаза, мысленно усмехнувшись. Она, похоже, не понимала, что ему, даже раненому, ничего не стоит убить ее. От нее пахло кофе, и эта горячая нота мешала ему, не давала сосредоточиться.

– Как вас зовут? – спросил он, не открывая глаз.

Она немного замешкалась, как будто хотела соврать.

– Майя. Все, спите. Я зайду завтра утром.

И ушла, не забыв прихватить бутылку.

– Что-то ты неважно выглядишь, – встретил ее Сема на следующий день, когда Майя, изрядно опоздав, вошла в мастерскую. – Бессонная ночь, а?

И подмигнул, старый черт. Майя даже покраснела, и Сема развеселился, глядя на ее смущение.

За стеклянной дверью двигались с плавностью золотых рыбок Моня и Яша, перекладывая украшения в витринах.

– А скажите мне, Семен Львович, – будто невзначай спросила Майя, вертя перед глазами кольцо, принесенное на переделку, – если вам нужно перевезти партию товара, то вы нанимаете бронированную машину? Правда?

Сема приподнял очки и воззрился на нее с удивлением:

– Ну конечно! А ты как думала?

– Просто я недавно услышала, – осторожно подбирая слова, начала Майя, – что есть нелегальная служба доставки, со специально обученными курьерами, которые сами перевозят драгоценности.

Она взглянула на Сему, у которого бровки поползли вверх, и добавила, махнув рукой:

– Сама слышу, что несущую. Не обращайтесь внимания.

Она отвернулась и сделала вид, что увлечена работой над кольцом. Но в глубине души Майя злилась на себя. «Великовозрастная идиотка!

Купилась на такую примитивную выдумку. Надо же, курьеры...»

Тем временем Сема отложил в сторону инструменты и поерзал на стуле.

– А где ты об этом слышала, голубка? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Знакомая упомянула, – отозвалась Майя. – А что?

– Интересные у тебя знакомые.

Что-то в Семином голосе заставило ее забыть о кольце.

– Семен Львович?

Сема поколебался, но лицо Майи было таким выразительным, что он развел руками:

– Ну что ты на меня так смотришь? Есть, есть курьеры. Поговаривают, что это была идея Хрящевского, но точно никто не знает. А знающие люди языком зря не чешут. Так что и я не стану, и подруге твоей не советую!

Сема строго поднял толстый палец и покачал им из стороны в сторону.

– Николай Хрящевский? – ахнула Майя, не обращая внимания на палец. – Тот самый? Значит, это правда? Подождите, Сема... Так Хрящевский торгует «черным» товаром?

Сема закатил глаза, поцокал языком и всем своим круглым лицом выразил сожаление о том, что рядом с ним сидит такая глупая женщина.

– Ты глупая женщина, голубка, – так и сказал он. – Что значит «черный» товар? Ты знаешь, какой у нас процент нелегально ввезенных драгоценных камней и золота? Если исходить из всего оборота по стране? А? Ну, скажи дяде Семе, как ты думаешь?

– Может быть, пятнадцать процентов? – предположила Майя, никогда прежде не задумывавшаяся над этим. – Двадцать?

Старый еврей взглянул на нее с восхищением, и Майя порадовалась своей проницательности. Но следующая его фраза разрушила ее иллюзии.

– До чего же ты незамутненный человек! – воскликнул Сема. – Девственно чистый в том, что касается знаний об окружающем тебя мире.

– Не надо обобщать, – пробормотала Майя. – Ну хорошо, тридцать! Тридцать процентов.

– А шестьдесят не хочешь?! – прогремел Сема. – «Тридцать процентов»! С тридцатью процентами, девочка, ты имела бы вокруг себя ювелирную пустыню!

Майя попыталась представить ювелирную пустыню, но фантазия отказывалась работать в этом направлении, предлагая нечто совершенно противоположное: пещеры Али-Бабы, заваленные золотом и украшениями,

горы самоцветов среди песчаных барханов...

– Конечно, каждый хочет поиметь свой небольшой гешефт, – продолжал Сема, – и я спрошу вас, что в этом плохого? А?

– Ничего, Семен Львович, – заверила Майя, чувствуя, что ювелир сердится.

– Вот и я считаю, что ничего! Но наш налоговый кодекс считает иначе. Ты читала налоговый кодекс? Нет? Читай его перед сном и плачь. Читай, сколько должен платить бедный предприниматель, чтобы ввезти золото из Турции и паршивенькие турмалины из Индии. Наши законники, чтоб им вечно отдыхалось только на курортах Краснодарского края, облагают честных торговцев такими налогами, что те очень быстро перестают быть честными. Честный, работающий себе в убыток – это глупый! Кому хочется быть дураком, а, девочка?

Майя быстро согласилась, что никому.

– Получается, камни и золото ввозят контрабандой? – уточнила она. – А потом продают здесь по более выгодной цене?

– Ты знаешь, во сколько раз турецкое золото дешевле нашего? – вопросом на вопрос ответил Сема. – Я тебе скажу, чтобы ты запомнила и поумнела. В шесть! А итальянское? В четыре. Естественно, наш рынок наводнен турецким золотом, которое выдается за местное. Но мы отклонились от темы. Да, курьеры есть, хотя я и сам прежде сомневался в их существовании. Если тебе интересно, прибегаем ли мы к их помощи – нет, не прибегаем. Говорят, у Хрящевского целая школа по их подготовке. Но я никогда толком не вдавался в эту тему, так что за достоверность фактов ручаться не могу.

Майя дослушала про курьеров уже вполуха, поскольку мысли ее были заняты другим. Она вспомнила историю появления бренда «Золотой Купец» и пыталась связать ее с тем, что рассказал Сема.

Когда-то Аман Купцов был мелким предпринимателем в Казахстане. Торговал радиодетальями, компьютерами, держал два магазинчика с одеждой – искал свою делянку, как выражался Моня. Но в конце концов открыл в Алма-Ате ювелирный магазин, который назвал «Золотой Купец», и обрушил на город самую агрессивную рекламу ювелирных украшений за все время его существования.

«Если ты пришел в „Купец“, ты герой и молодец!» – надрывалось радио в каждой машине. «Золотой купец хорош: без подарка не уйдешь!» – вторил ему телевизор.

Рекламщики сняли серию роликов. Героиней была упитанная, как снегирь, блондинка. В одном ролике седой мужчина застегивал на ее

розовой шейке ожерелье под пение хора: «Она выбирает того, кто щедрее! Она выбирает того, кто щедрее!»

В другой рекламе блондинка крутила на пальце золотое кольцо и удовлетворенно сообщала зрителям: «Ах, какая безделушка – пусть повесится подружка!»

Подобными виршами был наводнен весь город. Рекламная кампания делала упор на дешевизну украшений. Золотые кольца, которыми унизывала свои пальцы героиня рекламного ролика, собирали вокруг нее коллектив воздыхателей, похожих на Джеймса Бонда в самом брутальном его воплощении, а толстопузый старец превращался в Аполлона, стоило ему одарить юную красавицу цепочкой и браслетом (комплект «Очарование», цепочка и подвеска, золото высшей пробы).

Жители города, обладавшие мало-мальским чувством прекрасного, писали возмущенные письма, требуя избавить их от низкопробной рекламы. Однако реклама сработала: в магазины Купцова потекли покупатели.

Но главным фактором оставалась цена. Товар «Золотого Купца» действительно был в три раза дешевле, чем у конкурентов. А в качестве никто не хотел разбираться. «Мы ориентируемся на тех людей, которые раньше считали золото роскошью, – не скрывал Купцов, – на тех, кто раньше не входил в число потенциальных покупателей. Пусть небогатые люди поймут, что и им доступно золото».

Аман попал со своим бизнесом в точку: в среде его покупателей золото было мерилom успешности. Красивее считалась та женщина, на которой надето больше золотых украшений. Золотые зубы уже выходили из моды, но дутые толстые кольца, грубые и некрасивые, украшали пальцы и мужчин, и женщин.

Именно эти люди осаждали отделы «Золотого купца», скупая золото по дешевке. Генетическая память подсказывала им: случись беда – и обесценится все, кроме золота. Их было много, очень много: куда больше, чем утонченных ценителей дизайна украшений и требовательных любителей драгоценных камней.

Серьезные ювелиры воротили носы от Амана Купцова и его бизнеса, но сеть его магазинов за два года оплела весь город. Спустя еще четыре года Купцов открыл филиалы в Новосибирске, Екатеринбурге и Нижнем Новгороде, а через пять лет перебрался в Москву.

Здесь ему пришлось побиться за место под солнцем. Местные ювелирные короли не собирались пускать чужака в свои владения. Но Купцову все же удалось закрепиться, и он даже открыл салон «Афродита»,

в котором обосновались два шалтай-болтая Моня и Сема.

– Теперь понятно, почему у Амана такое дешевое золото, – вслух подумала Майя. – Оно контрабандное, да?

– Чш-ш-ш! – шикнул на нее Сема. – Что несешь? Это же страшно даже подумать, не то что сказать! Сиди тихо и кандыбайся со своим колечком.

Майя пыталась еще что-то добавить, но Сема округлил глаза и цыкнул: «Ша!»

Пришлось отказаться от дальнейших расспросов. Но самое главное она выяснила: ее гость не врал.

.....

«Сержант Спиридонов» по имени Игорь помялся перед тем, как войти во двор, где они с Серегой убили перевозчика. Старуха видела его. Вдруг узнает? Хотя куда ей! Наверняка лежит с сердечным приступом и пьет валокордин.

Он вынул из сумки фотокамеру и повесил на шею. Если что – соврет, что фотограф.

Ему очень не хотелось снова соваться в этот двор. Да и зачем? Работа выполнена, перевозчик мертв, оружие они сбросили. Но у Савушкина остался неприятный осадок после дела.

«Только проверю, все ли в порядке – и смоюсь, – решил он. – Хватит пяти минут, если повезет».

Ему и впрямь повезло: во дворе на лавочке сидели две старушки. Сначала Игорь струхнул: решил, что одна из них – та самая, которую они с напарником заставили выдать код. Но пригляделся и понял, что не она. Та была тощая, едва живая и дрожала всеми костями, пока они с Серегой выбивали из нее три цифры кода. А эти, на лавочке – пухлые. Да и помоложе будут.

Пока Игорь шел к ним, легенда придумалась сама собой. Все будет просто: он скажет, что работает в газете, и они набросятся на него с рассказом о вчерашнем событии. Старые перечницы только и ждут предлога, чтобы почесать языками. Для них человек из газеты – представитель другого мира.

– Здравсьте, бабули! – подойдя, фамильярно поздоровался Игорь. – Я журналист. Говорят, у вас чэпэ вчера случилось? Расскажите об этом для нашей газеты, если вам известны подробности!

К удивлению Игоря, старые колоды не возбудились, услышав о его профессии. Помолчали, недружелюбно оглядывая пришельца, и одна хладнокровно спросила:

– Какое еще чэпэ?

– Как какое?! Человек с крыши упал, разбился вдребезги!

– Вдребезги ваза может разбиться, молодой человек, – противным голосом сообщила другая колода, – ваза, а не человек. Вы что, русский язык в школе не учили? Неграмотный?

– Он, вероятно, из приехавших, – предположила первая. – На малой родине с работой плохо, вот и пришлось податься в Москву.

Игорь действительно приехал в столицу из Мордовии, но за семь лет никто ни разу не ткнул этим фактом ему в лицо. Оскорбления двух старух вывели его из себя. Но еще больше Игоря взбесило то, что эти тетери смотрели на него свысока. В нем сидела глубокая уверенность, что по сравнению с ним, взрослым сильным мужчиной, старичье – это второй сорт, ни к чему не пригодный человеческий шлак. Особенно тетки! Он избегал пожилых, как психически здоровый человек избегает вида падали. А сейчас эти без пяти минут дохлятины сидели перед ним и откровенно насмехались.

– Ехали бы вы, молодой человек, обратно, к себе на родину, – сладко улыбаясь, предложила вторая колода. – Подучите русский язык – и возвращайтесь. Милости просим.

– Может, у него на родине русский уже и не преподают, – заступилась первая.

– Тогда пусть на родине и остается, – разрешила ее подруга. – Там тоже люди живут. Им тоже новости нужны. Глядишь, женится. Детишек заведет. А они, на папашу-то глядячи, дельную профессию получают. Малярами станут или даже столярами...

– А то и врачами!

Игорь почувствовал, что, если старух не остановить, они решат его судьбу, и больше он не будет им интересен.

– Новости! – Игорь ухватился за спасительное слово. – Тетушки, новости нужны всем! Вы можете помочь нашим читателям узнать больше!

Одна карга недобро сощурилась:

– А кто вам сказал, молодой человек, что мы хотим благодетельствовать ваших читателей?

– Пусть живут без новостей, – согласилась вторая. – Больше времени на книги останется. Все польза.

И обе замолчали, надув щеки.

Игорь огляделся, выискивая еще кого-нибудь, но двор был пуст.

– Женщины, – умоляюще сказал он. – Меня с работы выгонят! Ну что вам стоит рассказать?

– Слышишь, Валя? – усмехнулась одна старуха. – Какие чудные метаморфозы мы с тобой претерпели! Были бабули, затем стали тетушки, а теперь уже и женщины! Такими темпами до девиц дойдем.

– Да что рассказывать-то? – проворчала вторая, смилостивившись. – Подумаешь, свалился пьяница с крыши. Тоже мне, событие дня!

– А почему вы решили, что он пьяница? – заискивающе спросил Игорь, утратив всю самоуверенность. – Кажется, говорили, что трезвый...

Старуха криво усмехнулась:

– Кеша трезвым не бывал. Хоть и нехорошо так говорить о покойном. Жалко его, непутевого.

Игорь изменился в лице.

– Какой Кеша? – пробормотал он. – Что за Кеша?!

– Алкоголик, бродяжка наш местный. Обычно по подъездам отогревался. И что его на крышу понесло?

– Должно быть, белая горячка, Валь! Или устал человек от такой жизни, решил закончить все. Самоубийство, конечно, грех большой...

– Подождите! – закричал Игорь. – Какой еще алкоголик?! Почему самоубийство? Разве он не был ранен?

Старухи возмущенно уставились на него.

– Во-первых, сбавьте тон, молодой человек, – высокомерно сказала первая. – Во-вторых, вы явно пришли не по тому адресу. У нас здесь никого не ранили.

– И в другой раз проверяйте как следует информацию! – ввязалась злобная вторая.

– Но стреляли же... – пробормотал Игорь в полной растерянности.

– Подростки баловались. Эти ужасные петарды...

Игорь хотел спросить про оружие, найденное на крыше, но вовремя спохватился. Старухи и так смотрели на него с подозрением. Он вяло поблагодарил их и пошел прочь.

Какой-то алкоголик Кеша... Как это могло случиться?! Игорь остановился, задрал голову. Как все произошло? Они выбежали на крышу, и беглец почти сразу свалился. Мог это быть какой-то местный алкаш?

Приходилось признать, что мог.

Игорь грязно выругался. Но если с крыши упал алкаш, то куда делся курьер?! В подъезде нет лифта, нет мусоропровода, ему некуда было спрятаться от них... Но где же он тогда?!

Ответ пришел сам собой. Если раненый курьер не прятался от них в подъезде, значит, он прятался в чьей-то квартире.

– Ах ты сволочь, – злобно пробормотал Игорь себе под нос. – У кого ж

ты окопался?

Он замер, потому что в голову ему пришла простая мысль. «Где курьер, там и бриллианты!»

Значит, еще можно реабилитироваться в глазах шефа! Если этот раненый недоумок жив, он найдет его и заберет оставшуюся половину груза. В подъезде не так много квартир...

Вот только как же понять, где именно спрятался перевозчик?

Игорь огляделся. Старухи уже ушли, и двор совершенно опустел. Странноватое местечко, такое безлюдное... Но это ему только на руку.

Он набрал код, который они выбили из старой вешалки, и вошел в подъезд. По четыре на каждом этаже – значит, всего двадцать. Игорь пошел наверх, присматриваясь к закрытым дверям.

«Эй, перевозчик, ты где?»

Добравшись до самого верха, Игорь остановился. Люк, ведущий на крышу, уже закрыли, и на нем висел огромный замок.

Он осмотрелся. Все то же самое, что на других этажах: две двери, четыре звонка... Но правая, кажется, чуть приоткрыта. Игорь подошел ближе, присматриваясь, осторожно толкнул ее – и схватился за кобуру, спрятанную под курткой.

Дверь отворилась. За ней оказался освещенный тамбур с небрежно набросанной обувью. Из-под сдвинутого коврика виднелись темные пятна.

Игорь чуть не сплюнул на пол в ярости, поняв, где прятался от них раненый курьер, пока они с Генкой шарахались по крыше.

Так вот он где – в одной из двух квартир! Может, здесь живет кто-то из его знакомых, оттого он и рванул так уверенно в этот подъезд?

Игорь вернулся на лестничную площадку и стал спускаться вниз. Он непременно вернется сюда. Завтра же. Но уже не один. Одному – опасно. Кто знает, что за приятель у курьера...

Навстречу Игорю поднималась женщина средних лет – тощая, очкастая крыса с русыми волосами, убранными в хвост. Он посторонился, пропуская ее. И даже чуть не спросил, кто живет на пятом этаже, но взглянул на ее замкнутое лицо и промолчал. Эта тетка могла рассказать о его интересе тому, кто помог спастись курьеру. Пусть для него станет сюрпризом следующий визит Игоря.

Он поднял воротник и быстро сбежал вниз.

Вера Воронцова проводила взглядом незнакомого мужчину. Он как будто хотел что-то спросить у нее, но потом передумал... Вера порадовалась, что он передумал, потому что лицо незнакомца показалось ей неприятным: узенькое, серое, словно крысиная мордочка. Была в нем

какая-то туповатая сосредоточенность и жестокость.

Она хотела рассказать об этом мужчине Майе Марецкой, но стала разбирать одежду для своих подопечных, захлопоталась – и забыла.

Глава 4

В пятницу утром в парке «Сокольники» было многолюдно: по дорожке, ведущей к павильону номер четыре, ручейком тянулись посетители. Здесь проходила ежегодная ювелирная выставка, каждую весну собиравшая ювелиров со всей России.

В небольшом павильоне царил неуловимая атмосфера старинного восточного базара. Слева искрились авантюрины, по которым словно рассыпался золотой песок, голубела бирюза, сверкал горный хрусталь. Справа манили к себе глубокие, как вода, загадочные аквамарины, за ними полыхали рубины, и царственные сапфиры, вобравшие в себя морскую синь, приковывали взгляды. Кроваво-красная яшма, бледные селениты, нежные фиалковые аметисты, и рядом – высокомерные изумруды, холодные, недостижимые, как зеленые звезды.

Но центром выставки были все же не они. Напротив входа стояла небольшая стеклянная витрина, а возле нее толпились люди. Каждому хотелось посмотреть на чудо, главную приманку этого сезона – шестнадцатикаратный синий бриллиант «Зевс».

«Зевс» возлежал на белоснежной подставке, подсвеченный со всех сторон мощными лампами, и, казалось, от него исходит сияние. Позади высился огромный рекламный плакат банка «Зевс», которому принадлежал редкий бриллиант. «Мы – на Олимпе» – гласила надпись на плакате. Между плакатом и витриной стоял охранник, словно архангел у врат рая, решающий, кого пустить на Олимп.

Табличка возле витрины предупреждала, что бриллиант «Зевс» скрыт за пуленепробиваемым стеклом. Прочный стеклянный саркофаг был водружен на подставку, а подставка – на четыре металлические ноги. Вся конструкция выглядела весьма внушительно.

– Смотри, Гош, как сияет! – восхищенно сказала женщина в группе зрителей. – Сколько ж он стоит, а?

Вместо Гоши ей ответила строгая девушка в очках:

– Стоимость синих бриллиантов может достигать миллиона долларов за карат.

Позади строгой девушки кто-то завистливо вздохнул.

Женщина наклонилась к витрине и прочитала: «Бриллиант „Зевс“, страна происхождения – Индия, найден в 2001 году. Уникален».

Больше о бриллианте не было сказано ничего. Уникален – и точка.

– А почему он не круглый, а с заостренными концами? – спросил кто-то.

Ответила та же строгая девушка:

– Такой вид огранки. Называется «Маркиз».

Вмешался охранник:

– Толпиться не надо, – веско проговорил он. И, подумав, добавил: – Пожалуйста.

Люди подались назад. Охранник удовлетворенно кивнул и вновь застыл как изваяние.

В это самое время у входа в павильон остановилась «Газель» с надписью по всему борту – «Горсвет». Из нее выскочили двое ребят в потертых серых комбинезонах, украшенных той же надписью. Один из парней – грузный увалень – вытащил из нутра «Газели» смотанный провод и двинулся к павильону, разматывая шнур. Второй, щуплый и узкоглазый, догнал его, размахивая какими-то бумагами.

Водитель в кепке, нахлобученной до бровей, остался дремать в машине, привалившись к окну.

Щуплый задержался ненадолго возле пункта охраны у входа, а здоровяк целеустремленно потащил шнур в центр зала – к витрине с «Зевсом».

– Осторожнее, пожалуйста, – бубнил он, и посетители шарахались в стороны. – Осторожнее. Наступать не надо, пожалуйста. Провод под напряжением.

Насторожившийся охранник спустился со своего пьедестала:

– Это что такое?

– Куликов распорядился усилить периметр, – пояснил толстяк. – Пока народ не повалил. Щас Санек подойдет, у него распоряжение.

Санек, похожий на хорька, уже спешил к ним.

– Витек, нам десять минут выделили, – запыхавшись, сказал он, не обращая внимания на охранника. – Управимся?

– Должны, – кивнул тот, кого он назвал Витьком.

– Слышь, братан, распишись.

С этими словами щуплый сунул охраннику какую-то бумагу.

– Все работы ведутся под твоим наблюдением, – предупредил он. – Чтобы потом не было чего...

Охранник бросил взгляд на выданное ему предписание. И тут же его что-то кольнуло в шею. Он вздрогнул, закрыл глаза и начал оседать. Но не упал, подхваченный пареньком, оказавшимся на удивление жилистым.

– Вот сюда пройдемте, – громко сказал паренек, утаскивая охранника

за рекламный щит.

Тем временем толстяк обмотал провод вокруг стеклянного сейфа, щелкнул «карабином» и сделал шаг в сторону. Щуплый вышел из-за щита, бросил взгляд на напарника и коротко кивнул.

– Просьба разойтись, провод под напряжением! – громко сказал он.

Оба быстро двинулись к выходу, с сосредоточенным видом осматривая шнур. Посетителям хватило и первого предупреждения, поэтому путь перед ними оказался расчищен.

Не доходя двух шагов до внешней охраны, щуплый прижал палец к уху с телефонной гарнитурой и вполголоса скомандовал:

– Поехали.

Следом случилось немыслимое. Шнур у них под ногами пополз и натянулся. В центре павильона раздался страшный хруст, будто кто-то разминал скорлупу гигантского яйца, и стеклянный саркофаг накренился, выдирая за собой металлические ножки и обрывая провода. Последовал звук, похожий на выстрел – это треснула и разломилась одна из ножек, – пол вздыбился, и с ужасающим скрежетом сейф поехал к выходу, набирая скорость.

На все это ушло не больше десяти секунд. А в следующие десять сейф прогрохотал по ступенькам, съехал на асфальт и с режущим уши звуком поволочился за отъезжающей «Газелью». Открытые задние дверцы ее болтались, и было видно, как крутится внутри катушка, наматывая на себя змеиные кольца провода.

Парочка в серых комбинезонах проскочила мимо остолбеневшей охраны и бегом догнала свой фургон. «Газель» притормозила, и на глазах у всех в двадцати метрах от павильона лже-электрики дружно приподняли сейф и погрузили его внутрь. Толстяк забрался в фургон, подтащил остатки провода и захлопнул двери, а щуплый заскочил в кабину.

После чего «Газель» рванула с места, пронеслась через парк насквозь и вылетела на дорогу, не снижая скорости. Машин в этот утренний час было немного, и фургон беспрепятственно промчался по улице и скрылся из глаз.

Вместе с ним исчез синий бриллиант «Зевс».

.....

«Это пятница – тяжелый день, а вовсе не понедельник», – думала Майя, улыбаясь клиентам и ловя отражение своей вымученной улыбки в зеркале напротив. В ювелирном салоне должно быть много зеркал: они отражают лампы, они сверкают, они напоминают о роскоши.

И, конечно, много света! Свет для бриллиантов – это все. Светом можно убить камень, а можно оживить его. В потоке искусственных лучей любое украшение выглядит лучше, чем при дневном свете, и каждый ювелир знает об этом.

Сегодня Яши не было, и Майя помогала Моне Верману в магазине. Пятница – тяжелый день, потому что в пятницу в ювелирных магазинах всегда много клиентов. Кто-то ищет подарок любовнице в расчете на бурные выходные, кто-то хочет задобрить жену. Обычно женщин среди покупательниц больше, чем мужчин, но пятница – исключение из правил.

Вот в салон вошел вальяжный мужчина с брюшком, склонился над витриной. От предложенного Моне прекрасного комплекта отмахнулся: нет, не то, ему не нужны бесцветные бриллианты. И тотчас Моне, щелкнув пальцами, как фокусник, извлек откуда-то кольцо и серьги, включил дополнительную лампу, выложил украшения перед клиентом.

– Обратите внимание, – доверительно прошептал он. – Голубой бриллиант. Посмотрите! Видите, какой оттенок? Конечно, другая цена – но! Но зато, сами понимаете, вы имеете за свои деньги совсем другой уровень, совсем!

– Я знаю, что цветные бриллианты ценятся значительно дороже, – важно сообщил покупатель. – Это будет подарок, но еще и инвестиция.

Моне усилил свет лампы.

– Прошу вас, смотрите сами, – предложил он. – Выбирайте. Когда я вижу, что клиент понимает в камнях, я только отхожу и не мешаю.

На самодовольном лице мужчины было написано, что его и впрямь не проведешь. Он вглядывался в камни и видел, что те действительно голубовато искрятся.

«Глупый ты человек, – думала Майя. – Цветные бриллианты и в самом деле ценятся в десятки раз дороже обычных. Но только если это их природный цвет! Такие камешки, даже маленькие, уходят вмиг на любом аукционе за миллионы долларов, и в салоне их не найдешь. А те зеленые, розовые и синие бриллианты, которые можно изредка увидеть в дорогих ювелирных, – это облагороженные камни, то есть цвет в них добавлен искусственно!»

Правда, сейчас Моне предлагал клиенту кое-что другое. Бриллианты в серьгах и кольце, так красиво переливавшиеся под лампой, не были обработаны по цвету.

– Беру! – обрадовал клиент Моне, и тут же потребовал: – Сделайте скидку!

Когда он ушел, довольный удачной покупкой, Верман выключил лампу

и убрал на полку. «Ах ты старый пройдоха, – про себя усмехнулась Майя. – Вот где был подвох! Твоя лампа, которую ты так предупредительно достал якобы для удобства клиента, на самом деле служит для совсем другой цели. В ней есть ультрафиолетовый спектр, а в его свете почти все бриллианты приобретают голубой оттенок. Камни с желтоватым отливом – самые малоценные, но ультрафиолет скрывает желтый цвет, и вот уже перед покупателем вместо посредственных бриллиантов – великолепные».

Она проглядела характеристики купленных украшений и убедилась в своей правоте. Да, цвет не самый удачный, но Моня замаскировал это, спрятал в ярком свете. «Забавно, что именно свет, который должен показывать все недостатки, помог ему скрыть их. Но при солнечном свете серьги и кольцо будут выглядеть иначе: станут молочно-желтыми, утратят прозрачность и глубину».

– Между прочим, – сказал Моня, – я дал ему возможность внимательно рассмотреть ярлык. И там, рыбка моя, все сказано как на духу.

– И про цвет сказано как есть?

– А как же! Цвет – пять, чистота – четыре.

– Посредственные камушки, – вздохнула Майя.

– Не стану спорить, – согласился Моня. – Но клиенту понравились, ты же видела.

– Потому что вы его убедили в этом.

Верман расхохотался:

– Так в этом, Марецкая, и состоит моя работа! Клиент должен уйти довольный и умиленный, как бабушка с утренника в детском саду. Что я ему предложил вначале? Цвет – два, чистота – два! А огранка! Гранил Сема, и надо ли еще что-то говорить? Но этот покупатель, он же лучше меня знает, что ему нужно. Конечно, ведь Верман работает какие-то тридцать лет, это не срок! Так лучше я продам Семины камушки тому, кто правильно понимает в этом деле. И все будут довольны.

Он не успел договорить, как в салоне появилась очень просто одетая женщина лет сорока. Джинсы, старомодный потертый свитерок, никаких украшений. На милом улыбчивом лице – ни грамма косметики. «Да, для Мони это не клиент, – подумала Майя. – Сейчас отправит ее ко мне. Видно же, что у нее нет денег на наши украшения».

Но Верман в очередной раз поразил ее. Лишь услышав робкое: «Я хотела бы колечко...», он тут же выложил несколько прекрасных колец. А подумав, добавил к ним еще пару.

Женщина, несмело улыбаясь, взяла в руки крайнее. Майя одобрительно подумала, что выбор очень неплох. Впрочем, из того, что

предложил Моня, выбрать плохое было невозможно.

«Отчего он так старается? – удивлялась она, глядя, как Верман работает с посетительницей. – Она ничего не купит. Может, она просто ему симпатична?»

– Мне нравятся вот эти два кольца, – сказала женщина. – Может быть, вы посоветуете мне?

Она доверчиво взглянула на Моню.

– Без малейших сомнений, это. – Верман подвинул к женщине кольцо с бриллиантом поменьше. – Я знаю, что вы скажете! Вы скажете, что меньше карат... Но чистота – единица! И какая огранка! А цвет! Это – выгодное приобретение, поверьте мне, мадам.

Майя была совершенно уверена, что женщина поблагодарит за совет и уйдет. Вместо этого милая посетительница расплатилась с Моней, спрятала покупку в сумочку, поблагодарила его за помощь и неторопливо ушла, улыбнувшись на прощанье обоим.

– Что это было?! – не выдержала Майя, когда клиентка ушла. – Моня, я не понимаю! Такие свитера носила моя бабушка! Откуда у нее деньги на такое кольцо?!

– Я не был знаком с твоей бабушкой... – начал Верман.

– Боже мой, при чем здесь бабушка?! Я про эту женщину!

– Ах, про эту... Так по ней сразу было видно, что это дельная женщина. Она все понимает верно, она имеет такие возможности, что дай нам бог! Вполне обеспеченная женщина, без показухи.

– Я уже догадалась. Но вы-то как об этом узнали?!

– Марецкая, ты глядела на ее руки и шею? Ты видела эти складки? В них можно класть брильянты и перевозить через границу!

– Ну и что?

– А лицо? Ты оценила ее лицо?

– Очень милое, по-моему...

Моня закатил глаза.

– При чем здесь это?! Ты что, не видела, что на ее лице написаны сорок лет спокойной жизни с творожком на завтрак?

– Видела. Ну и что?

– Ты с ума меня сведешь! – завопил Моня. – Ты сделаешь мне большую голову и через тебя я стану такой же псих, как тот шлимазл, который задавил мою тетю Раю! Дворкин, выйдите сюда, я через вас буду говорить кое-что этой глупой женщине.

– Я уже уронил тапочки, пока бежал к вам, Верман, – флегматично отозвался Сема, не двинувшись с места.

– Хорошо, – сдался Моня. – Так и быть, скажу, чтобы ты не сидела в невежестве. Где мы читаем возраст женщины? Мы читаем его на шее и руках, это знает каждый ребенок. Твоей милой, как ты выразилась, даме шестьдесят лет, и это еще по моей галантной мужской оценке!

– Вы шутите?!

– Она думает, я шучу! Сема, вы слышите? Какие шутки? Если я вижу красивую женщину, у которой на лице написаны сорок пять лет, а на шее – на двадцать больше, то я говорю себе: «Моня, эта женщина имеет немножечко средств. У нее есть время и деньги сделать себе такое лицо, какое она захочет. У нее есть воспитание и скромность, чтобы не кичиться этим на весь квартал». Разве после этого я не проведу с такой дамой приятные двадцать минут, чтобы порадовать ее и себя?

– Верман, я что-то не уловил, – подал голос Сема, – вы все еще об украшениях?...

Днем у Майи был небольшой перерыв. Она спряталась в кабинете Мони, достала из холодильника припасенный салат из капусты и включила радио. Диктор, захлебываясь, сообщала о «беспрецедентном по своей наглости ограблении, совершенном на ювелирной выставке в Сокольниках».

Верман заглянул в кабинет и, услышав новости, замер, вскинув брови.

– Украл только один бриллиант, – сообщила Майя. – Зато какой! Как же они его не уберегли?

– Руководство банка «Зевс» пока отказывается комментировать случившееся, – закончила диктор.

– Мда, не уберегли, – согласился Моня. – Забавно, забавно...

Майя не успела узнать, что показалось ему забавным – Сема дал знак, что они нужны в салоне. Пришлось бросать недоеденный салат.

На этот раз в магазин ввалились двое: парень в кожаной куртке, а с ним под руку – девица с красной сумкой. Девица, выпустив приятеля, подлетела к ближайшей витрине и уткнулась в нее.

Моня толкнул Майю под локоть:

– Марецкая, ты видишь эту шиксу с сумочкой из кожи молодого дерматина? Иди и узнай, чего она хочет.

Узнать оказалось нетрудно.

– Вова, я хочу брюлик! – заныла девица. – Вот такой!

– Ты что, рухнула? – суровым шепотом спросил парень. – Новый год уже был.

– Он хале-е-есенький! Он мне подходит! Девушка, а покажите это

колечко!

Майя подала ей кольцо.

– Ой, хочу-хочу-хочу! – запрыгала девица. – Ну Вова! Смотри, как блестит!

– Если я плюну, тоже блестеть будет, – мрачно проинформировал Вова. – Короче, Ленюк, пошли. К Лехе опоздаем, он обидится. Как-никак, днюха.

Но девицу чужими днями рождения было не пронять. Майя знала такой типаж. Девушки модели «Ленюк» были оснащены функцией игнорирования звуковых волн, не попадавших в резонанс с их эмоциональным состоянием.

– А как же мой день рождения? – трагически спросила она.

– Так, это... Сентябрь уже закончился вроде, – усмехнулся ее приятель.

Майя мысленно посочувствовала парню.

И оказалась права.

Девушка Лена, вскинув брови, исполнила небольшую сольную партию оскорбленной женщины. Для начала Вову обвинили в мелочности, жестокости, скупости и равнодушии. После вводной части ему сообщили, что он щедр, умен, добр и снисходителен к женским слабостям. Из заключительной части Вова узнал, что у Лены уже три дня как болеет бабушка.

Ошеломленный свалившимися на него знаниями, Вова достал кошелек и безропотно расплатился за покупку. Сразу же нацепив колечко на палец, счастливая Лена подхватила его под руку и вихрем унесла навстречу друзьям детства.

– Молодец, Марецкая, – лениво заметил Моня. – Держала лицо. «Брюлики!» – передразнил он. – Тьфу!

Покупатели все шли и шли, день все не кончался и не кончался. Мысли Майи были далеко отсюда – они вертелись вокруг раненого. Что, если ему стало лучше? А вдруг он нашел бриллианты и сбежал? Что тогда?

«Тогда скажешь спасибо, что легко отделалась! – жестко оборвала Майя саму себя. – Вот только жалко Веру с ее надеждами».

Задумавшись, она не сразу заметила, что у них новый клиент. В магазин вошла молодая девушка в обтягивающих брючках, на высоких каблуках. Девушка выглядела так, словно поставила задачу максимально увеличить все, что поддавалось увеличению. Увесистая грудь ее колыхалась, ресницы длиной с карандаш колыхались, и даже губы, казалось, колышутся на узком личике, слишком маленьком для них.

Покачивая бедрами, красавица направилась напрямик к Моне.

– Вы же Ве-е-ерман? – протянула она. – Мне про вас говорили. У вас консультации платные?

– Для вас, мадемуазель, хоть все мое время даром! – заверил Моня.

– Я хочу вам кое-что показать.

Девушка поставила на витрину сумочку, щелкнула замком и придвинула к Моне. Тот заглянул внутрь, и на лице его появилось озадаченное выражение.

– М-м-м... Пройдемте в мой кабинет! – проворковал он и увлек красавицу за собой.

Майе очень хотелось узнать, что за консультация потребовалась гостю, но тут появилась юная пара, желающая купить обручальные кольца, и она отвлеклась. Когда же вспомнила про девушку, той уже давно не было.

– Моня, какие у вас интересные посетители, – заметила она, когда ювелир появился из кабинета.

Верман выглядел возбужденным.

– Ты даже не представляешь, насколько интересные! Представь: папаша оставил ей в наследство восемь бриллиантов. Она хочет вставить их в ожерелье, которое сделала сама!

– А ожерелье-то приличное? – осторожно спросила Майя.

– Э, какая разница? Запомни, Марецкая: прилично все, на чем можно заработать без ущерба для физического облика и репутации.

Моня довольно потер руки.

Майя пожалала плечами, не понимая, чему он радуется. Вставить камни в готовое ожерелье – несложная работа, с которой справится любой ювелир. Это не уровень Мони и Семы.

Но времени на обдумывание странного поведения Вермана у Майи не было: клиенты все шли, пятница никак не кончалась... Когда Верман закрыл дверь за ушедшим покупателем, Марецкая не поверила своим глазам: неужели все?!

– Наконец-то, – простонала она, падая на стул, – я думала, эта пятница будет бесконечной!

Из «аквариума» высунулся Сема и предложил:

– Уточка, там в холодильнике припрятан кусочек торта. Угощайся.

– Сема, вы мой спаситель!

Изголодавшаяся Майя нырнула в кабинет и с жадностью набросилась на торт. Тем временем Моня опустил наружные шторы, потушил подсветку витрин и включил сигнализацию.

Майя доедала последний кусочек бисквита, когда в заднюю дверь

позвонили.

– Сема, гляньте, кого до нас принесло, – невозмутимо попросил Моня.

Дворкин покосился на изображение с глазка камеры и удивленно хмыкнул:

– Верман, это к вам. Ваши юные друзья, Повар и Кулек.

Моня так и подскочил. Схватив трубку домофона, он сердито рявкнул:

– Якова нет! Уехал по делам!

– А когда будет? – раздался искаженный трубкой голос.

– Хотите письменного отчета? – язвительно осведомился Верман. – Я вам не секретарша.

– Пожалуйста! – взмолился голос.

– Если Яша говорит, что у него дела, я не лезу к нему в душу, – немного смягчившись, ответил Моня. – Он будет завтра. Всего хорошего.

Ювелир повесил трубку, но через секунду она зазвенела снова.

– Сема, вызовите охрану! – вскипел Моня.

– Уже вызываю, но вы пока ответьте, чтобы этот звонок не дергал нам нервы, – попросил Сема.

– Что еще?! – взвыл Верман, схватив трубку.

Снаружи вздохнули.

– Моня, нам нужно с вами поговорить, – с напряженной вежливостью попросил говорящий. На этот раз Майя узнала голос Данилы-Кулька.

– Если у вас есть до меня разговор, приходите завтра.

– Это срочно. Пожалуйста! Только на пять минут! – упрашивал Данила.

– Нет.

– Только на минуточку! И мы больше не будем пить пиво у вас на заднем дворе.

– Черт с вами, – сдался Верман. – Но предупреждаю, если вы собираетесь меня грабить, наша охрана в соседнем здании.

Трубка истерически хихикнула.

– Нам только на минуточку... – повторил Кулек.

– Кой черт принес этих двоих на ночь глядя, – проворчал Моня и, шаркая, побрел к выходу.

Стоило ему отпереть дверь, как Повар с Кульком ввалились в салон.

Вид у обоих был диковатый и одновременно возбужденный, словно у гиен, которые завалили льва и теперь опасаются мести прайда. Данила нервно шмыгал и без конца потирал руки. Повар выглядел получше, но и он косился на дверь, будто ожидал погони.

– Так, ваша минуточка пошла, – брюзгливо известил Моня, сел и

сложил пухлые ручки на коленях. – И шо вы имеете мне сообщить?

Данила полез во внутренний карман куртки, вытащил оттуда что-то размером с орех, зажатое в кулаке, и осторожно опустил на прилавок. Разжал пальцы – и на стекло выкатился продолговатый синий камень.

– В общем, это... – хрипло начал Кулек. – Это, короче, вот.

Данила беспомощно оглянулся на привалившегося к стене Повара, и тот почувствовал, что должен прийти приятелю на помощь. Но он так нервничал, что нужные слова не находились. Поэтому Коля ограничился подтверждением.

– Ага, – пробасил он. – Точно. Вот.

Несколько секунд Моня без выражения смотрел на камень. Затем поднял глаза на Данилу.

– Это что? – шепотом спросил он. – Что вы мне принесли?!

За его спиной Сема, как черепаха, вытянул голову вперед.

– Это «Зевс», – тщетно стараясь казаться спокойным, сообщил Кулек. – С выставки. Синий, значит, бриллиант.

Бисквит выпал у Майи из руки и мягко шлепнулся на стол. Моня шарахнулся от камня так, словно это была гремучая змея. Сема присвистнул.

Майя на цыпочках подкралась к двери и уставилась на камень. Действительно, синий!

– Врешь, – неуверенно предположил Верман.

Кулек не ответил.

– Так это – вы?!

Кулек потупился.

– Но как?! – заорал Моня. – Как вы, дебилы, смогли его украсть?!

Кулек с Поваром переглянулись, и Данила рассказал как. Незамеченная ими Майя сидела в кабинете, слушала и только диву давалась.

Они угнали старую «Газель», попросили знакомого помочь, и тот за небольшую плату согласился поработать водителем. Кулек без труда узнал, как зовут директора парка «Сокольники» и его заместителя, имеющего отношение к выставке, состряпал на компьютере липовое разрешение на непонятные работы и шмякнул печать из ластика. Документы ни у кого не вызвали подозрений, а фамилия «Куликов» и потертые костюмы электриков в буквальном смысле открыли для них двери павильона.

– Мы как рассудили-то, – объяснял взволнованный Данила. – Стрелять по сейфу бесполезно. По нам самим открыли бы стрельбу. Да и не пробьешь стекло, слишком оно толстое, сволочь. Тогда Повар говорит: а давай его целиком утащим, с сейфом. На фига, говорит, красть один

бриллиант, если можно украсть в коробке?

– Странно, что вы весь павильон не утащили! – не выдержал Моня. Данила шмыгнул и вытер нос рукавом.

– У меня был электрошокер. Я охраннику сунул бумагу, а сам его – тук в горло... Он и отрубился. Главное – все делать быстро, чтобы никто не спохватился. Мы так рассчитали, чтобы внутри не больше двадцати секунд. Иначе дело швах, засекут.

– Как вы достали бриллиант из сейфа? – любопытствовал Сема.

– Сейф сам треснул, пока мы его на шнуре тащили.

Им даже не пришлось ничего вскрывать, хотя они запаслись инструментами и автогеном. В том месте, где оторвалась железная ножка, по стеклу пошла трещина. Они расширили ее и вытащили свою добычу.

Кулек с Поваром ничего не боялись, когда обдумывали ограбление, не боялись, когда осуществляли его, и даже когда удирали по московским улочкам с бриллиантом, лишь хохотали над облапошенными придурками. Страшно им стало потом, когда они увидели новости. Парень-водитель сразу смылся, получив свою мизерную долю: он даже не знал, в чем участвовал. И Кулек с Поваром остались вдвоем. А третьим был «Зевс».

– Дуракам везет, – подытожил Верман, выслушав Кулька. – Ваше счастье, идиоты, что вас обоих там не пристрелили.

– Это был точный расчет, – самодовольно начал Кулек, но, заметив взгляд Семы, осекся. – Не, мы победители, реально! А победителей не судят.

– А что с ними делают? – ласково спросил Дворкин. – Как вы, голуби мои, видели свою дальнейшую жизнь с этим красивым камушком?

Выяснилось, что налетчики видели себя – отдельно, камешек – отдельно. Бриллиант они хотели продать через Яшу.

– Мы думали, сможем за деньги его сдать кому-нибудь. Он же диких бабок стоит!

Они действительно не подумали, что станут делать после ограбления. Единственной ниточкой, связывавшей их с ювелирным миром, был племянник Вермана. Кулек рассчитал так: Яшка найдет для них покупателя и за это получит свою долю. Двадцать процентов, все по-честному.

Но дозвониться до Яши они не сумели.

– Он знал? – прорычал Моня, привстав. – Знал о вашем плане?

Кулек испуганно затряс головой. Нет-нет, ни в коем случае! Они с Поваром опасались, что Яшка станет их отговаривать, и потому решили сообщить ему обо всем постфактум. Рассудили, что в этом случае Яше некуда будет деваться: не бросит же он друзей без поддержки, раз

бриллиант уже у них!

Узнав, что племянник даже не догадывался об аванюре, Моня немного успокоился.

– Хорошо, – медовым голосом протянул он, – и зачем же вы пришли ко мне?

Кулек понимал, что юлить бесполезно. И честно признался, что после ограбления им с Поваром стало страшно. Они не могли дозвониться до Яши, не знали, что им делать с добычей, а услышав о том, что за их поимку банком объявлено вознаграждение, и вовсе перепугались.

Они боялись обратиться к знакомым, потому что были уверены, что те сдадут их с потрохами и бриллиантом. К тому же основная часть знакомых специализировалась на отъеме сотовых телефонов в ночных подворотнях. Кулек не без оснований предполагал, что синие бриллианты – это не их уровень.

И тогда они вспомнили про Моню. Вот кто станет их пропуском в мир больших состояний и сверкающих бриллиантов! Некоторое время Кулек и Повар всерьез обсуждали идею: зарыть бриллиант под верандой детского садика, а самим идти сдаваться на милость Верману. Но в конце концов тревога за их сокровище победила, и камень они потащили с собой.

Бледные, перепуганные, шарахающиеся от каждого прохожего и от собственной тени, они добрались до «Афродиты» и теперь понуро сидели перед двумя ювелирами, избегая глядеть на бриллиант.

– Сема, посмотрите внимательно на этих двух молодых людей, – попросил Верман. – Вы видите перед собой образцовых идиотов. Их можно помещать в музей мадам Тюссо, люди будут платить деньги, чтобы сфотографироваться с ними и выглядеть умными на их фоне. Запомните эти лица!

Кулек встрепенулся:

– Но камешек и в самом деле дорогой! Вы ведь можете продать его, правда? Возьмите себе сорок процентов. Нет, половину! А половину – нам. Верно, Коль?

Повар уныло кивнул. Он уже двадцать раз пожалел о том, что они решились стащить эту стеклянную дуру со всем содержимым. Одни проблемы от этого синего бриллианта.

Моня усмехнулся.

– То, что вы по умолчанию записали меня в перекупщики краденого, меня уже не удивляет. В свете ваших подвигов это выглядит совсем невинным. Я даже готов простить вам попытки втянуть нас с Яшей в это дело.

Кулек воззрился на него с подозрением: мягкость Вермана не сулила ничего хорошего.

– Шестьдесят процентов, – упавшим голосом предложил он.

Верман нехорошо засмеялся.

– Значит, я должен продать на загнивающий запад этот редчайший бриллиант и поделиться с вами по справедливости, так?

Повар кивнул. Кулек отчего-то воздержался.

– Хорошо, – согласился Моня. – Допустим. Даже если вообразить, что я согласился бы пойти на такое – только вообразить! Вы понимаете, что даже в этом случае ваш план все равно провалился бы с блеском?

Друзья переглянулись.

– Это почему? – рискнул осторожно спросить Повар.

Майя затаила дыхание.

Верман привстал со стула и набрал побольше воздуха.

– Потому что это – не бриллиант! – прогрохотал он, указывая на камень. – Дурни, это не он!

У Повара отвисла челюсть. Данила непонимающе глядел на ювелира. А Моня продолжал бушевать:

– Неужели вы, идиоты, не задались вопросом: почему редчайший камень стоимостью в несколько миллионов долларов стережет всего один охранник? Нет? Вам не пришло в голову, почему вы с такой легкостью украли его? Да потому что его толком и не охраняли! А почему его толком не охраняли? Потому что не видели в этом смысла! А почему не видели смысла? Да потому что НИКТО! НИКОГДА! НЕ ВЫСТАВЛЯЕТ! НАСТОЯЩИЕ! КАМНИ!

Моня выдохся и упал на стул. Дворкин сочувственно покивал, глядя на окаменевших приятелей.

Изо рта Повара вырвался жалкий писк:

– Как?!

– Верман, не вставайте, я им объясню, – Дворкин лучился добродушием.

И объяснил. Владельцы дорогих украшений или драгоценных камней давно отказались от практики выставлять свои сокровища на всеобщее обозрение: слишком уж велик риск ограбления или кражи. Как ни пытайся обезопасить себя, воры и грабители идут на шаг впереди. Но самое главное состоит в том, что зрители все равно не в состоянии понять, какой именно камень им показывают.

– Вы понимаете, голуби, – ворковал Сема, – что даже ювелир через стекло витрины не отличит бриллиант от подделки? Даже

профессиональный ювелир! Что уж говорить об обычных людях. Ограничьте правильно зеленое стекло – и вот готов вам изумруд. Можно получить любой оттенок. Вместо бриллиантов используются фианиты. В конце концов, всегда можно изготовить синтетическую копию вместо природного камня, и только лабораторный анализ расскажет правду. А если нет разницы, зачем рисковать настоящим камнем? Все это – имитация! А кто будет всерьез охранять имитацию? Тратить деньги на охрану? Никто.

Кулек выглядел потрясенным. Его узкая мордочка съежилась и стала похожей на мышиную.

– Всюду обман, – прошептал он. – Всюду обман...

– Забавно слышать это от грабителя, – хмыкнул Моня. – Могу тебя утешить: Оружейной Палате ты вполне можешь доверять. Там все неподдельное. Не хотите попробовать забраться в Оружейную Палату?

Данила и Коля потерянно молчали. Наконец первый выдавил, указывая на принесенный камень:

– А что же это? Стекло?

Дворкин достал из кармана ювелирный пинцет и осторожно взял «бриллиант». Моня молча протянул лупу.

– Нет, этого недостаточно, – пробурчал Сема и ушел в свою мастерскую, где возился, что-то ронял и, наконец, затих.

Высунулся он минут через пять.

– Ручаться честным именем не стану, но, похоже, ваш камешек синтетический. Спрессовали его, голубчика, добавили в него синего цвета. Вот и получился фальшивый «Зевс». А настоящий лежит себе где-нибудь в банковском сейфе.

Моня удивился.

– Смотрите-ка, Сема, владельцы не поскупились на хорошую имитацию. Синтетика тоже стоит денег. Не таких, конечно... Да и продать вы его не сможете, камушек уж больно хорошо известен...

Повар не выдержал.

– Что нам теперь делать?! – жалобно спросил он. – Заберите у нас его, а?

Моня недобро прищурился.

– Под тюрьму меня подвести решили? Чтобы завтра к Верману пришли с обыском и нашли эту фиговину? Не дождетесь! Так и быть, я не стану звонить в милицию и сообщать им, какие дураки у меня были в гостях. Забирайте то, с чем пришли, и идите вон в ту дверь. Можете даже попробовать продать ваш искусственный брильянтик перекупщикам. Только учтите... – Верман понизил голос, – вы не ларек с пивом грабанули

и даже не ювелирную лавочку. Подняли шума больше, чем водопад «Ниагара». Банк ни за что не признает, что выставял подделку! Значит, для всех вы – те самые грабители, которые взяли «Зевса». Да за вами будут охотиться, как за морскими коровами!

– Верман, морские коровы вымерли, – подал голос Сема.

– Потому и вымерли. Сейчас оперативные группы уже шерстят свидетелей и просматривают записи с камер. И скоро ваши юные лица, не обремененные интеллектом, будут взирать на нас со стенда «Разыскиваются». Что вы смотрите на меня как на бога Кришну, господа Кулек и Повар? Думаете, я могу решить вашу маленькую проблему?

– У нас проблема только в том, чтобы покупателя на камень найти, – набычился Повар. Кулек толкнул его острым локтем в бок.

– У вас проблема в том, что господь недовложил мозгов в ваши головы! – констатировал Верман. – Все, забирайте имущество банка и идите. И когда вас возьмут, не вздумайте рассказать, зачем вы приходили к Моне Верману! Скажете, что узнавали цены на крупные бриллианты. Ступайте, господа грабители, ступайте. Вас ждет новая жизнь.

Данила с Колей нехотя встали. Кулек сунул камень в карман, как будто это была простая стекляшка, и оба поплелись к выходу.

Не дойдя до двери, Данила обернулся.

– Моня, что нам делать? – умоляюще спросил он. – Скажите серьезно, а? Пожалуйста!

Сардоническая ухмылка исчезла с лица Вермана.

– Я скажу, – отчеканил он. – Берите билеты в кассе, садитесь на электричку и уезжайте к бабушке в деревню. Там посидите пару-тройку месяцев, поможете старушке по хозяйству. Камень спрячьте и не вспоминайте про него. Вообще не вспоминайте! Через четыре месяца можете возвращаться. И чтоб о вас никто ничего не слышал! Проговоритесь хоть одной живой душе – и все, кранты кроликам. Тогда умные советы старого Мони Вермана вам уже не помогут.

В глазах у Данилы блеснула надежда.

– А ведь у нас правда есть дом в деревне! Под Тверью! Яша знает где.

– Вот пусть кроме Яши больше никто не знает, – остановил его Моня. – Если сбежите сейчас, есть шанс, что вас не схватят.

Кулек и Повар вылетели из салона так стремительно, словно собирались бегом бежать до своей деревни. Сема запер за ними дверь и обернулся к Моне с озабоченным видом.

– Не могу я их сдать, – отозвался Верман на невысказанный вопрос. – Меня же и приплетут. Скажут, Моня Верман подбил двух дурней на

ограбление, а потом решил дать задний ход. Но как они все продумали, а?! Ты чувствуешь, Сема?

– Я чувствую, что все это плохо пахнет.

Тут Майя появилась на пороге комнаты как привидение, и оба ювелира вскрикнули. Моня схватился за сердце:

– Господи, Марецкая! Ты откуда?!

– Торт! – вспомнил Сема.

– Боже ж мой, мы думали, ты ушла...

Майя фыркнула.

– Через стену прикажете уходить? Нет, я сидела там и все слышала.

Моня и Дворкин посмотрели друг на друга.

– Вот что, уточка, – обратился к ней Сема, – ты сегодня ушла в восемь, никого не видела и ни о чем не слышала. Или хочешь посадить этих остолопов?

– Боже упаси, – открестилась Майя. – Пусть сами разбираются с правосудием, без моей помощи. Тем более, у них вовсе и не «Зевс», как выяснилось. Интересно, как же банк будет выходить из положения?

– Как обычно, – пожал плечами Верман. – Через месяц объявят, что за солидное вознаграждение бриллиант был возвращен владельцам. Будто мы не знаем, как это делается! А насчет тебя Сема все правильно сказал. Меньше знаний, Марецкая, меньше горестей.

«Меньше знаний – меньше горестей», – повторяла про себя Майя, спеша домой и гадая, что найдет в квартире.

В квартире все осталось как было. Антон крепко спал. Майя проверила, на месте ли бриллианты, и успокоилась – тайник был нетронут.

Подумав, она постучалась к Воронцовой.

– А, это ты! – обрадовалась Вера. – Заходи. Как там наш больной?

Майя внимательно посмотрела на нее, вспомнила слова Мони и твердо сказала:

– Нет никакого больного. И не было никогда. Мы с тобой вчера встретились, чаю попили и разошлись.

– Ты узнала, кто он такой? – тихо спросила Вера.

– В общих чертах. Все, Вер, забудь. Так оно безопаснее.

Вера немного подумала и вздохнула:

– Давай и правда по чайку.

Ожидая чая, Майя разглядывала фотографии на стенах. Рядом со снимками двух выросших сыновей Веры висели снимки мальчишек и девчонок из детского дома. Вера фотографировала сама, и почти все ее

питомцы на фотокарточках улыбались.

– Вера, ты святая, – искренне сказала Майя, когда Воронцова вернулась с подносом. – Ты столько делаешь для этих детей!

Вера грустно улыбнулась и покачала головой.

– Что ты, Май. Я все это делаю для себя. Если какой-нибудь благотворитель скажет тебе, что им движет исключительно забота об обездоленных, – не верь! Он или врет, или заблуждается. Им движет забота о себе самом.

Она сложила на столе худые руки. На безымянном пальце все еще оставалось углубление от обручального кольца, которое Вера еле смогла снять после развода – так крепко вросло в кожу.

– Ты ведь знаешь, когда Коля ушел, я осталась совсем одна.

– А дети? – нахмурилась Майя. – Как же Витя с Сашей?

– Вите с Сашей я не нужна, – спокойно ответила Вера. – Не возражай. Я сама виновата в этом. Знаешь, я поняла, что маленькие дети любят своих родителей безусловно, всего лишь по факту их существования. Любят самых разных: и пьющих, и глупых, и жестоких... Самое главное, любят даже бесчувственных. Это – аванс, аванс любовью. И часто случается так, что родители не умеют распорядиться этим авансом. Они думают, так будет всегда. Но со временем безусловность детской любви исчезает. Как только дети подрастают, их любовь нужно подпитывать своей. Их нужно очень-очень сильно любить, а если не умеешь, то учиться этому. Я плохо умела. И не училась. И была рада, когда мальчишки уехали, потому что закопалась по уши в своих бедах с мужем. А беда была вовсе не в нем.

Она помолчала, размешивая чай.

– Детям в детдоме я пытаюсь вернуть то, что дали мне когда-то мои собственные сыновья. А я не ценила этого, принимала как должное. Это такое очевидное счастье – когда тебя любят собственные дети – что над ним не задумываешься. Или задумываешься, когда уже слишком поздно.

Вера взглянула на поникшее лицо Майи и улыбнулась:

– Ты что, расстроилась? Не нужно. Говорю же, мои детдомовцы вернули меня к жизни. Ребенок – он как лакмусовая бумажка. Вытаскивает из тебя все лучшее и худшее. Благодаря ему ты можешь понять, какая ты в действительности ленивая скотина, не готовая оторвать задницу от дивана, чтобы почитать ему сказку на ночь. Или увидеть, что ты не такое уж никчемное существо, каким себе казался...

– Вера, ты не никчемная! – горячо возразила Майя.

– Теперь уже нет. Знаешь, поначалу мне казалось, что моей жизни отмерен совсем небольшой срок. И нужно успеть как можно больше, раз

уж предыдущие сорок лет своей жизни я занималась непонятно чем. А сейчас я чувствую, что еще много-много лет впереди, и я столько смогу сделать! Я просыпаюсь с этой мыслью каждое утро и чувствую себя счастливой. Глупо, да, Май?

– Не глупо, – сказала Майя, вставая. – Я завидую тебе, Вера.

Поздно вечером она поменяла Антону повязку и сделала укол.

– Вы устали? – неожиданно спросил он, пристально глядя на нее.

Майя покачала головой.

– Я вижу, что устали, – настаивал он. – Дайте руку. Да не бойтесь вы!

Она осторожно протянула кисть. Антон размеренными движениями принялся разминать ей ладонь, и через несколько минут Майя почувствовала, что усталость отпускает ее.

В темном окне она видела их смутные отражения: мужчина и женщина, сидящие на кровати рядом, точно близкие люди.

Майя не любила отражения. Они всегда показывали ей неожиданную сторону происходящего. Как будто там, за окном или стеклом, кто-то смотрел на нее и корчил рожи.

Так пару лет назад они сидели с Пашей в кафе. В тот день все шло хорошо: и Паша был мил и острил не так уж часто, и Майя чувствовала себя спокойно. Ей всегда приходилось делать над собой усилие, чтобы соответствовать ему: смеяться над шутками, которые не казались ей смешными, или делать внимательное лицо, когда было скучно его слушать. Но Майе казалось, что так и должно быть. Не зря же все подруги призывали ее «работать над отношениями». Вот она и работала, и в тот день ей показалось, что наконец-то ее усилия принесли плоды: у них с Пашей все было отлично!

И вдруг взгляд ее упал в окно. Там, в несуществующем заоконном кафе с размытыми столиками виднелись двое: яркий, как фазан, мужчина в красном шарфе и женщина с утомленным лицом. У женщины была голубоватого цвета кожа и густо-синие круги под глазами. К ее стулу была прислонена лопата. Только обернувшись, Майя поняла, что это вовсе не лопата, а ее собственный зонтик! В отражении она выглядела так, словно сутками без отдыха и сна работала, работала, работала, – и наконец выкопала себе подходящую ямку. Теперь осталось только лечь в нее и лежать, обессиленно прикрыв глаза.

«Это – я?!» – поразила Майя, считавшая, что сегодня на редкость удачно подкрасилась.

– Подожди секунду! – попросила она Пашу и побежала в женский

туалет.

Честное туалетное зеркало отразило совсем другое. Да, лицо немножко бледное, но в Москве все такого цвета. К тому же она давно не отдыхала.

«Вот ведь привидится, – рассердилась Майя, возвращаясь обратно и избегая смотреть в окно. – Стекло глупое!»

Почему «работа над отношениями» трансформировалась в копание могилы для себя самой, она не стала задумываться. Не хотелось. Зонтик Майя сдвинула в сторону и продолжала слушать Пашу, старательно глядя или на него, или в чашку с кофе.

И вот сейчас отражение снова смеялось над ней.

«Никого у тебя нет, – говорило отражение. – С мужем развелась, новые отношения не построила. Выгнала красавца Пашу. Подруги рассеялись, осталась одна соседка Вера. И вот сидишь рядом с каким-то уголовником и даже руку ему дала. А ведь ты терпеть не можешь, когда тебя трогают малознакомые люди! До чего ты дошла, Марецкая?»

– Идиотская ситуация у нас с вами, – подумала она вслух и спохватилась, что сказала лишнего. – Вы только не обижайтесь.

– Я не обижаюсь, – усмехнулся Антон. – Ситуация действительно не самая обычная. Предлагаю вам рассматривать ее как сделку. Я покупаю ваше молчание и вашу заботу обо мне.

– А это, – Майя кивнула на свою ладонь, – тоже имеет отношение к нашему контракту?

– Само собой. Я заинтересован в том, чтобы вы чувствовали себя хорошо. Кстати, спасибо за куриный бульон, который вы мне сварили вчера. Очень вкусный.

– Слушайте, что вы сделали с моей рукой? – перебила его Майя. – Я чувствую себя так, будто только что проснулась.

– Это ненадолго. Минут пять-десять. Потом вам захочется спать.

– А где вы этому научились? – с любопытством спросила она.

– Я жил в Конго. Рядом с нами была китайская миссия, и кое-что мне показывал местный врач. А потом устроился курьером, и нас еще немного подучили.

Майе очень хотелось спросить, что он делал в Конго и каким ветром его занесло в курьеры. Но проявлять любопытство было неловко.

– Да спрашивайте, ради бога, – ухмыльнулся Антон.

– Вас и мысли учили читать?

– Несложно догадаться, о чем вы думаете.

– Тогда – про Конго. Вы долго там жили?

– Три года. Работал по контракту.

Антон не стал уточнять, по какому, и сам задал вопрос, который беспокоил его:

– А вы живете здесь одна?

«Красивая женщина, – думал он, – наверняка у нее кто-то есть». Обручального кольца на пальце он не увидел, но это ни о чем не говорило. Антон с опаской ожидал ответа, потому что появление в этой квартире постороннего не сулило ему ничего хорошего.

– Я здесь не живу, – ответила Майя. – Эта квартира досталась мне в наследство, я ее сдаю. А сама обосновалась недалеко от работы. Жильцы недавно съехали отсюда, так что вам очень повезло.

– А где вы работаете?

– В ювелирном салоне.

Белов недоверчиво поднял брови.

– Правда-правда, – заверила Майя. – И если бы вы вздумали уверять меня, что перевозите ценное муранское стекло, то пробыли бы в этой квартире очень недолго.

– Вы спрятали камни?

Он знал ответ на этот вопрос, но предпочел услышать от нее.

– Конечно, спрятала! А вы думали, я оставлю их валяться в ванне? Пускай послужат гарантией того, что вы честно расплатитесь со мной и с Верой. Кстати, если вздумаете меня убить, то вашего ценного груза вам точно не найти.

– Зачем мне вас убивать?

– Мало ли... Убрать опасного свидетеля.

– Какой вы свидетель! – отмахнулся Антон. – Вы ничего не видели, ничего толком не знаете... Как свидетелю вам грош цена.

Из чувства противоречия Майю охватило желание защитить свой свидетельский статус и доказать, что она прекрасный свидетель, замечательный свидетель, что таких свидетелей еще поискать! Но тут же осознала противоестественность этой позиции и не стала возражать.

– Вы консультант? Продаете украшения? – спросил Антон.

– Нет, я их делаю. Но мы с вами, кажется, начали говорить о вас, а не обо мне.

– Хорошо, – покладисто согласился он. – Давайте поговорим обо мне.

Майя хотела задать множество вопросов, но почувствовала, что ее одолевает сон. Веки слипались, голова отяжелела. Что он такое с ней сделал, этот чертов перевозчик?!

– Слушайте, вы опасный человек, – удивленно пробормотала она, борясь с желанием немедленно закрыть глаза и упасть на постель. – Вам же ничего не стоит... усыпить... кого угодно... просто поздоровавшись с ним за руку...

– Для вас – не опасный, – вполголоса сказал Антон. – А сейчас встаньте и идите к себе. Я не смогу вас перетащить, если вы уснете здесь.

Майя встала, с трудом добралась до своего диванчика и свалилась на него, не раздеваясь. Через минуту она уже спала.

Сон ее был крепким. Поэтому она не слышала, как Антон поднялся, вошел в кухню и остановился, не включая свет. Он постоял немного, пока глаза не привыкли к темноте. Женщина дышала ровно и спокойно, и Антон не опасался, что она проснется.

Белов присел на корточки, тщательно обследовал плинтус и нашел кусок, легко отходивший от стены. Обнаружив тайник, он вытащил бриллианты, пересчитал. Снова бросил задумчивый взгляд на спящую. Пока что она нужна ему. Значит, не стоит ее пугать: пускай пребывает в заблуждении, что полностью его контролирует.

Антон вернул камни на место, закрыл стену плинтусом и бесшумно вышел из кухни.

Через пару дней Майя снова увидела девушку, приносившую бриллианты. Она пришла за готовым ожерельем. Сема Дворкин справился с работой в кратчайшие сроки, отложив все остальные заказы.

– А чо, по-моему, недурно получилось, – оценила девица, глядясь в зеркало.

Она приложила ожерелье к себе. Над черной майкой с нарисованным на ней черепом украшение смотрелось экстравагантно.

– Нам приятно было работать с вами, – заверил Моня. – Если вы решите заказать у нас еще что-нибудь, мы будем очень рады. Тем более, у вас такой талант! Вы не думали связать свою жизнь с профессией ювелира?

– С вами, что ли? – удивилась девица.

С губ Мони едва не сорвалось «Боже упаси!», но в последний момент он сдержался. «Профессионал», – уважительно подумала Майя.

– Я хотел сказать, что вы могли бы найти практическое применение вашим способностям. Многие ювелирные дома были бы рады заполучить такого дизайнера.

– А, это... – протянула девица. – Надо подумать. Вообще-то я правда дизайнер по образованию.

– Но по призванию вы – ювелир! – заверил Верман. – Приходите,

обязательно приходите к нам еще!

– Дядя, с чего ты рассыпался перед этой теткой как бисер? – подозрительно спросил Яша, когда в салоне не осталось клиентов. – Сема вклепал ей камешки, это я понимаю. Но откуда такой запал?

Верман отмахнулся:

– Ай, Яша, от тебя столько вопросов, что у меня нет столько слуха. Займись делом и не мельтеши.

– Нет, все-таки объясни! Майя, ты ее видела? Силиконовая долина, холмы, я все понимаю... Но дядя, кажется, никогда не питал пристрастия к искусственным материалам.

– Времена меняются, – вздохнула Майя.

Ей и самой хотелось узнать, отчего Моня вел себя с девушкой так, словно она – бесценная клиентка, хотя видел ее первый раз в жизни. Может быть, он заметил что-то, недоступное им?

– Бриллианты у нее прекрасные, Яша, – добавила Марецкая. – А она, кажется, даже толком не понимает их стоимости. Приехала к нам с камнями на десять миллионов – и без охраны.

– А откуда у леди такие камушки? – осведомился Яша.

– Кажется, отец оставил в наследство.

– Отец?! – Яша расхохотался так, что затряслась его огненная шевелюра. – Я вас умоляю! Дядя, и ты проглотил эту байку о папе?

– Я скромный ювелир, я верю своим клиентам, – возразил Моня. – Может быть, девушка немного и приврала. Может быть, у нее нашелся щедрый друг, почему бы и нет? Но какая нам разница! Мы же не полиция нравов, чтобы читать морали бедной девушке!

– Хорошо, что ты сказал о полиции! – воскликнул Яша. – Я боялся говорить при тебе это слово, но теперь вижу, что можно! А что ты сразу кидаешь брови на лоб? Все молчат, но я спрошу громко, как детсадовец со стульчика: ты уверен, что к нам сюда не придет прокуратура?

Верман начал закипать.

– Яша, к нам сюда может прийти только «Скорая помощь», потому что ты сделаешь из меня психического! При чем тут прокуратура?! При чем?! Если мы помогли хорошей клиентке за небольшой процент сделать, как она хочет, то разве мы в чем-то виноваты? Подумай об этом и больше не терзай мне голову. Она и так через тебя пухнет, как беременная.

Яша подумал над тем, что ему сказали. Но по лицу его было видно, что Моня не убедил его до конца.

– Дядя, я поступлю в институт, – торжественно сказал он. – Получу

юридическое образование. И когда я его получу, то приду к тебе и скажу, в чем ты был не прав. Жди!

Моня схватил себя за голову и начал раскачиваться на месте.

– Он хочет поступать на юридический! Боже, ты слышишь – этот мальчик хочет поступать на юридический! Какой юридический, когда ты готовый практикующий хилер: дядю режешь без ножа. Иди в медицинский, не разбазаривай талант!

Конец их спору был положен самым неожиданным образом.

Дверь распахнулась, и в салон вошел кряжистый мужчина с грубым лицом. В толстой коже виднелись ямки, как в кожуре мандарина. За ним следовали еще два человека, но на них никто даже не посмотрел: все взгляды были прикованы к первому вошедшему.

Его гладкие волосы были зачесаны на затылок, открывая невысокий лоб. Волосы блестели от геля так сильно, что вошедший казался облитым сиропом. Сочетание итальянской прически с физиономией типичного среднерусского бандита произвело на Майю неожиданное впечатление: ей срочно захотелось оказаться как можно дальше от этого места. Она не была трусливой, но этот человек с идиотской прической внушал ей страх.

Она бросила взгляд на Моню, надеясь получить поддержку, и с изумлением увидела, что Верман тоже испуган. Он не трясся как осиноый лист и даже не побледнел, но Майя достаточно хорошо знала его, чтобы понять: шефу не по себе.

– Здравствуйте, Николай Павлович, – сказал Верман, сохраняя достоинство. – Всегда рады видеть вас в нашем салоне.

«Николай Павлович»? Что-то знакомое... Майя напрягла память. И, кажется, она уже видела это лицо... Где?

– У меня к тебе есть разговор, – оборвал Вермана гость.

– Хорошо, – покладисто согласился Моня. – Прошу вас, пройдемте ко мне.

Он открыл дверь своего кабинета и незаметно кивнул Семе. Тот вышел из «аквариума» и присоединился к Верману. Теперь они оба стояли рядом: маленькие толстячки, смешливые Шалтай-Болтай. Вот только лица обоих были слишком серьезны.

Воздух вокруг словно наэлектризовался. На Майю никто не смотрел, так же, как и на Яшу, застывшего напротив. Но она знала: стоит им обоим пошевелиться, и те двое, что сопровождали Николая Павловича,отреагируют очень быстро.

– Вы хотите побеседовать наедине? – осторожно уточнил Верман. – Или я могу попросить моего коллегу присутствовать?

– Твой коллега пригодится, – усмехнулся гость. И, судя по выражению лица Семы, этот ответ его не обрадовал. Майя нутром чувствовала, что он предпочел бы никогда не пригождаться человеку по имени Николай Павлович.

– А еще при нашем разговоре будет присутствовать Алиночка, – тяжело добавил гость. – Витя, пригласи Алину.

Один из сопровождающих вышел. Остальные замерли. Майя не знала, кто такая Алина, но догадывалась, что ничего хорошего от этой женщины не приходится ожидать.

Казалось, расслабленным в их компании чувствовал себя только гость. Николай Павлович так и стоял посреди комнаты, засунув руки в карманы, и смотрел пустым взглядом сквозь стену. Майя видела через окно, что к ним собирается зайти покупатель, но у входа его поймали двое мужчин в коротких куртках и завернули обратно.

«Охрана внутри, охрана снаружи, – отметила она. – Да кто он такой, этот Николай Павлович?! И где Алина?»

Ответ на последний вопрос она получила быстро. Охранник распахнул дверь, и в салон, цокая каблуками, вошла девушка.

И вот тогда Моня побледнел.

Майя непонимающе взглянула сначала на Вермана, потом на девушку, гадая, чем вызвана его реакция. Элегантная молодая особа в брюках и строгом черном свитере под горло. Красивое тонкое лицо с хищным носом и пухлыми губами. Кстати, и это лицо тоже показалось ей знакомым... Совсем недавно она его видела...

Марецкая вдруг вспомнила.

Это лицо она видела полчаса назад. Девушка в майке с черепом и Алина были одним и тем же человеком.

Майя почувствовала себя совсем нехорошо. Она не знала, в чем причины удивительного превращения, но предполагала, что ничего веселого оно им не сулило.

А вот Моня не просто предполагал – он знал наверняка. При виде черноволосой красавицы Верман сглотнул и дернулся в сторону, будто собирался сбежать. Но вовремя опомнился и даже выдавил из себя подобие улыбки.

– Ты уже знаком с Алиной? – осведомился Николай Павлович, сверля Моню взглядом. – Это дочь моего старого друга. Я забочусь о ней и по мере своих скромных сил стараюсь оберегать от всяких прохвостов и мошенников.

Показалось Майе или нет, что при слове «прохвостов» голос Николая

Павловича стал угрожающим?

Моня по-прежнему оставался бледным как простыня, но у него хватило мужества пробормотать что-то вроде «Алине очень повезло с опекуном».

– Она без тебя знает, что повезло, – перебил его мужчина. – А то, что не повезло, мы сейчас исправим.

Он прошел в комнату, придерживая девушку за плечи. Телохранитель выжидательно посмотрел на Моню с Семой, и тем ничего не оставалось, как проследовать за гостем. Майя и Яша остались на своих местах, беспомощно взирая друг на друга через витрины с драгоценностями.

Второй телохранитель, не проронив ни слова, подошел к двери и развернул табличку с надписью «Извините, мы закрыты». Придвинул стул и сел у входа, как сторожевой пес, держа в поле зрения и саму дверь, и людей в салоне.

Майя постояла-постояла и вдруг разозлилась на себя. Какого черта?! Может быть, у Мони и есть причины пугаться этих людей, но она-то почему струсилась? Стоит и боится двинуться с места только потому, что какой-то мордovorот оккупировал выход и поглядывает на них акульими глазками?

Майя вскинула подбородок и направилась на другую сторону, где тосковал Яша. Мордovorот проводил ее недобрим взглядом, но ничего не сказал.

– Яша, это что? – шепотом спросила она. – Рейдерский захват? Почему Моня не вызвал охрану? И что это за тип с головой в глазури? Почему ты не пошел с ними?

– Я похож на идиота? – тихо осведомился Яша. – Если господин Хрящевский говорит, что он хочет беседовать с дядей Семой и Монею, то Яша молчит в тряпочку и ждет, когда все закончится.

Майя ахнула:

– Хрящевский?!

Охранник повернулся и окинул ее рыбьим замороженным взглядом.

– Хрящевский... – повторила она тише, прикрыв рот рукой. – Ой-ей-ей...

Так вот почему его лицо показалось Майе знакомым! Николай Хрящевский по кличке Хрящ – один из королей ювелирного рынка и человек с бурным криминальным прошлым. Прямой конкурент Амана Купцова, весьма недовольный тем, что провинциальный выскочка оттяпал у него часть делянки.

Про Хряща говорили разное. Кто-то утверждал, что он остался тем же

бандитом, каким был пятнадцать лет назад, и его до сих пор не посадили лишь потому, что у Хрящевского нашлись высокопоставленные заступники. Другие возражали, что все это поклеп и происки конкурентов, недовольных тем, как успешно бизнесмен ведет свое дело. Николай водил дружбу с тремя российскими певцами, в его украшениях регулярно появлялась известная жена не менее известного кремлевского чиновника. Хрящ посещал благотворительные балы и появлялся в светской хронике с такой же частотой, что и в криминальной.

– Яша, что ему у нас понадобилось? – прошептала Майя.

– Я знаю? – нервно отозвался парень. – Надо ждать.

Ждать им пришлось целый час. Оба прислушивались, но из кабинета не доносилось ни звука.

– Не стреляют – уже хорошо, – сказал Яша.

Майя не поняла, пошутил он или же был серьезен, но предпочла не уточнять.

Наконец дверь распахнулась, Яша с Майей вскинулись. Хрящевский с Алиной и охранником проследовали мимо, не бросив на них даже взгляда. Колокольчик тревожно прозвонил – и все стихло.

В кабинете было тихо. Яша с Майей переглянулись. На лицах обоих промелькнула одинаковая ужасная догадка.

– Н-н-нет, – неуверенно пролепетала Майя. – Н-не могли же они...

– Звони в милицию, – приказал побледневший Яша, делая шаг в сторону приоткрытой двери.

И тут наружу вывалился Моня Верман. Майя и Яша облегченно выдохнули хором, и Майя уже собиралась отругать шефа за то, что заставил их так нервничать. Но пригляделась, и слова застыли у нее на губах.

Моня выглядел ужасно. Он всегда гордился своим щегольским обликом, но сейчас от его франтовства не осталось и следа. Жилет встопорщился, галстук съехал набок, а сорочка выбилась из брюк и надулась пузырем над поясом. Верман комкал в руке насквозь мокрый платок и безуспешно промокал им лысину. Из бледного он стал ярко-красным, и пожелтевший Сема, выползший за ним следом, составил с ним достойный цветовой контраст.

– Дядя, что случилось?! – бросился к нему Яша. – Попей воды: на тебе такое лицо, что страшно посмотреть! Боже мой, дядя Сема, и ты туда же! Майя, все-таки придется звонить до милиции.

– Стой! – прохрипел Верман. – Никакой милиции!

Он в изнеможении рухнул на стул.

– Закройте дверь и окна, – распорядился Дворкин, который лучше владел собой.

Майя принесла воды, и он жадно выпил всю чашку.

– Может быть, дать лекарство, Семен Львович? – тревожно спросила она. – Вы с Моней плохо выглядите. Хотя бы валидол, а?

Моня издал горловой звук – нечто среднее между кудахтаньем и кашлем. Майя не сразу поняла, что он смеется.

– Марецкая, мне с того валидолу толку – как покойнику с газировки. А если у тебя болит душа за старого Вермана, так принеси ему стрихнина, чтоб не мучился.

Сема тяжело вздохнул и вытер лоб ладонью.

– Стрихнин, вы не поверите, стоит денег, – сказал он. – Хватит с вас, Моня, и крысиного яду.

– И я буду лежать синий и некрасивый? – покачал головой Верман. – Нет уж, Сема, я не дам вам этого удовольствия. Я буду лежать такой, чтобы все поглядели на меня и зарыдали от зависти. Потому что я, стройный и безразличный, уже отдыхаю спокойно в своем лучшем костюме, а они бегают вокруг взволнованные и в мятых подштанниках.

Майя с облегчением поняла, что они шутят. Снова шутят! Значит, не все так плохо, как ей показалось?

Вернулся Яша, закрывший окна:

– Вы расскажете нам, в чем дело, или так и будете морочить голову? Дядя Сема, чего от вас хотел этот разбойник? Мы уже думали, вы не выйдете живыми.

– Пускай этот шлимазл говорит, – кивнул Дворкин на Моню Вермана. – Скажи, во что ты нас втянул, не стесняйся!

И Моня, понурившись, рассказал.

Когда девица с бриллиантами появилась в его салоне и попросила вставить их в ожерелье, он сначала наметанным взглядом оценил камни, а затем их владелицу.

– Камни – прекрасные! – горячо убеждал Моня слушателей. – Марецкая, ты права: редко увидишь восемь таких чистых камней.

Верман даже усомнился, не синтетические ли бриллианты достались девушке в наследство, но Сема разубедил его.

«Конечно, это все натуральное, – заверил Дворкин. – Есть небольшие включения, прозрачность не идеальна. Камешки хорошие, да. Похожи на те, что ты привез из Цюриха».

Сема бросил фразу про Цюрих без задней мысли, но Моню словно обожгло. Из Швейцарии, где проходила ювелирная выставка, он привез,

среди прочего, восемь бесцветных топазов.

Стоило Моне упомянуть топазы, Яша вздрогнул.

– Дядя, ты не мог! – воскликнул он.

– Ювелир короля Португалии мог, а я не мог?! – запальчиво крикнул в ответ Верман.

– Стойте! Замолчите оба! – рассердилась Майя. – Почему топазы? При чем тут король Португалии?

Яша с Моне переглянулись.

– Пускай Дворкин объясняет, – уныло сказал Моня, утративший весь задор. – Дворкин, объясни Марецкой, что там с королем Португалии.

И Сема объяснил. Выяснилось, что король Португалии ни при чем. Но всемирно известный алмаз под названием «Браганза» весом в полторы тысячи карат когда-то был огранен и вставлен именно в его корону.

– Ну и что? – продолжала недоумевать Майя.

– То, что это никакой не алмаз. Это топаз. Большой бесцветный топаз, который по ошибке приняли за алмаз. Большие деньги предлагали за него королю, говорят, без малого сто миллионов фунтов стерлингов.

– Надо было брать, – подал голос Верман. – Сглупил король.

– За то, кто сглупил, мы еще поговорим, – строго сказал ему Дворкин и повернулся к Майе. – Так вот, уточка, бесцветный топаз – камень неинтересный. Скучный камень, говоря откровенно. Разве что похож на алмаз. Вот его иногда и используют, чтобы...

– Чтобы подделать бриллианты, – закончила Майя упавшим голосом. – Моня, скажите, что вы не могли этого сделать!

– Я и не мог, – мрачно сказал Моня. – Сема мог. У него руки золотые.

– А у тебя глаз стеклянный! – сердито засопел Сема. – Ты же видел девчонку, разговаривал с ней, павлином хвост распускал. Как же ты ее просмотрел, а?

Майя опустила на стул. Так вот что придумал Верман! Он оставил себе бриллианты, которые принесла Алина, и заменил их бесцветными топазами в полной уверенности, что девушка не сможет опознать подделку. Сема огранил их как бриллианты, и получились точные копии. За тем лишь исключением, что они стоили во много раз дешевле оригинала.

И все могло бы пройти успешно... Но клиенткой оказалась не кто-нибудь, а подруга Николая Хрящевского.

– Моня, вы же – рентген, – умоляюще проговорила Майя. – Вы любого человека насквозь видите. Как вы могли так ошибиться с этой Алиной?

Верман вместо ответа только сокрушенно развел руками. Что он мог сказать? Был такой день – пятница, дурные клиенты валили косяком, и

девчонка была невероятно убедительна в роли молодой дурочки, не понимающей, какое богатство на нее свалилось. Бес попутал Моню Вермана, не иначе!

– Актриса она первостатейная, эта Алина, – тихо сказал Дворкин. – Переиграла нашего Моню по всем фронтам.

– Я бы сказал, кто она первостатейная, но здесь женщины и дети! – вскинулся Моня. – И через это я промолчу.

Майя взглянула на Яшу, которого называли ребенком. Вопреки своему обыкновению, парень не проронил ни слова за все время, что Моня с Семой вели рассказ. Ни насмешек, ни язвительных вопросов... Очевидно, Моня тоже подумал об этом, потому что повернулся к Яше:

– Что ты молчишь на мою голову? Скажи уже что-нибудь, вбей свой гвоздик.

Яша поднял на дядю серьезные глаза и спросил без тени усмешки:

– Дядя, что он от вас хочет, этот поц?

Моня с Семой переглянулись. Минута прошла в молчании, словно каждый из них решался – и не мог решиться ответить на простой вопрос.

– Хряц предлагает сделку, – упавшим голосом сказал, наконец, Верман. – Мы должны кое-что провернуть...

Глава 5

Когда Майя услышала, что предложил Хрящевский, она открыла рот и сидела с самым глупым видом до тех пор, пока Моня не предложил ей «законопатить скворечник».

– Он хочет, чтобы вы продали Аману Купцову партию бриллиантов? – переспросила она. – Господи, зачем?!

– Я тоже не понимаю, – поддержал ее Яша. – Дядя, в чем подвох?

– Сема, нет сил объяснять, – с отчаянием признался Моня. – Начинай ты, я подхвачу.

– Ты ведь знаешь, уточка, что Аман приехал в Москву не так давно и с Хрящевским они конкуренты? – мягко сказал Дворкин.

Майя кивнула.

– У Хряща есть свои люди там, – Сема показал на потолок, – но и наш Аман не так уж прост. Иначе Москва давно съела бы его, прожевала, переварила и выплюнула. А он открывает все новые салоны. Да и прежние живут неплохо. Посмотри на нашу «Афродиту»: мы взяли в штат ювелира, пристроили к себе Яшу... Потому что у Мони – карт-бланш, Аман ему доверяет. Если Моня сказал, что хочет взять партию *прозрачных* за пятьдесят миллионов, то он получает на это средства. Аман знает, что Верман вернет ему деньги с небольшим верхом.

Майя с Яшей одновременно кивнули: в способностях Мони по этой части они не сомневались.

– У Амана Купцова есть свой человек там, наверху, – продолжал Дворкин. – Как можно сейчас делать бизнес без покровителя? Нельзя, никак нельзя. У нас такая страна, что тебя съедят раньше, чем ты успеешь положить в карман первую заработанную тысячу. Он – большой человек, купил себе два телеканала и имеет с них свой гешефт. Ну, еще парочку-троечку радиостанций, но такую мелочь мы даже не будем брать в расчет. Верно я говорю, Верман?

– Верно, – подтвердил Моня. – Шпарьте дальше, Дворкин, вы грамотно излагаете.

– Ты понимаешь, уточка, что иметь такого человека за своей спиной – неплохое подспорье для бизнеса. А потерять его равносильно тому, как войти в бухту, кишашую акулами.

– Положим, не кишашую, – возразил Моня. – Не сбивай ее с толку. Акул всего две.

Майя недоуменно переводила взгляд с Дворкина на Вермана. Почему именно две акулы?

Увидев на ее лице вопрос, Верман объяснил.

Ювелирный рынок Москвы последние пять лет контролировали три человека. Самый известный – Николай Хрящевский, человек страшный, поднявшийся на криминальном бизнесе девяностых. Второй – пресловутый Аман Купцов, тихой сапой пробравшийся в столицу и прибравший к рукам десятки магазинов, где, как грибы, вырастали его «Золотые Купцы». А третий – Григорий Стропарь: темная лошадка, самый загадочный из трех конкурентов, о котором мало кто знал. Однако его доля была самой весомой.

– Он пришел раньше Хрящевского, – рассказывал Моня, понизив голос. – Говорят, все дела Стропарь ведет из-за границы, здесь у него сплошь доверенные лица. Было время, когда они с Хрящевским кружили один вокруг другого, точно вороны, потому что никто не хотел делить лакомый пирог с другим едоком. Но разошлись тихо.

Дворкин покачал головой, то ли сожалея об этом, то ли радуясь.

– Дядя, не распыляйтесь, – попросил Яша. – Что вам этот Стропарь? Рассказывайте дело.

Сема сердито цыкнул на него, и Яшка притих.

– Про Стропаря тебе рассказали, чтобы ты, Марецкая, понимала расклад, – пояснил Дворкин. – У него и Хрящевского что-то вроде пакта о ненападении. Но с Аманом такого пакта нет, и, чтобы его не размолотило между двух жерновов, он крепко держится за своего покровителя. Купцов – умный человек, он понимает в людях и знает, с кем можно дружить.

Майя задумалась. Два телеканала, пара-тройка радиостанций... Она вдруг поняла, о ком идет речь.

– Станислав Коржак? – уверенно спросила Майя. – Медиа-магнат?

Моня с Семой дружно замахали на нее руками, словно она сказала что-то неприличное.

– Какая разница, Марецкая! Может быть, он, а может, и кто-то другой. Допустим, этого человека в самом деле зовут Станислав – только допустим!

Майя улыбнулась:

– В прессе их называют закадычными друзьями. Так что можно не делать секрета из их отношений.

– В прессе много что называют, – возразил Сема. – Этот медиа-магнат, Станислав, он осторожный как волк и сперва присматривается два года, а потом что-то решает. Но Аману Купцову он уже доверяет, поэтому пресса не так уж и не права. И вот этот Станислав хочет вложить немного денег. А

заодно сделать приятное жене и двум дочерям.

– Откуда вы знаете? – не утерпел Яша.

– Хрящ рассказал, – процедил Верман. – А будешь перебивать старших – отправишься за дверь и будешь стоять там с табличкой «подайте на обед китайско-еврейскому беженцу».

– Да, Хрящ это разведал, – подтвердил Дворкин. – Большой человек Станислав придумал, что он приобретет качественные камни из тех, что лишь растут с годами в цене, и сделает из них украшения для своих женщин. Убьет двух жирных зайцев: вложит капитал и осчастливит семью. Сам он в ювелирке ничего не понимает, и нужно нанимать специального человека, если он хочет подойти к делу серьезно, а не просто выкинуть десяток миллионов на ветер. Но разве нужен специальный человек, когда под рукой есть Аман Купцов?

– Медиа-магнат обратился к Аману, чтобы тот подобрал для него бриллианты? – уточнила Майя.

– Не обратился. Обратится. Он только собирается это сделать. Конечно, Аман согласится – ведь это отличная возможность упрочить отношения и сделать магната *чуточку должником*. Ты понимаешь, уточка? Аман согласится и начнет присматривать подходящие камни. И тут как из ларца появится Моня Верман и скажет, что у него совершенно случайно на примете есть прекрасная партия алмазов. Потрясающая партия. Которая определенно станет дороже после того, как над ней поработает старый Дворкин. Учтите, дети мои, что Аман привык верить Моне. Моня уже выходил с такими предложениями, и каждый раз все проходило успешно.

– Но на этот раз камни будут не Монины, а те, которые предоставит Хрящ, – медленно сказала Майя, поняв, что задумал Хрящевский.

– Верно. Аман Купцов никогда не станет проверять за Монею, потому что всем известно: Верман – профессионал. Зато медиа-магнат станет проверять за Аманом. Как ты думаешь, что он почувствует, когда увидит, что за камушки ему подсунули? Он решит, что его держат за идиота. Купцов может бить себя в грудь и клясться на последних портянках, но это уже будет неважно.

– В лучшем случае Аману простят этот грех, – подал голос Верман. – А в худшем... Эх!

– В худшем случае из всех ящиков ты будешь слышать дважды в сутки, что Купцов вор и обманщик. Нашего Амана протянут во всех средствах массовой информации, принадлежащих Станиславу. Чтобы в будущем никому не повадно было пытаться обманывать большого человека и огорчать его жену и двух славных дочек.

Моня перебил его, наставив на Майю толстенный палец:

– Ты знаешь, что на Амана трижды пытались заводить уголовные дела, и каждый раз они разваливались? Как ты думаешь, если после того, что случится, дело заведут в четвертый раз, то оно дойдет до суда? Таки да, Марецкая! Аман держится лишь до тех пор, пока прячется за спиной своего покровителя. Стоит тому отойти в сторону – и Купцову придется ой как нелегко. Теперь ты видишь, что придумал Хрящевский? Ох, беда на мою глупую голову...

Он вцепился в свою курчавую шевелюру обеими руками.

– Моня, Сема, – растерянно проговорила Майя, пытаюсь собрать разбежавшиеся мысли в кучу, – но этого нельзя делать!

– Конечно, нельзя! – горячо поддержал ее Яша. – Вы же не согласились?

Дворкин и Верман молчали. Яша вслед за Майей переводил взгляд с одного на другого.

– Дядя?

Моня не отвечал.

– Семен Львович, это безумие! Вы понимаете, что если вы пойдете на это, Аман Купцов вас уничтожит? Не в прямом смысле... Но вы не сможете больше работать в Москве!

Моня выпустил из рук свои кудри и поднял на Майю черные глаза.

– Марецкая, если я не пойду на это, меня уничтожит Хрящ. И, прошу заметить, без всякого переносного смысла! Или ты думаешь, что мне не хватает внутри себя дырки для сквозняка? Так ты глубоко ошибаешься! Моня Верман не такой человек, чтобы радоваться дополнительной вентиляции.

– Что вы глупости говорите, честное слово... – рассердилась Майя. – Не нужно демонизировать этого вашего Николая Павловича.

Дворкин насмешливо присвистнул, и она осеклась.

– Уточка моя, это не кто-нибудь, это Хрящ, – пояснил Сема. – Ты думаешь, мы с Монею уже хорошо прожили и можем занять свои три кубометра? Нет, ты так не думаешь. И я так не думаю. А вот Хрящ вполне может так подумать. И тогда нам с Монею не останется ничего другого, как завернуться в простыню и ползти на кладбище.

– Перестаньте! Не убьет же он вас! – воскликнула Майя.

Яша, Моня и Дворкин поглядели на нее с сожалением. Майя обвела их взглядом, и ее уверенность куда-то исчезла.

– Ты знаешь о Севе Алмазном? – хмуро спросил Моня. – А о братьях Ясных? Ты хотя бы должна была слышать о бизнесе Юлия Левина!

Марецкая отрицательно покачала головой.

– Во-от! – констатировал Верман. – Ты не знаешь об этих людях. А почему? Потому что все они уже умерли. И я тебе скажу, от чего.

– Моня, перестаньте! – приказал Сема. – Не трепите языком, если хотите говорить им долго и счастливо.

Но Вермана было уже не остановить.

– Севу выловили из Москвы-реки с простреленной головой. – Он загнул один палец. – Старшего Яснова расстреляли при его охране, никто не успел сделать звука. Младший сбежал в Берлин, но кого это интересовало, если их дело отошло Коле Хрящевскому! – Второй палец Моня тоже загнул, не обращая внимания на угрожающе поднявшегося Сему. – А Юлия Левина, золотого ювелира, нашли в его собственном доме... Все, все, молчу!

Верман действительно замолчал. Но поднял руку и выразительно загнул третий палец.

– Хрящевский – чудовищный человек, – подтвердил Сема. – Поговаривают, у него немного съехала набекрень крыша и он стал *мишугенер*...

– Сумасшедший, – подсказал Яша.

– Верно. Но ведь мы не врачи, чтобы его лечить, э? Так что с того диагноза нам никакого толку, кроме огорчения.

– Лучше бы я стал врачом! – в сердцах воскликнул Верман. – Мама хотела, чтобы я пошел в дантисты!

– Еще успеете, Моня, – охладил его пыл Дворкин. – Где-нибудь в Моршанске из вас получится отличный дантист. Если вы останетесь живы после всей этой катавасии и вас не придушит Аман собственными руками.

Майя задумалась. Значит, план Хрящевского предполагает, что они подставят Амана Купцова. Выиграет от этого только Хрящевский, у которого с Аманом свои счета. А все остальные проиграют...

На этом месте ее осенила такая простая мысль, что Майя удивилась, как она не пришла ей в голову раньше.

– Слушайте, слушайте! – позвала она. – Я знаю, что нужно делать.

Верман повернул к ней бледное лицо, Сема заинтересованно приподнял брови.

– Надо пойти к Аману и во всем ему признаться. Рассказать о том, как вас собирались использовать, и предупредить о затее с бриллиантами медиа-магната. Кто предупрежден, тот вооружен. В свете того, что вы помогли ему избежать колоссального провала, Купцов не станет слишком буйствовать. Хотя и стоило бы, – добавила Майя, бросив выразительный

взгляд на Моню.

Но, к ее удивлению, предложение было воспринято скептически.

– Не годится, – кратко сформулировал Яша. – Из огня да в полымя.

– Почему не годится? Это лучшее, что можно придумать! Моня, неужели вы не согласны?

Моня вскочил и принялся мерить салон кругами. Руки он заложил за спину, наклонился вперед и стал похож на пингвина.

Все словно замороженные следили за тем, как Верман наматывает круги.

– Никогда! – воскликнул он наконец, резко остановившись. – Марецкая, ты хорошая женщина, но предлагаешь такое, что лучше застрелиться.

– Но почему?!

Моня вновь продолжил целеустремленное движение. Яша пожал плечами, как будто ему все было очевидно и он удивляется Майиной наивности.

– Пойми, – снизошел до объяснения Дворкин, – если Аман узнает, что Моня сделал на клиенте бизнес, Тамбов покажется Моне Парижем. Ты была в Париже?

– Не была.

– Вот и Моня не будет.

Бледный Верман снова остановился и потряс кулаком:

– За что ценят Моню Вермана? За репутацию! Каждый дельный человек в этом городе знает: на Моню можно положиться. Моня никогда, никогда, боже упаси, не обманет своих!

– Зато с чужими не церемонится, – холодно сказала Майя.

– Но ведь я работал чисто! – завопил несчастный Верман. – А теперь что я скажу в свое оправдание? «Моня обманул подружку Николая Хрящевского?» Ты знаешь, что мне ответит на это Аман? Он ничего не ответит. Зачем отвечать трупу?

– У дяди нет аргументов в свою защиту, – вставил Яша. – Если он придет к Амону, тот все равно сдаст его Хрящу. Такие правила.

– Значит, к Амону идти нельзя, – подытожил Сема.

Он озабоченно потер ладони, обвел взглядом собравшихся и подытожил:

– Значит, что мы станем делать? Я вам скажу. Во-первых, Верман, перестаньте носиться как укушенный! На всю жизнь не набегаетесь: если вас посадят, таки придется сидеть. Во-вторых, ты, Яша. Сейчас собираешь вещи и драпаешь до мамы, где накрываешься одеялом и сидишь тихо. А мы

с Верманом остаемся и хлебаем полной ложкой тот бульон, который сами сварили.

Моня согласно кивнул и повернулся к Майе:

– Считай, что ты с сегодняшнего дня – безработная. Деньги я тебе выдам, ищи новое место. У тебя будут рекомендации и твои руки, которые всегда тебя прокормят. Но лучше всего тебе пока уехать. Хрящ ни с кем не церемонится, а ты уже попалась ему на глаза.

– Правильно, – поддержал Сема. – Пока все не закончится, отправляйся куда-нибудь к тете.

– У меня нет тети.

– Тогда к дяде, – посоветовал Дворкин. – Выбери себе любого воспитанного дядю с хорошим образованием и отправляйся к нему. Подождешь, пока про нас с Моней напишут в газетах – тогда вернешься. Верман, я прав?

– Вы так правы, как Папа Римский. Все, дети, собирайте вещи – и в дорогу!

Сема поднялся и встал рядом с Моней, выжидательно глядя на Майю. Они уже все решили и никак не могли понять, почему она сидит на табуретке.

– Никуда. Я. Не. Поеду, – отдельно сказала Майя.

– Что такое? – удивился Дворкин.

– Я останусь с вами.

– Марецкая, ты что? – заволновался Моня. – Ты мне это перестань! Ты, пожалуйста, не строй из себя Зою Космодемьянскую и Александра Матросова ни вместе, ни по отдельности! Верман промахнулся, значит, Верман ответит за свои дела. Но я не позволю, чтобы какая-то глупая женщина во цвете лет сделала еще один дурной поступок...

Он мог бы долго распинаться, но Майя оборвала его.

– Ша, Моня! – твердо сказала она.

Моня от изумления сел.

– Моня, я слушала ваших слов целый год, теперь вы будете слушать моих, – продолжала Майя, выпрямившись и выпятив подбородок. – Вы долго насильовали мой слух и пытали нервы. Настала моя очередь. Если вы хотите думать, что Марецкая оставит вас без своей компании, то можете думать так, я вам не запрещаю. Разве можно запретить Моне Верману думать глупости? Да за ради бога! Но я сейчас соберу инструмент и завтра выйду на работу как обычно. И буду здесь все время, пока открыт салон «Афродита»!

Она встала и прошла в «аквариум», надменно цокая каблучками.

– И ничуть не похоже, – проворчал ей вслед Верман. – Что за глупое выражение «слушать ваших слов»? Яков, а ты что смотришь на нее влюбленными глазами?! Или ты не видишь, как она передразнивает нашего чистого русского языка?!

Майя принялась разбирать инструменты, чтобы занять руки. Из салона доносилось бормотание, к которому она старалась не прислушиваться. «Ах, Моня, Моня! Как же вы могли так заиграться, чтобы не разобрать, кто перед вами: невзыскательная девчонка или расчетливая женщина».

Конечно, Верман смошенничал, глупо скрывать от самой себя очевидный факт. Но еще глупее было бы скрывать, что она привязана к старому пройдохе. И не только к нему, но и к интеллигентному Семе, и к несдержанному Яшке...

«Привязана – многозначительное слово, – с грустной усмешкой подумала Майя. – Но скажи: не будь твоего долга перед Моней, ты бы сейчас уехала? Или осталась с этими двумя хитрецами, ставшими жертвами собственной хитрости?»

Ответить честно на этот вопрос Марецкая не успела, потому что ей вдруг открылась очевидная истина. Да ведь Алина появилась в их салоне не случайно! Зачем подруге Николая Хрящевского отдавать ценную вещь его конкурентам? Она могла бы выбрать любого из его ювелиров для такой пустяковой работы. И этот маскарад с одеждой...

«Моня прав – ты действительно глупая женщина, Марецкая, – сказала себе Майя. – Ясно же, что маскарад не был случайностью! Вермана спровоцировали, и он поддался на провокацию. Все это задумал Хрящ, спланировал, чтобы в итоге подставить Амана Купцова. Ему требовалось лишь, чтобы Моня схватил наживку! И Верман не смог пройти мимо. Восемь превосходных бриллиантов, а в дополнение к ним недалекая клиентка, которая никогда не распознает, что ей подсунули... Искушение оказалось слишком велико, и Моня не устоял».

Майя обернулась к троим мужчинам. Они все еще вполголоса обсуждали что-то, склонившись друг к другу.

«Яшка тоже никуда не уйдет, – поняла она. – Как бы ни прогонял его Моня, он останется. Но чем может пригодиться наш рыжий оболтус? Совсем ведь мальчишка, и Верман прав: ему бы нужно держаться подальше от всей этой истории...»

«А ты сама разве можешь пригодиться? – спросил ее внутренний голос. – Думаешь, от тебя толку больше, чем от Яши? Тебе потребовалось полчаса, чтобы догадаться о том, что Яшке было ясно с первой же минуты!»

«Все равно никуда не поеду, – упрямо сказала Майя. – Их нельзя сейчас оставлять».

Внутренний голос только вздохнул.

.....

На чердаке было грязно и пахло пылью. Старая крыша протекала, ее чинили, она протекала снова, и на полу виднелись мокрые разводы: свидетельство поражения работников ЖЭКа в борьбе со стихией.

Но человек, сидевший у чердачного окна, не был озабочен комфортностью окружающей обстановки. Он нес вахту на чердаке уже три дня, и за это время успел свыкнуться с темным, пыльным, замусоренным пространством.

Он опасался, что ему придется прогонять бомжей – свидетелей, которые могут потом сболтнуть лишнего. Но помещение, куда он пробрался без всяких сложностей, оказалось безлюдным. «Вот и хорошо, – подумал он, обустроив наблюдательный пункт. – Зачем дополнительные проблемы?»

Бинокль, еда, спецпакеты в рюкзаке и сменная одежда – чтобы он ни у кого не вызывал подозрения, когда будет выбираться отсюда. Для случайно забежавших любопытных подростков или влюбленных парочек у него была заготовлена простая и убедительная легенда. Но один взгляд на его униформу и стоявшую рядом треногу непонятного назначения должен был убедить визитеров, что здесь ведутся измерительные работы.

Однако легенда не понадобилась – никто не покушался на его уединение, кроме крыс. И еще голубей, громогласно воркующих под козырьком крыши. Поначалу их гуление раздражало его, потом он привык.

Если бы этого человека увидела бывшая учительница русского языка и литературы, ныне пенсионерка Валентина Козырева, она опознала бы в нем того наглого журналиста-прохиндея, что выпытывал у нее подробности смерти непутевого Кешки. Если бы он встретился Антону Белову, тот узнал бы «сержанта Спиридонова».

А вот Вера Воронцова не узнала бы. И сказала бы, что этого человека она никогда прежде не встречала.

Зато Игорь узнал Веру. За пару дней наблюдений он выяснил, какие жильцы занимают обе квартиры на пятом этаже, и сделал кое-какие выводы.

И в двадцать пятой, и в двадцать шестой жили бабы. Это подтверждало его предположение о том, что перевозчик укрылся у любовницы или бывшей подружки.

Первая оказалась высокой, коротко стриженной черноволосой женщиной, за которой он с удовольствием наблюдал, когда рано утром она вышагивала на каблучках по двору – стройная, грациозная, будто лошадка с подрезанной гривой. Вечером она возвращалась в одно и то же время, и в руках у нее ничего не было, кроме обычной женской сумки. Упрямое лицо с четкой линией скул и выдающимся вперед подбородком, яркие синие глаза, подчеркнутые короткой стрижкой... «Хороша бабенка, – оценил Игорь. – Резвая».

Вторая оказалась ему знакома. Это ее он видел на лестнице, когда шел по следам «убитого» курьера. Тощая, сутулая, похожая на белобрысую воблу. Каждый раз, возвращаясь с работы, она тащила тяжелые пакеты. Что в них? Продукты? Лекарства? В одном он был уверен: вобле одной столько не сожрать. Она приносит для себя – и для кого-то еще.

На третий день Игорь спустился во двор и аккуратно разговорил одного из местных старикашек, прогуливавшего пуделя. Услышав, что «Вера с пятого – врач, золотые руки», он понял, что наблюдение можно сворачивать. Он узнал все, что требовалось.

«А ты не дурак, перевозчик... Нашел себе бабу страшную, никому не нужную, чтобы заботилась о тебе и кашки с супчиками варила. Еще и врачиха! Понятно, почему ты затаился у нее на хате – тут тебе и укрытие, тут тебе и лечение... Подожди, мы еще поглядим, кто кого вылечит».

Игорь Савушкин первые пять лет своей жизни провел в детском доме. Мать его была пьянчужкой в Саранске и успела родить четверых детей и всех отдать на попечение государства, прежде чем очередной собутыльник в пьяной ссоре убил ее ударом кулака в висок.

На шестом году в жизни Игоря произошли перемены. За ним приехала тетя Лена, родная сестра его покойной матери. Хмурая коренастая женщина со сросшимися бровями оглядела тощего, как килька, Игоря, словно оценивала выставленную на продажу рыбу, вздохнула и подписала все необходимые бумаги. Племянник не пришелся ей по душе, но врач определенно сказал, что своих детей у Лены не будет. «Худое семя, чахлое, – думала женщина, ведя мальчишку домой по пыльным улицам. – Но все ж лучше, чем ничего».

У Елены Савушкиной были свои понятия о том, что подобает порядочной женщине, а подобало ей иметь мужа и ребенка. Муж для Лены не нашелся, а вот ребенка она смогла себе устроить. И, таким образом, высоко поднялась в своих глазах.

О том, что про этого же ребенка, бывшего ей родным по крови, она благополучно забыла на пять лет, Савушкина никогда не задумывалась.

Лена так и не смогла полюбить племянника. Если бы мальчик был ласковым, то она бы оттаяла, но Игорь был хитрым, изворотливым, злобным крысенком, который отлично умел кусаться, прятаться и убегать. Эти умения он отточил в предыдущей детдомовской жизни до совершенства. Он крал еду, сбегал из дома на несколько дней, и Лена пару раз всерьез задумывалась о том, чтобы вернуть племянника обратно. Останавливал ее лишь страх перед осуждением соседей.

Так они и жили – в состоянии глухой войны, с трудом вынося друг друга.

В школе Игоря тоже не любили. Он был чужой, неприятный и «какой-то скользкий», как выразилась однажды Лера Осьмина, самая красивая девочка в классе. С ним никто не дружил, и сам он не делал попыток сблизиться с ребятами, предпочитая тихо пакостить тем, от кого нельзя было получить сдачи.

Игорь ненавидел одноклассников. Его не оставляло ощущение, что каждый из них по чуть-чуть обобрал его. У Верки Симоновой была обаятельная мать, приветливо улыбавшаяся Савушкину при встрече. Игорь ненавидел и ее за эту улыбку, за то, что она не его мать, а рыжей дуры Симоновой. У отличника Кости Бойко имелись бабушки-дедушки и даже отец, и зеленый велосипед, и еще какие-то сокровища, которых никогда не видать Игорю Савушкину. И Савушкин пылко, всей душой ненавидел Костю, а с ним и его толстых родственников. Одноклассников по вечерам ждали любящие родители, а его – мрачная тетка, похожая на колоду.

Это было несправедливо.

Чтобы восстановить справедливость, в восьмом классе Игорь начал рисовать. Мысленно он становился властелином мира и расправлялся со всеми, кто смел своей счастливой жизнью омрачать его существование. В тетради выстраивались в ряд виселицы, на которых болтались и Верка Симонова, и ее грудастая мамаша, и Костя, и Вадик Лебеденко, и спортсмен Никифоров, и голубоглазая хохотушка Осьмина, и все-все-все.

Фантазии Игоря не отличались разнообразием: он либо вешал одноклассников, в подробностях выписывая детали, либо казнил на плахе. Отрубленные головы рисовал в углу тетрадного листка, громоздя из них башню, как из капустных кочанов. И с лица его не сходила улыбка, когда он подписывал для ясности, где чье тело и где голова.

Конец его фантазиям был положен самым грубым образом: Венька Никифоров подстерег Савушкина в тот момент, когда Игорь был целиком поглощен своим творчеством, и выхватил у него изрисованную тетрадь. Заверещав во все горло, Игорь метнулся за ним, но тетрадь уже перелетела

к Осьминой, и та, наморщив носик, открыла ее.

– Вы только посмотрите, какая гадость... – брезгливо проговорила она, перелистав страницы.

Леру окружили со всех сторон, тетрадь пошла по рукам. Сначала все шумели и посмеивались, но очень быстро в классе воцарилась тишина. Эти благополучные подростки первый раз столкнулись с такой жгучей, болезненной ненавистью. Они и прежде интуитивно сторонились Савушкина, но теперь их неясные ощущения получили пугающее в своей откровенности подтверждение.

– Отдайте, – прохрипел Игорь, которого спортсмен Никифоров крепко держал за руки.

– Отдайте ему, – вдруг звонко сказала Лера. – Да отдайте же!

Тетрадь оказалась у нее в руках, и она подошла к Савушкину. Лицо у нее было такое, что Игорь понял: Осьмина сейчас его ударит. И обрадовался. Это поставило бы их на одну ступень, низвело бы первую красавицу класса до положения его, парии.

Но Лера не ударила. Она положила тетрадь на край парты, несколько секунд не сводила с Игоря голубых глаз, а затем приказала Никифорову:

– Веня, отпусти его! Пусть ползет...

И ушла.

Они все ушли, оставив его наедине с тетрадью.

Если бы Игорь мог, он бросился бы за ними... Но что потом? Напасть? Успеть укусить кого-то одного и удрать? Все это было слишком мелко и не соответствовало накалу его ярости. Главное – он хотел выйти сухим из воды, остаться победителем, поэтому драка со всеми обидчиками сразу не устраивала Игоря.

Выйти сухим из воды... Остаться победителем...

И тут Савушкин задумался.

Жуткое варево из злобы, зависти, уязвленного самолюбия и чего-то еще, чему не было названия, бродило в его душе. Игорь вспоминал презрительный взгляд Осьминой, и его бросало то в жар, то в холод. Она еще пожалеет, что смеялась над ним. Они все пожалеют!

К концу недели в голове Савушкина созрел план.

Неподалеку от школы была заброшенная стройка. Игорь знал, что после уроков компания его одноклассников во главе с Осьминой и Никифоровым удирает туда, чтобы спокойно покурить, не рискуя попасться на глаза взрослым.

Два дня подряд Савушкин исследовал стройку, прячась по темным углам, если слышал голоса.

На третий день он отправился следом за компанией.

Игорю не составило труда проследить за ними. Он бесшумно забрался на этаж выше и, лежа на стене, смотрел сверху вниз, готовый в любой момент отпрыгнуть назад.

Но никто не поднял головы.

Савушкин дождался, когда ребята разбредутся по стройке. Это было что-то вроде игры: поиск укромных уголков. Никифоров с приятелями оказался в одной части стройки, Осьмина – в другом. Пока все складывалось даже удачнее, чем мог надеяться Савушкин.

Стоял май, и сквозь крошащиеся кирпичи пробивалась трава. Игорь вырвал несколько пучков и посыпал сверху на Леру.

– Ой! – Осьмина вскинула глаза, но он успел присесть. – Венька, это ты?

Девочка взбежала вверх по осыпающейся лестнице. Теперь они оба были на третьем этаже, только Игорь прятался за углом. Над ними оставался только один этаж, четвертый, наполовину обвалившийся.

По выступающим кирпичам Савушкин проворно взобрался на самый верх. Услышав шуршание, Лера пошла на звук, осторожно ступая по узкой стене.

Игорь дождался, когда она окажется под ним, спрыгнул вниз, оказавшись у Осьминой за спиной...

И с силой толкнул ее вниз.

Все случилось в точности так, как он рассчитал: Лера вскрикнула и свалилась со стены, не успев даже взмахнуть руками. Под ними было три пролета и пол, усыпанный битыми кирпичами. Савушкин видел, как она упала на бок и больше не шевелилась.

Тогда с ловкостью паука он полез вниз по стенам, цепляясь за выступы. Бежать по всем этажам было бы слишком долго, к тому же его обязательно заметили бы.

Спрыгнув вниз, Игорь подкрался к Осьминой, лег рядом с ней и заглянул в глаза, из которых уходила жизнь. В темноте они казались не голубыми, а синими. Лера смотрела на него, и он знал, что она его видит.

Еще несколько секунд – и он почувствовал, что лежащей рядом девочки больше нет.

Тогда Савушкин вскочил, ногой расшвырял кирпичи в том месте, где он лежал, отряхнулся и бесшумно пошел прочь, прижимаясь к стенам. Он заранее подготовил путь для отступления, изучил маршрут, и потому выбрался со стройки незамеченным.

Через двадцать минут он был уже дома.

Игорь не чувствовал ни раскаяния, ни страха – только удовлетворение от сделанного. Все получилось, как он задумал. Больше всего Савушкина радовало, что перед смертью Осьмина видела его лицо. Это придавало законченность всему замыслу.

Его никто не заподозрил: все решили, что произошел несчастный случай. Настроение в классе царило самое подавленное. Венька Никифоров, придурок, после похорон Осьминой пытался повеситься, но что-то у него не получилось – кажется, мать вернулась с работы раньше времени. Савушкин тихо торжествовал и посмеивался. На похороны он не пошел – неинтересно.

После убийства он почувствовал себя другим человеком – сильным, удачливым, как опытный охотник. Даже его тетя почувствовала это и стала обращаться с племянником осторожнее. Иногда по ночам она просыпалась в страхе: ей казалось, что Игорь подкрался к ней и смотрит на нее, не мигая.

Но Савушкин крепко спал в своей постели, и до тетки Лены ему не было никакого дела.

Закончив техникум и отслужив в армии, он уехал в Москву, где быстро подвернулся Дымову. А уж тот не упустил такого ценного человека.

Со временем Игорь Савушкин забыл всех своих одноклассников. Только одно воспоминание сохранилось свежим в его памяти, как будто все случилось только вчера: стройка, вскрик, падающая фигурка – и синие глаза, глядящие на него с разбитого в кровь лица.

Игорь любил это воспоминание.

.....

Некоторое время салон жил обычной жизнью. Но Майя, входя по утрам в магазин, чувствовала, как напряжен Моня, как неестественно он шутит и улыбается через силу. Почти всех клиентов теперь обслуживал Яша. Некоторые посетители пугались его, глядели с недоверием – и Майя всегда приходила племяннику Вермана на помощь. Пальцы у нее были ухоженные, правильные: длинные, с аккуратным маникюром, но без лака. Увидев Майю, клиенты успокаивались и обращали внимание на украшения, а не на солнечную Яшину шевелюру.

Снаружи, неподалеку от салона, обосновалась серая машина с заляпанной грязью номерами. Когда Майя заметила ее и сказала Моне, тот невесело усмехнулся:

– Хрящ нас не оставляет без внимания. Думаешь, наши друзья только здесь дежурят? Возле моего дома тоже выставлен караул. Бдит Николаша,

следит, чтобы мы не утекли.

Майя помолчала, осмысливая сказанное. Значит, все они под слежкой?...

– За мной тоже наблюдают?

– Может быть, и нет. А может быть, и да. Но ты же не собираешься ходить до прокуратуры, чтобы подразнить гусей, а?

Верман улыбнулся вымученной улыбкой.

– Не собираюсь, – успокоила его Майя. – Моня, может быть, вам и в самом деле исчезнуть? Черт с ними, с этими хрящами и аманами! Пускай грызут друг другу глотки без вас.

– Во-первых, меня найдут, – возразил Верман.

– И я буду сильно удивленный, если вас найдут живым, – дополнил Сема, высунув голову из каморки.

– С вами так же трудно спорить, Дворкин, как с прокурором. Таки вы правы. Во-вторых, когда меня начнут искать, то придут сперва к тебе, Марецкая, потом к Яше, потом к Яшиной маме... Или я должен вывезти весь квартал своих знакомых и родственников и спрятать у себя за пазухой? И в-третьих, где, по-твоему, я должен скрыться? Если ты хочешь посоветовать Израиль, то учти: я не смогу доехать даже до аэропорта, меня прирежут еще в такси. А если ты хочешь посоветовать сибирскую тайгу, то будешь права, ибо у меня есть небольшая возможность добраться до нее целым. Но скажи, неужели ты можешь представить, как я, потомственный московско-одесский еврей, живу в тайге? Хожу на медведя с рогатиной? Не смехи моих тапочек.

Майя молчала, уничтоженная этими аргументами. Даже образ маленького шарообразного Мони, идущего с рогатиной на медведя, не заставил ее улыбнуться.

– Что же делать? – спросила она убитым голосом.

– Мы уже решили, что делать, – серьезно ответил Верман. – Считаю, я подписал договор с чертом. Думаешь, его можно не выполнить? Нет, Марецкая, от черта не убежишь.

«От черта не убежишь», – повторяла Майя про себя, возвращаясь домой. Чувство, что за ней следят, не отпускало ее последние дни, и оно усиливалось по мере приближения к дому. Когда Майя проходила через двор, ей казалось, что за ней неотступно следует чей-то недобрый холодный взгляд. Но сколько она ни оборачивалась, никого не замечала. Ни машин, ни людей... Только старичок из третьего подъезда, живчик Иван Константинович, гулял со своим черным пудельком Артюшей и приветливо

помахал Майе издалека.

Год назад у Ивана Константиновича во время прогулки случился сердечный приступ. На его счастье, Вера была дома и примчалась со своим чемоданчиком раньше «скорой». С того дня старичок считал ее своей спасительницей, а заодно и Майя попала в ореол Вериного сияния.

Хоть она давно не жила в этом доме, ее все равно упорно продолжали считать своей, и при встрече любой жилец разговаривал так, словно они виделись только вчера. Поэтому Майю ничуть не удивляло, что до сих пор никто из соседей не спросил ее, отчего она переехала обратно. Причина заключалась не в отсутствии любопытства – о, этим никто из обитателей дома не страдал! – а в том, что все были уверены: Марецкая никуда отсюда и не уезжала.

Когда она заглянула в комнату, Антон спал. Майя бесцельно послонялась по комнатам, чувствуя свою ненужность, и решила зайти к Вере.

Воронцова открыла сразу – веселая, нарядная, в белой блузке в полоску, и так явно обрадовалась, что Майя укорила себя: могла бы и раньше зайти.

– Проходи, проходи, я как раз собиралась ужинать. У меня сегодня удачный день: купила детям книги, завтра отвезу.

– Хорошо выглядишь! И блузка красивая.

– Моя любимая.

Вера забежала, захлопотала, оживленно рассказывая о своем дне. Майя дернулась помочь, но ее решительно посадили на стул, дали в руки книжки и велели смотреть и восторгаться.

– Представляешь, пациент ко мне пять лет ходит, а я только вчера узнала, что он директор в книжном. Скромный такой, симпатичный. Скидку сделал – не поверишь какую... Ой!

Вера остановилась, всплеснула руками:

– Май, а торт-то! Я же торт забыла в магазине!

– Какой еще торт, – попробовала остановить ее Марецкая. – Вер, не выдумывай!

– По четвергам привозят со сметаной и черносливом. Вкусный! Ах, как же я... Ведь хотела тебя и себя побаловать...

– Бог с ним, с тортом...

Но Вера не слушала.

– Посиди минутку, я быстро: одна нога тут, другая там.

Возражения Марецкой растаяли в воздухе: даже не накинув пальто, соседка уже устремилась вниз по лестнице.

Майя выключила закипевший чайник и прислушалась. Кажется, кто-то позвал ее из квартиры... Она вернулась к себе, убедилась, что «пациент» по-прежнему крепко спит, и вдруг вспомнила, что у нее тоже есть детские книги. Именно в этой квартире остались сказки с прекрасными иллюстрациями Инны Гольц: Майя не стала перевозить их с собой, уверенная, что никогда не будет перечитывать, а отдать в библиотеку рука не поднялась.

Она притащила табуретку и полезла на старые антресоли, стараясь не чихать от пыли. «Где же они? Кажется, здесь... Или в той коробке?»

Игорь, наблюдавший за двором с чердака, увидел, как белобрыся врачиха выскочила из подъезда и помчалась за угол, размахивая кошельком. Он быстро оценил ситуацию. «Она налегке, с деньгами, а за углом – продуктовый магазин. Значит, забыла что-то, вот-вот купит и побежит назад».

Он был готов к подобному моменту, ждал его, и теперь действовал стремительно. Сложить вещи в рюкзак – тридцать секунд. Спрятать его в углу под нагромождением фанерных листов – еще десять. Сбросить идиотскую маскировочную куртку, проверить нож, надеть неприметную черную толстовку с капюшоном – двадцать.

Через минуту Игорь уже спускался по лестнице, застегивая молнию на куртке. У наружной двери он остановился, приоткрыл ее и принялся ждать. Если он все рассчитал правильно, то ожидание будет недолгим.

Так и случилось. В приоткрытую щель Игорь увидел знакомую сутулую фигуру. Большими шагами тетка неслась через двор, размахивая пакетом, как девчонка.

«Точно, купила что-то».

Лучшего случая нельзя было и представить. До этой секунды Игорь планировал дождаться врачиху после работы, «проводить» ее до квартиры – а там уже действовать. Но хитрый перевозчик мог предусмотреть такую возможность и встретить его во всеоружии. Если он ухитрился выбраться живым из той заварушки, от него можно было ожидать любой пакости.

Но сейчас перевозчик вряд ли что-то подозревает. И этим шансом необходимо воспользоваться – второй такой же в ближайшее время не выпадет.

Игорь пересек двор, держась в тени деревьев, и подождал, пока за врачихой закроется входная дверь. Не испугать ее раньше времени – вот что главное! Сосчитав про себя до десяти, он добежал до подъезда, набрал код и нырнул внутрь, придержав дверь, чтобы не хлопнула.

Наверху слышны шаги... Она поднимается к себе.

Прижимаясь к стене, Игорь рванул вверх, но на четвертом этаже застыл, прислушиваясь. Шелест пакета... Бряцание ключей... Открывает сама, а не звонит, чтобы ее встретили. Лучше нельзя и представить.

Игорь подождал, пока раздастся скрип, и в несколько прыжков преодолел два пролета, отделявшие его от пятого этажа. Женщина копошилась у открытой двери. Он втолкнул ее внутрь, в квартиру, и прикрылся как живым щитом, зажимая ей рот...

Перерыв антресоли, Майя убедилась в том, что книжек там нет. Она спрыгнула с табуретки, взглянула на часы и спохватилась, что Вера со своим тортом наверняка уже пришла и в эту минуту недоумевает, куда пропала Марецкая.

– Иду-иду, – пробормотала она, отряхиваясь от пыли. – Без меня не начинай...

Майя протиснулась в квартиру, сдерживаясь, чтобы не расчихаться, и вдруг услышала то, что меньше всего ожидала услышать.

– Где он? – отчетливо спросил мужской голос.

Она помедлила в замешательстве. Мужчина? У Веры мужчина? Майя сделала шаг, порываясь уйти, но в следующую секунду Воронцова ответила.

– Я н-н-не знаю, о ком вы, – дрожащим голосом сказала она. – Послушайте...

В ее голосе было столько страха, что Майя остановилась в изумлении. «Что происходит?»

– Пожалуйста, уберите это, – добавила Вера.

Из комнаты послышался звук, похожий на хлопок, и приглушенный вскрик. Майя метнулась в комнату и в ужасе застыла на пороге.

У окна, запрокинув голову назад, замерла Вера, прижимая ладонь к щеке. Из уголка губы у нее сочилась тонкой струйкой кровь. А возле нее, спиной к Майе, стоял мужчина. В руке он сжимал нож, и лезвие его было приставлено к горлу Веры.

Майя оцепенела. Вера увидела ее – и усилием воли заставила себя перевести взгляд на мужчину, словно за его спиной никого не было.

– Я знаю, что у тебя жил человек, раненый, – увещающе проговорил тот. Голос его был почти ласковым. – Скажи только, где он сейчас? Ответь, и я уйду.

– Его здесь нет, – выговорила Вера. – Он уехал.

– Куда?

– Его забрали... какие-то люди.
– Когда?
– Вчера... Вчера вечером! Он куда-то позвонил, как только пришел в себя, за ним приехали двое и увезли.

Игорь задумался. Ночью он не оставался на чердаке – возвращался домой, не видя смысла стеречь черный двор. Возможно ли, чтобы курьера увезли, пока он не сторожил на посту? Запросто. Это означало, что недобитая сволочь снова перехитрила его!

– Он что-то говорил при тебе? Говорил, куда поедет?
– Нет, он не мог. Он тяжело ранен, потерял много крови. Я не уверена, что он выживет, если его не отвезут в больницу.
– В больницу... – мужчина, казалось, задумался. – В какую?
– Я не знаю! Его просто забрали у меня – и все.
– Он что-то оставил у тебя?
– Нет, ничего...
– Кому ты рассказывала о том, что выхаживаешь его?
– Никому. У меня нет друзей, я одинока.

Игорь даже усмехнулся. Конечно, одинока! Глупая, жалкая костлявая тетка, которая никому не нужна. Курьер использовал ее – и свалил, оставив врачу разгребать последствия.

Конечно, теперь ее нельзя оставлять в живых. Она видела его лицо, и пусть даже он отпустил усы и бороду, врача все равно сможет его опознать. Кажется, она запомнила его еще с момента их короткой встречи тогда, на лестнице... Не зря говорят о профессиональной памяти врачей и учителей.

– Клянусь, я больше ничего не знаю! – умоляюще проговорила Вера. – Отпустите меня. Пожалуйста!

– Знаешь, – с некоторым сожалением сказал мужчина.

В следующий миг он резко повернул Веру спиной к себе и молниеносно чиркнул ножом по ее шее.

На оконном стекле возник кровавый росчерк. До Майи донесся хрип, сменившийся такими звуками, словно кто-то громко пил воду большими глотками. Мужчина отпустил Веру, отскочил назад, и женщина медленно повалилась на пол.

Убийца быстро прошел к шкафу, выдвинул ящики и перевернул их, вытряхивая содержимое. Майя едва успела отскочить за дверь и прижалась к стене, зажав рот ладонью. Она услышала какое-то позвякивание, затем убийца прошел мимо нее, негромко стукнула входная дверь – и все стихло.

На мягких, подкашивающихся ногах Майя выбралась из своего

укрытия. Бочком, как краб, то и дело оглядываясь, она доковыляла до тела и присела на корточки.

– Ве-ера, – позвала она севшим голосом, через силу выталкивая слова. – Верочка, вставай. Он уже ушел.

Вера лежала, запрокинув голову набок. На ее щеке мелкими бисеринками рассыпались красные брызги. На паркете растеклась глянцевая лужа, в которой намок рукав любимой Веринной блузки.

– Верочка, ну ты что? – беспомощно спросила Майя. – Ты что, Вер?

Последние слова она произнесла беззвучно, одними губами. Осторожно дотронулась до плеча – плечо было теплым. Но рукав нарядной блузки промок насквозь, и краснота расплзлась дальше по белому хлопку в тонкую голубую полосу.

Отчего-то именно это пятно сказало Майе то, что она и так знала.

Вера была мертва.

Майя перевела взгляд на стену, где фотографии сыновей Веры висели рядом с фотографиями детей из детского дома. Она собиралась завтра отвезти им книжки... радовалась, что купила хорошие и совсем недорого... Она только что, совсем-совсем только что убежала за тортом, чтобы потом они с Майей сидели и пили чай, говорили о женских глупостях, серьезно трепались о ерунде и несерьезно – о всяком важном... Как Веру могли убить? Она же никому не причинила вреда! «Я чувствую, что много-много лет впереди, и я много еще успею сделать», – сказала она совсем недавно.

И сделала. Она помогла Антону спастись, и те люди, которые хотели убить его тогда, пришли за ним сейчас. Антон, беглец Антон, курьер с грузом, который стоит миллионы... Это про него спрашивал убийца, держа нож у горла Веры. А она – она спасала не себя, а его и Майю. Ей ведь ничего не стоило выдать их и тем самым выцарапать у судьбы шанс на спасение!

Но она отвела глаза, делая вид, что не замечает Майю. Вера не использовала свой шанс.

В голову Майе ударил слепой гнев, волна такой нерассуждающей ярости, что ее словно подкинуло вверх. Она вскочила и, не раздумывая, бросилась в свою квартиру.

Антон сидел на кровати – бледный, сонный, *живой*. При виде Майи хотел что-то сказать, но не успел. Она подскочила к нему и затрясла изо всех сил, как будто хотела вытрясти душу.

– Ты! – прорычала Майя, не сводя с него сухих безумных глаз. – Это все ты виноват! Слышишь?! Ненавижу тебя! Ненавижу! Если бы не ты, ничего бы не случилось! Он приходил за тобой, а не за ней!

Антону, ошеломленному в первые секунды нападением, удалось наконец перехватить ее руки.

– Ты что?! – рявкнул он, силой удерживая женщину, в которую точно дьявол вселился. – С ума сошла? Что случилось?!

– Отпусти, отпусти! – твердила Майя, тщетно пытаясь освободить руки. Ее начало трясти, словно в лихорадке. – Пусти меня! Это ты во всем виноват! Если бы не ты, она была бы жива!

– Кто – она? – резко спросил Антон и встал. – Да кто?!

– Вера!

– Твоя соседка? Что с ней?

– Ее... из-за тебя... Она там лежит, а блузка новая... Понимаешь, даже блузка новая! Столько крови, уже не отстирать...

Белов отпустил Майю, и от неожиданности она упала на кровать. Он уже шел к двери, чуть прихрамывая. Она бросилась за ним, но он все равно успел первым.

Подошел к телу, присел – и рука, которой он собирался прощупать пульс, повисла в воздухе. Можно было ничего не проверять. Слишком поздно, да и не выживают при таких ранах.

Антон с трудом поднялся, чувствуя, как заныла раненая нога.

– Мне очень жаль, – негромко сказал он Майе.

– Тебе – жаль?! – задохнулась она. – Ты... Ты... Это твоя вина, слышишь?! Сделай же что-нибудь! Не смей стоять здесь и говорить, что тебе жаль! Как ты смеешь?! Ты – сволочь, мерзавец!

Она бросилась на него, сжав кулаки. Антон скрутил ее, прижал к себе. Женщина вырывалась с такой силой, которой трудно было от нее ожидать. Она проклинала его, обвиняла в том, что это он виноват в смерти Веры, попыталась укусить... Чтобы она его услышала, Антону пришлось прижать ее голову к своему плечу. Второй рукой он едва удерживал ее сведенные за спиной кисти.

– Ч-ш-ш, ч-ш-ш-ш, – шепнул Антон, терпя боль от ее ударов. – Тихо, тихо! Тихо, тихо, тихо, тихо... Все, все. Она умерла, ты ей не поможешь. И я не помогу. Она не с нами, она ушла.

Женщина продолжала вырываться, но уже слабее. Он знал, что и как нужно говорить, и понимал, что ее агрессия направлена не на него – на себя. Это себя она так страшно обвиняет и казнит за случившееся. На занятиях им рассказывали, что часто мать упавшего и ударившегося ребенка бросается с обвинениями на отца, стоящего рядом, хотя тот ни в чем не виноват: так выплескивается горечь и злость на себя саму – растяпу, не уследившую за малышом.

– Ты не виновата, – в макушку, как ребенку, сказал Антон. – Ты ни в чем не виновата. Она умерла очень быстро, ей нельзя было помочь. Ты не виновата, не виновата... Так случилось. Понимаешь? Перестань винить себя, ты ничего не могла сделать.

Майя дернулась еще раз и вдруг обмякла в его руках. Антон осторожно отпустил ее – и она осталась стоять, уткнувшись головой в его плечо.

– Мне жаль, – тихо проговорил Антон. – Мне правда очень жаль, Майя.

Женщина подняла к нему лицо. В ее глазах стояли слезы, и он облегченно вздохнул про себя: похоже, припадок закончился.

– Я ей не помогла, – она всхлипнула. – Я стояла в дверях, все видела – и ничего не сделала!

– Ты ничего не могла сделать. Могла только умереть вместе с ней.

– Он был один... Я должна была попытаться!

Антон покачал головой. Он видел разрез на шее Веры и знал, что человек, умеющий так убивать, без труда справился бы с двумя женщинами.

– Это ничего бы не изменило, – честно сказал он. – Все, пойдем. Пойдем, пойдем...

Придерживая Майю за плечи, Антон отвел ее обратно и усадил на кровать. Она беззвучно плакала, закрыв лицо руками. Белов принес воды, и она выпила, стуча зубами о край стакана.

– Послушай... – начал он, жалея ее, но понимая, что выхода нет. – Мне нужно, чтобы ты рассказала о том, что случилось.

– Нет... Не сейчас... Я не могу!

– Майя, это важно. Пожалуйста. Нам нужно решить, что делать дальше.

Он видел, как она преодолевает себя, как заставляет собраться, сжимает дрожащие пальцы в кулак... Сначала чуть слышно, но постепенно все увереннее она смогла пересказать разговор Веры и ее убийцы, который слышала, прячась за дверью.

– Он зачем-то вытряхнул ящики, кажется, схватил что-то и убежал, – закончила она, вытерев слезы.

– Инсценировал ограбление, – ответил Антон, думая о своем. – Милиции будет проще закрыть дело: решат, что преступник – вор, застигнутый хозяйкой на месте преступления, или вовсе отморозок, воспользовавшийся доверчивостью Веры. Наверное, схватил украшения, первые, какие попались под руку. У Веры были украшения?

– Не знаю... Кажется, нет. Ты сказал, милиции будет проще закрыть дело... Надо позвонить, сейчас же!

Она вскочила и бросилась к телефону, но Антон перехватил ее, усадил рядом.

– Постой. Сначала давай решим, что ты им скажешь.

...Когда все закончилось, Майя закрыла дверь и обессиленно прислонилась к стене. Серые коридоры, приехавшая на вызов опергруппа, понятые, у которых были знакомые и вместе с тем пугающе чужие лица, какие-то люди, расхаживавшие по квартире Веры как по своей собственной, разговоры, бумаги, запахи – все это слиплось в большой нечистый ком, который катился на Майю и готов был вот-вот поглотить и ее саму.

Следователю она несколько раз повторила то, что они придумали с Антоном: час назад ей показалось, что дверь в квартиру соседки приоткрыта, она зашла и увидела тело. Несколько минут приходила в себя, а затем позвонила в милицию.

Марецкой поверили. Ее слова звучали убедительно. И кому могло прийти в голову, что Веру убили из-за человека, прятавшегося все это время в квартире Майи?

Ее охватила такая усталость, что она испугалась: сейчас упадет прямо здесь, в прихожей, не в силах дойти до своего кухонного диванчика.

– Антон! – позвала она жалобно.

Он появился сразу же, возник из ниоткуда, точно вышел из стены, и Майя уцепилась за него как за спасительную веревку, брошенную с корабля утопающему. Антон помог ей дойти до кухни, и она повалилась на диван.

– Все прошло нормально?

Майя молча кивнула и закрыла глаза. Ничего не видеть, ни о чем не думать, никого не вспоминать.

Он присел рядом, положил ей руку на лоб. Майя подумала, что сейчас он нажмет на одному ему известную точку – и она отключится, но Антон ничего не делал: просто сидел и держал тяжелую ладонь у нее на лбу.

Она наконец открыла глаза. Смерть прошла рядом, так близко, что холод от нее обжег Майю. При одном воспоминании о том, как убийца пробежал мимо нее, прятавшейся за дверью, Марецкую охватывала дрожь, с которой она ничего не могла поделать.

Мужчина, сидевший рядом, показался ей в эту минуту воплощением жизни. Он был вызов, насмешка над смертью, потому что спасся и выжил. Даже когда он истекал кровью, был беспомощен и зависим от нее, в нем все

равно чувствовалась сила.

Майя смотрела на него, и вдруг с каким-то отчаянием приподнялась, обняла за шею и прильнула губами к его губам. Он кололся щетиной, он весь был очень твердый, бугристый, пугающе неподвижный, и она уже испугалась, что сделала глупость, невероятную глупость! И решила, что сейчас нужно будет быстро отыграть все назад с минимальной потерей лица, притвориться, что ничего не произошло, просто у нее было легкое умопомрачение, только и всего! Легкое умопомрачение, у женщин это случается, они сами не знают, что на них находит в такие секунды...

Как вдруг он словно проснулся. Руки прижали ее к себе с такой силой, что Майя охнула, а в следующий миг ее закрутило, смяло, втянуло в смерч, который с грохотом смел со стола посуду, сорвал с них обоих одежду и зашвырнул куда-то, где не было ничего, кроме их жадных тел и острого, как боль, наслаждения.

Глава 6

Утром Майя проснулась от солнечного луча, пощекотавшего ей нос. Некоторое время лежала, не понимая, почему ей в спину не впивается ее костистый диванчик. Ей казалось, что за последнюю неделю диванчик изрядно похудел и все его острые ребра еще сильнее стали выдаваться наружу.

Но сейчас диванчик вел себя смиренно. Приподнявшись, Майя поняла почему: вчера она уснула не в кухне, а в комнате, на широкой кровати, рядом с Антоном.

Она осторожно, украдкой посмотрела на него и сразу отвела взгляд, будто обожглась. В утреннем свете лицо у него было мужественное, собранное. Странное дело: сон не смягчил черты, не размазал, а заострил их и придал лицу цельность. Как будто во сне с Антона спала маска незаметного курьера, и открылся жесткий, скрытный человек, совсем чужой, занесенный в тихую жизнь Майи не то штормом, не то ураганом – словно моряк, выброшенный на побережье возле маленькой дереvушки, где женщины благочестивы и скромны.

«Да уж, скромны, – подумала Майя, вспоминая вчерашнюю ночь и краснея. – Господи, что на меня нашло... После убийства Веры! Какой ужас...»

Но она запретила себе думать о Вере. Рана была слишком свежа.

Предстояло как-то выпутаться из создавшегося положения. С одной стороны, «а что такого?» – говорила Майя, убеждая себя, что смешно разводить церемонии между двумя взрослыми людьми, которым захотелось секса.

С другой стороны, ей было неловко, и скрывать это от самой себя было бы глупо. И еще Майя злилась. «Чувствую себя школьницей после первого поцелуя, которая гадает, позвонит ей понравившийся мальчик или нет».

Так и не придя ни к какому решению, она тихонько встала, завернулась в одеяло и подошла к окну. Во дворе, независимо задрав облезлый хвост, прохаживалась полосатая мурка, а по веткам за ней скакали, перебрасываясь грубыми шуточками, распоясавшиеся воробьи. В окнах дома отражались старые липы, и казалось, что в каждой квартире зеленеет свое майское дерево.

Проснувшийся Антон наблюдал за женщиной сквозь полуоткрытые ресницы. Взъерошенные волосы у Майи на затылке торчали, как иголки у

ощетинившегося ежика. Одеяло тянулось за ней по полу, как королевская мантия. Все вместе смотрелось смешно: ежик в мантии.

Она наклонилась вправо, высматривая что-то во дворе, и Антон залюбовался ее профилем. Короткая стрижка подчеркивала высокую линию скул, нежную кожу, казавшуюся голубоватой в утреннем свете, безупречную шею с впадинкой возле косточки...

Антон давно пользовался женщинами, не привыкая ни к одной; он легко начинал необременительные отношения и так же легко заканчивал их. Его все устраивало. Просыпаясь по утрам в теплой чужой постели, он не чувствовал ничего, кроме приятной неги во всем теле. И партнерш он интуитивно старался выбирать себе под стать: таких же легкомысленных, не ищущих серьезных и долгих связей. Правда, рано или поздно почти каждая пыталась привязать его к себе, и тогда он уходил. В игру с привязанностями Антон больше не играл.

И к этой женщине он не собирался привыкать. Собственно говоря, она уже больше не нужна ему, и можно уходить, тем более после того, что случилось вчера. Но он решил пока остаться. «Может быть, через пару дней, – сказал себе Белов. – Здесь мне пока ничего не грозит, раз они решили, что меня увезли в больницу. А если вернусь к себе, черт его знает, что меня может там ожидать».

Майя внезапно обернулась, словно почувствовав его взгляд, и Антон не успел притвориться спящим. Поэтому испытал секундную растерянность, когда яркие синие глаза уставились на него. Надо было защититься, надеть проверенную маску пресыщенного любовника, ласково сообщаящего своей крошке, что вчера они провели прекрасную ночь... Довольная ухмылка уже тронула его губы, но он не успел ничего сказать. Майя прижала к его губам теплую ладонь и покачала головой.

Когда минуту спустя она убрала ладонь, улыбки на его губах уже не было. Женщина прижалась к нему, благодарно потерлась нежной щекой о его колючую кожу, и Антон, против воли, закрыл глаза, провел ладонью по ершику на ее затылке.

– На работу не опоздаешь? – хриловато спросил он.

– У меня сегодня выходной, – помявшись, ответила Майя.

Заминка не ускользнула от Антона.

– Выходной? В пятницу?

– Весь салон сегодня не работает, – пояснила она. – Так что выходной у всех.

Это была правда: накануне Верман объявил, что им с Семой нужен свободный день «для обмозговать наше положение». Майе подумалось, что

он просто-напросто не может больше видеть за стеклами витрин машину с испачканными грязью номерами – ежеминутное напоминание о том, что Хрящ не выпускает их из-под колпака.

«Отдохните, Моня, – сочувственно сказала она тогда. – Выйдем в субботу, ничего страшного за один день не произойдет».

– А что с салоном? – спросил Антон. – Почему именно пятница – выходной?

Что-то, видимо, отразилось на лице Майи, потому что Антон привстал и всмотрелся в нее.

– Э-эй, – позвал он. – Что-то случилось?

И тогда Майя неожиданно для себя выложила все, что произошло.

Антон слушал очень внимательно и ни разу не перебил ее. Майя уже отвыкла от мужчин, которые умеют так слушать.

– И теперь я не знаю, что делать и как им помочь, – закончила она. – Верман с Дворкиным оказались между молотом и наковальней, и мне больно на них смотреть. Что бы они сейчас ни придумали – все будет плохо. Если то, что они говорят о Хрящевском, истинно хотя бы наполовину, то им нужно бежать и скрываться. Но бежать они не хотят – считают, что он их найдет.

– Правильно считают, – подтвердил Антон. – Н-да, любопытная история... Слушай, мне только одно в ней непонятно.

– Что?

– Верман попытался смошенничать. И мне его ничуть не жаль, потому что он сам выбрал свою участь. Не обижайся, но для меня он всего лишь жулик, который решил кинуть глупую девицу. Девица оказалась подставной, но это дела не меняет.

– Я не обижаюсь, – грустно сказала Майя, думая о том, насколько далека эта характеристика от Мони Вермана.

– Тогда объясни мне: что ты делаешь в этой истории? Тебе предложили уйти, но ты этим предложением отчего-то не воспользовалась. Но почему? Твоих евреев ждет печальное будущее. Кто бы ни добрался до них первым, Купцов или Хрящевский, им в любом случае не поздоровится. Но зачем тебе быть замешанной в этом? Сейчас нужно держаться как можно дальше от них, потому что они лезут в откровенную уголовщину. Ты это понимаешь?

– Понимаю.

– Тогда позвони и скажи, что ты не выйдешь на работу ни завтра, ни послезавтра – вообще больше никогда. Это единственное верное решение. Поверь мне, Майя, я знаю, кто такой Хрящевский: с ним действительно

лучше не шутить. Считай, что твой Верман отныне чумной. Уходи от него.

Майя покачала головой и сильнее закуталась в одеяло.

– Я не могу.

– Почему? Он что, шантажирует тебя? Не выплачивает тебе денег?

– Не в этом дело, Антон. Все он мне выплачивает, – отмахнулась Майя.

– А в чем же тогда?

Она подумала немного, разглядывая его. В конце концов, этот человек уже столько знает, что бессмысленно наводить таинственность вокруг ее незамысловатой семейной истории.

– Наверное, нужно кое-что рассказать, чтобы ты лучше понял... – медленно начала Майя. – Тебе правда интересно?

Антон кивнул, совершенно искренне.

– Тогда слушай.

Она пристроилась поближе к нему, обхватила колени, и в ее облике появилось что-то детское.

– Меня воспитывал отец. Маму я помню, но не очень хорошо: она заболела и умерла, когда мне было три года. Ее родители хотели забрать меня к себе в Воронеж, но отец не согласился. Кстати, из-за этого вся родня с ним перессорилась – они-то считали правильным, чтобы ребенка воспитывали дедушка с бабушкой, а не одинокий мужчина. Вслух выразили ему свое неудовольствие, а втайне рассчитывали, что он образумится, отдаст меня. К тому же бабушка с дедушкой очень тосковали после смерти дочери и высказали папе, что он поступает жестоко: у них такое горе, а он даже не пытается помочь им пережить его. Вот если бы у них была маленькая девочка, о которой они могли бы заботиться, воспитывать ее – тогда другое дело.

– А что твой отец?

– Папа заявил, что не позволит затыкать родным ребенком дыры в чужом горе. Он вообще был резким человеком, а смерть мамы сильно ожесточила его. Он ее очень любил. Много лет спустя признался мне, что хотел жениться второй раз исключительно затем, чтобы у меня была мачеха – но не смог. Оказался не в силах представить кого-то на ее месте. Папа был однолюб, что казалось невероятным при его внешности: высокий, синеглазый, черноволосый. В него влюблялись женщины, писали ему удивительные признания – а он не знал, что делать с этими признаниями, смущался, мучился, даже со мной пытался советоваться, когда я подросла. Он был такой немножко неуклюжий во всем, кроме своей профессии.

– Чем он занимался?

– Он был ювелир, причем самоучка. Я любила смотреть, как он, такой

большой, встрепанный, сидит над рабочим столом, и из-под его рук выходит тончайшее, нежнейшее украшение. Папа проводил со мной очень много времени: читал мне, лепил из пластилина целые города со смешными человечками, играл во все дурацкие игры, которые я придумывала...

Майя замолчала, с улыбкой глядя куда-то за спину Антона.

– А бабушка с дедушкой?

Она встрепенулась, словно он разбудил ее своим вопросом.

– Бабушка?.. Да, меня отправляли к ним на лето под Воронеж. Она и дед практически не общались с отцом, связующим звеном была только я. И его дело не считали мужским, так прямо и говорили: бабское занятие. Я огорчалась, даже плакала из-за этого. Только потом узнала, что самые известные ювелиры – мужчины.

– То есть вырастил тебя отец...

– Да. Я все это рассказываю затем, чтобы тебе было понятнее, что случилось потом. Три года назад я стала замечать, что папа хуже себя чувствует. Он храбрился, бодрился до последнего, и мне пришлось буквально силком привести его на обследование. И тут начались сложности... Мы ходили от одного врача к другому, пока наконец очередной диагност не сказал: опухоль надпочечников, но нетипичной локализации. Не буду грузить тебя медицинской терминологией... Самое главное, этот врач посоветовал клинику в Германии, специализирующуюся именно на диагностике и лечении такой болезни, и предупредил, что у нас, в России, могут возникнуть сложности с тем, чтобы точно определить заболевание. К тому времени мы с отцом уже и сами это видели. Забегая вперед, скажу, что врач оказался прав: это действительно была опухоль, и именно надпочечников.

Майя тяжело вздохнула.

– Когда я связалась с немецкой клиникой и мне назвали стоимость обследования и операции, я чуть не заплакала. У нас не было таких денег. Не было даже десятой их части. Можно было продать квартиру, но за три месяца до этого, как нарочно, выяснилось, что в нашей квартире каким-то образом оказались прописаны три человека.

– В этой?

– Да. Наверное, это послужило катализатором папиной болезни, потому что он страшно волновался и нервничал, переживал, что нас выкинут на улицу и мы останемся без своего жилья. Я успокаивала его, объясняла, что мы имеем дело с распространенным мошенничеством, но отец меня почти не слушал.

Антон нахмурился, слушая ее рассказ.

– Чем все закончилось с квартирой? – спросил он.

– Было заведено уголовное дело, нашли виновных, последовал суд, на котором дали условный срок паспортистке нашего района и еще каким-то мелким чиновникам... Но это случилось потом. А тогда мы оказались владельцами квартиры, которую не могли продать.

Одеяло сползло с ее плеча, и Белов поправил его. Она даже не заметила этого, погруженная в свои воспоминания.

– Что мне было делать, Антон? Я пошла к папиным друзьям – просить их о помощи. Пыталась занять у одного, второго, третьего... Все отказали. У папы начались сильные боли, его положили в больницу, но я видела, что лечение – симптоматическое, оно лишь облегчает на время его страдания. И тогда, наверное, от беспросветного отчаяния я пошла к тому человеку, который вовсе не был папе другом – он считался его конкурентом, и они с отцом терпеть друг друга не могли.

– Неужели к Верману?!

Майя кивнула.

– Не могу объяснить, что мной двигало – ведь казалось очевидным, что Моня откажет. Но он согласился. Помню, я смотрела на него как баран, не в силах осознать, что мне сказали «да»... Верман прекрасно знал о нашей ситуации и не мог не понимать, что нам нечем будет возвращать ему деньги. Вопрос с квартирой тогда висел в воздухе, мы фактически остались нищими, со смешными копеечными сбережениями. Но Моня все равно согласился. Я помню, как он наморщил лоб и проронил: «Пускай твой отец будет здоровым, чтобы мне было над кем посмеяться». До папы доходили шуточки Вермана, который любил позубоскалить в его адрес. Моня говорил, что русский ювелир – все равно что еврейский извозчик: смешно всем, кроме его клиентов. А папа не умел парировать, и его это задевало.

– Верман заключил с тобой договор? Что-то потребовал взамен? – уточнил Антон.

– Ничего, в том-то все и дело! Он дал денег, мы с папой оформили визы, уехали в Германию, и там его сначала обследовали, а потом, когда диагноз подтвердился, прооперировали. Операция прошла нормально, хотя восстанавливался он долго, около месяца. Когда мы вернулись в Россию, Моня был первым, кому отец позвонил.

– Так ты рассказала отцу, откуда деньги?

– Да.

– И не боялась, что он откажется...

– ...взять их? Боялась, конечно! Но обмануть отца я бы не смогла. К

тому времени он так измучился, что, кажется, ему было почти безразлично. Но когда мы вернулись и он позвонил Верману, я слышала, что он едва сдерживает слезы.

– А что Верман?

– Не знаю, я не стала подслушивать их разговор, а отец больше к этому не возвращался. Он был так счастлив оттого, что его больше не мучает боль, он так наслаждался каждой минутой жизни... Мы гуляли с ним во дворе под липами, он говорил о маме, о том, как они познакомились, как вместе ездили дикарями в Крым – обо всем том, что он не успел рассказать мне до болезни и, наверное, боялся, что уже не успеет. Наверстывал упущенное. И, знаешь, это время после его выздоровления – оно вспоминается как одно из самых счастливых в нашей жизни.

Майя помолчала, смяла уголок одеяла в руке и закончила:

– А через восемь месяцев папа умер.

– Подожди... – приподнялся Белов. – Как – через восемь месяцев?!

– Да. У него случился инфаркт, когда меня не было дома. В этом никто не виноват, ни врачи, ни сам папа, просто столько ему было отмерено жизни.

– Получается, что операция была зря? – не подумав, сказал Антон.

– Эта операция добавила к папиной жизни восемь счастливых месяцев, – горячо возразила Майя. – За это время я узнала о своих родителях столько, сколько не узнала за всю предыдущую жизнь. И я помню каждый день, который мы провели вместе, все прогулки до единой!

Она отвернулась от него к окну.

– Прости, я ляпнул глупость, – Антон осторожно притянул ее к себе. – Прости!

Майя взглянула на его огорченное лицо и смягчилась.

– Но я все равно пока не понимаю, как ты попала к Верману, – признался Антон. – Он взял тебя в рабство?

Майя покачала головой:

– Ты действительно не понимаешь. После смерти папы я пришла к Верману и сказала, что с квартирой все окончательно решилось и теперь я наконец-то могу продать ее и расплатиться с долгом...

...Моя в тот день светился, и даже лысина его блестела, будто натертая сливочным маслом. Когда Майя закончила свою небольшую речь, он испытующе взглянул на нее, словно проверяя, не разрыдается ли она прямо у него в кабинете. Но Майя спокойно выдержала его взгляд. Она уже все для себя решила. Продаст квартиру, расплатится с долгом, на оставшиеся деньги купит комнату в районе попроще. Она даже кое-что

присмотрела...

Майя ждала формального ответа и соболезнований, но не дождалась. Вместо этого Верман сказал совершенно неожиданное. Такое неожиданное, что все спокойствие мигом слетело с Майи.

– Я извиняюсь, Марецкая, но если ты бедная женщина с одной шубой, зачем корчить из себя вдову Ротшильда? – невинно поинтересовался Моня. – Если тебе очень хочется разбрасываться квартирами в Москве, то разве я что скажу против? Моя тетя Рая из Одессы сильно хотела переехать на Брайтон-Бич! Она даже начала чихать от родного города, так сильно хотела туда отсюда. Врачи сказали – аллергия... Ха! Что бы они понимали, те врачи! Так что тетя Рая уже наострила лыжи, и тут Моня сказал ей свое слово против. И шо ты думаешь?

– Шо? – автоматически переспросила Майя, ошеломленная свалившейся на нее тетей Раей из Одессы, аллергией, врачами и одной шубой, которой у нее в жизни не было.

– Таки тетя Рая уехала! – с трагической торжественностью провозгласил Моня. – И к чему тогда было мое слово?! Тетя Рая чихала на него, как и на родную Одессу, но если Одесса переживет и не поморщится, то Моня может и огорчиться!

Верман выдохся и умолк. Майя тоже смущенно молчала, пытаясь нащупать нить для дальнейшего разговора.

– А если тебе так не терпится расплатиться, – вдруг совсем другим тоном сказал Моня, – то не делай глупостей, а иди ко мне работать. Мне нужен ювелир, а у тебя хорошие руки, в отца. Будешь сидеть в салоне, клепать колечки-сережки, и всем наступит радость: мне не придется искать нового человека, а ты останешься при своей квартире.

Майя изумленно смотрела на Вермана. Ей казалось, что старый хитрый еврей смеется над ней, но она никак не могла понять, в чем подвох.

– Вы что, действительно хотите, чтобы я работала у вас?! – опасливо уточнила она.

– Боже ж мой, Марецкая, если бы я хотел тебя обмануть, ты бы уже брела босая, без квартиры и шубы! – раздраженно воскликнул Верман. – Можешь работать – так приходи, не можешь – иди на все стороны и плачь, что не будешь каждый день видеть Моню! Иди и начинай, прямо отсюда, чтобы я видел твои искренние слезы.

Две недели спустя Майя вошла в салон «Афродита», сжимая в руке сумку с инструментами.

– ... Вот так я и оказалась у Вермана, – закончила она. – Теперь тебе

ясно, почему я не могу бросить его и Сему? Даже если бы Моня оказался самым наглым мошенником в этом городе, все равно не смогла бы. Слишком большой на мне долг, Антон, и я сейчас говорю не о деньгах.

Белов кивнул. Быть может, подумалось ему, старый прохвост предвидел, что случится, и умело сыграл на чувствах Майи, заполучив в ее лице верного и преданного сторонника... Но это ничего не меняет.

Ему в голову пришла забавная мысль. Несколько время назад все каналы новостей повторяли сюжет о дерзком ограблении в «Сокольниках».

– Вот было бы смешно, – вслух сказал он, – если бы и «Зевса» украл твой Моня.

У Майи расширились глаза, и она схватила Антона, словно хотела остановить его.

– Что?! – изумился Белов. – Слушай, только не говори мне...

Она облизнула губы, и лицо у нее стало отчаянное.

– Что – тоже он?!

Марецкая вздохнула как человек, которому не оставили выбора. И рассказала про Повара и Кулька.

– Я боюсь за нашего Яшку, – закончила она. – Сама не знаю почему. Мне все время кажется, что и он сам чего-то опасается.

– Судя по тому, что ты рассказала, вашему Яшке ничего не грозит, – успокоил ее Антон. – А вот Верману – запросто. Хотя хуже Хрящевского ничего не может быть...

Возразить Майе было нечего. Но молчание угнетало ее, и она включила старенькое радио на столе.

– Давай хоть новости послушаем... – начала она и споткнулась на полуслове.

– Продолжаются поиски бриллианта «Зевс», похищенного две недели назад с ювелирной выставки на глазах десятков свидетелей, – говорила ведущая. – Громкое дело привлекло внимание общественности. По самой скромной оценке стоимость редкого бриллианта составляет не менее трех миллионов евро. В настоящее время ведутся поиски похитителей на основании составленных фотороботов. Известно, что грабителей было двое и они проникли на выставку под видом монтажников электрооборудования. В своем комментарии представитель банка «Зевс» выразил надежду, что бриллиант, бывший символом банка, вскоре вернется обратно. А теперь переходим к прогнозу погоды...

Майя выключила радио. Определенно, сегодня ей никуда не деться от Мони и его бед. Вот только...

– Почему фотороботов? – вслух спросила она, удивленная

неточностями в сюжете. – Как же так? А камеры?

– Меньше слушай новости, – посоветовал Антон. – Половину переврали, половину добавили от себя. Конечно, ищут по снимкам с камер, и тем двоим лучше сидеть тихо и не высовываться.

– Вот и Моня им то же самое посоветовал. Слушай... – Майя замерла, осененная неприятной мыслью, – а вдруг Повар с Кульком не вытерпят и отправятся продавать «Зевса»?

– На ближайший сельский рынок? Надеюсь, они не такие идиоты. Забудь. А если ты думаешь, что Хрящевский сможет каким-то образом отловить их раньше оперативников и использовать балбесов против Мони, то ты ошибаешься.

– Почему? – спросила Майя, думавшая именно об этом.

– Потому что ему нет нужды искать сложные пути, когда есть простой. Верман и так подставился по полной. Больше уже некуда.

Антон встал, и Майе показалось, что он чем-то смущен.

– Что? Антон, что-то не так? Это из-за моего рассказа?...

– Нет, нет. Послушай, сейчас мне нужно кое-куда съездить, и мне понадобится твоя помощь. Мне не очень удобно просить тебя о помощи, но придется.

Идею о поездке Майя восприняла в штыки. Но как ни старалась она отговорить его, Антон лишь качал головой в ответ на все ее аргументы.

– Мне нужно кое-что проверить, – твердил он. – Я обернусь за пару часов. Только мне нужна одежда...

Он так настаивал и упрашивал ее, что Майя согласилась – и следующий час потратила на покупку джинсов и рубашки, чувствуя себя при этом отвратительно. Ей казалось, что другие покупатели исподтишка поглядывают на нее, а консультанты, стоит ей отвернуться, перемигиваются за ее спиной. Уже на выходе Марецкая спохватилась, что к джинсам нужен ремень, и ей пришлось возвращаться... «Это просто насмешка над здравым смыслом, – с ожесточением сказала она себе, копаясь в ремнях. – Выгляжу как приличная женщина, покупающая подарок мужу. А кто я на самом деле? Девушка на побегушках при каком-то уголовном элементе».

Торопливо расплатившись, Майя побежала прочь, прочь из этого магазина, свидетеля ее позора, но на полпути остановилась, вспомнив кое-что.

«Господи... Еще носки!»

Придя домой, Майя молча вывалила из пакета ворох одежды.

– За размер носков не ручаюсь, подбирала на глаз, – сухо сообщила она.

Антон так обрадовался, словно был заключенным в тюрьме, которому жена принесла в булке напильник. Увидев, как отлично сели на него все вещи, Майя испытала мрачную гордость.

Белов быстро собрался, тщательно зашнуровал ботинки.

– Не беспокойся, Май, все будет нормально, – бросил он.

Фраза вышла совершенно дежурной, и, чтобы смягчить ее, Антон притянул женщину к себе. Майя послушно позволила себя обнять, но выглядела такой внезапно уставшей и расстроенной, что Антон легонько, в шутку встряхнул ее:

– Эй! Ты чего?

И вдруг заметил, что она чуть не плачет.

Белов даже растерялся. Что, она переживает из-за отца? Рассказанная ею утром история довела ее до слез? Он так прямо и спросил, но вместо честного ответа получил неожиданную реакцию: Майя вырвалась, зло сказала, что она ни из-за кого не переживает, и ушла в другую комнату. Еще и шипела на него оттуда, как кошка, пока он пытался объяснить, что ему нужны деньги на метро.

– В сумочке кошелек, – сухо сказала она, поняв, чего от нее хотят.

Когда за Антоном закрылась дверь, Майя села на стул и обхватила себя за плечи. Как он говорил? Каждый сам выбирает свою участь? Вот Антон и выбрал, и ей не стоит принимать слишком близко к сердцу его решение.

Но на душе у нее было сумрачно и тоскливо. Куда и зачем он поехал? Раны не зажили, и, если на него нападут, он даже не сумеет спастись бегством.

«Сам будет виноват, – жестко сказала себе Майя. – Не смей раскисать».

Белов в эту минуту спускался в метро. Проехав пять станций, вышел и уверенно направился к массиву жилых домов вдалеке.

Окруженная юными новостройками, в самой середине массива притаилась дряхлая пятиэтажка неопределенного серо-бурого цвета. Возле нее отирались мутного вида личности в не по сезону теплой одежде. На теплотрассе раскинулись две дворняги. Одна, услышав шаги, приоткрыла глаз, но облаивать Антона поленилась.

Он прошел мимо дворняг, мимо личностей, мимо потягивающих пиво подростков у подъезда, поднялся на второй этаж и толкнул самую обшарпанную дверь, над которой даже не было звонка.

За дверью оказалась комната, заваленная разнообразным хламом, словно кто-то всю жизнь копил вещи, но не хранил их аккуратно, а небрежно разбрасывал вокруг. Тюки с тряпьем, стулья, книги, смиренный безрукий манекен в шляпе с пером – чего здесь только не было!

В комнате царил такой полумрак, что Антон первым делом подошел к окну и раздвинул мятые шторы.

– Что за колхоз ты у себя развел? – осведомился он, глядя вниз, во двор. – Гопники какие-то, собаки... Еще корову бы купил.

– Понадобится – куплю, – проскрипели сзади из угла за дверью. – А пока ты, избушка, обернись к лесу задом, ко мне передом. И ручки, ручки не забудь!

Антон поднял руки вверх и медленно обернулся. Из угла на него смотрело дуло пистолета. Владелец скрипучего голоса, скрытый за грудой мусора, не показывался.

– На свет подайся, добрый молодец, – приказали из угла.

– Петр Семеныч, хорош дурить, – сердито попросил Белов. – Вылезай, у меня к тебе дело есть.

Последовало минутное молчание. После чего, подслеповато щурясь, из-за груды выбрался маленький, щуплый, похожий на сурка человечек в огромных черепаховых очках.

– Антоша! – ахнул он. – Ты ли это?!

– Я, я! Не узнал?

– Не узнал. А что трепали, будто тебя лихие люди порешили?

– Вранье, – отмахнулся Белов. – Не порешили. Но хотели. Расскажу в другой раз, сейчас тороплюсь. Петя, мне кое-что нужно...

– Волыну не дам, – тотчас отказался человечек.

– Я не за этим. Нужно, чтобы ты из меня бобра сделал.

Петр Семеныч окинул Антона изучающим взглядом с ног до головы, подумал и кивнул:

– Эт' можно. Нишкни и не отсвечивай.

Белов отыскал стул, вытащил его из кучи и уселся в сторонке, наблюдая за тем, как Петр Семеныч действует.

Человечек застыл посреди комнаты, поводя носом по сторонам – ни дать ни взять сурок-дозорный. Затем принял решение – и проворно задвигался. С фантастической быстротой и ловкостью он выхватывал из куч нужные ему вещи и бросал на руки Антону. Тот только успевал подхватывать: гнедой замшевый пиджак, брюки цвета топленого молока, кожаные туфли, невесть откуда взявшийся золотой браслет, кольцо...

– Остановись! – взмолился он. – Этого хватит!

Петр Семеныч оглядел его недовольно, поморщился:

– А сорочка? Твоя ни к черту не годится.

– Обойдусь. Застегну пиджак, видно не будет.

– Образ должен быть достоверным! – нравоучительно поднял палец человек. – Эх, нет на тебя моего дружка, Мишки Гройса. Вот кто в этом мастер! Гениальный актер, мог бы Гамлета в театре играть. В кого хочешь перевоплощался с легкостью, все детали продумывал! Эх, Мишка, Мишка... Но совсем ушел от дел, уехал к морю...^[1]

Петр Семеныч вздохнул, но тут же встряхнулся и прикрикнул на Антона:

– Что стоишь, как Брежнев на трибуне! Раздевайся, живо.

Увидев перевязанную ногу и затянувшуюся рану в плече, ничего не сказал, только нахмурился. Несмотря на показную суровость, Петр Семеныч к Антону относился хорошо – связывали их старые дела, такие старые, что Белов почти и забыл о том времени. Но Петр помнил.

Весь свой *реквизит* он знал досконально, умел выстроить за кратчайшие сроки любой образ. И он же мог научить любого человека вживаться в этот образ: походка, осанка, речь, жесты...

Сейчас Антон поставил перед ним несложную задачу: предстояло изобразить состоятельного человека, по которому с первого взгляда было бы видно: вот идет мужчина при деньгах, важный, собой довольный. Одним словом – *бобер*.

Конечно, можно было бы купить дорогой костюм и не мучиться. Но Антон знал: состоятельный человек – это не только одежда. Даже не столько одежда. В России людей с деньгами легко вычислить по взгляду, особой легкой властности и небрежности манер, по той чуть утрированной свободе, с которой они ведут себя.

Все это Белов мог сыграть. Но ему нужно было изменить и лицо – а для этого никто не годился лучше Петра Семеныча.

За десять минут «сурок» передел его, отступил на шаг, оглядел придирчиво с ног до головы – и загарцевал вокруг, словно королевский портной, подгоняющий костюм по монаршей мерке.

– Фактура у тебя, фактура, – довольно бормотал он себе под нос, одергивая на Белове брюки. – На такую фактуру любая фурнитура сядет.

– Какая еще фурнитура? – рассмеялся Антон.

Чудак отмахнулся. Он колдовал над Беловым вдохновенно и отвлекаться не хотел.

Наконец с костюмом было покончено.

– Пойдем личико малевать, – скомандовал Петр Семеныч. – А то видок

у тебя – Джеймс Бонд на отдыхе.

Они протиснулись между кучами барахла, и в стене обнаружилась незаметная дверца, а за ней – крошечная каморка. В отличие от главной комнаты, здесь было чисто и светло.

– Садись, – кивнул Петр Семеныч. – Обойдемся носом, ну и годков тебе прибавим... Эх, нет на тебя Мишки Гройса! Ты знаешь, какой это был первоклассный специалист? Некоторые называли его мелким мошенником... Ха! Посмотрел бы я на тех «некоторых» после того, как их обработал бы Миша Гройс. Он мог раздеть человека, не прикоснувшись к нему пальцем. А голос? Менял голос так, что даже я его не узнавал. Я, его старый приятель! Вот был бы он здесь, расписал бы тебя в лучшем виде. Я, конечно, тоже постараюсь, но скажу тебе прямо, Антоша: по сравнению с Гройсом я – подмастерье.

Петр Семеныч мог сколько угодно превозносить неизвестного Белову старого мошенника, но когда двадцать минут спустя Антон взглянул на себя в зеркало, то лишь ошеломленно покачал головой. Он и прежде видел результат работы Петра Семеновича. Но на этот раз преобразование оказалось кардинальным.

Вместо худощавого, обросшего, мрачного мужика, зашедшего в квартиру час назад, в зеркале отражался холеный господин лет пятидесяти, с намечающимся брюшком, с горбинкой на мясистом носу. Щетина осталась, но приобрела благородный седой оттенок.

– Парик не дам, – буркнул хозяин, – обойдешься своими. Височки тебе подправил, а в остальном сойдет. Нынче мужики за своими прическами не следят, так что выделяться не будешь. Грабли покажи.

Белов протянул ему руки. Петр Семеныч придирчиво осмотрел их и вынес вердикт:

– Годные. Лети, соколик, куда хошь.

– Спасибо, Петь, – от всей души поблагодарил Антон. – За мной должок будет, ага? Заброшу через пару недель.

– Если меня не будет, оставишь моим мальчикам, – предупредил хозяин.

На лице Антона отразилось сомнение:

– Алкашам, что ли?

– Мои запивохины службу несут лучше цепной собаки, – гордо возразил Семеныч.

– Так то служба, а то деньги. Ладно, сам разберусь.

Хозяин хлопнул себя по лбу так, что очки на его переносице подскочили:

– Антоша, что ж я забыл-то! Охо-хох, старый стал. Теряю квалификацию.

Он уковылял в лабиринт вещей и вернулся обратно через пару минут, неся портмоне и ключи на брелоке.

– Ты ведь, Антоша, гольшом, считай, пришел... А самое-то важное мы и упустили. Что за *бобер* без машины?

Уже стоя в дверях, Антон обернулся:

– Петр Семеныч, а что за цирк ты устроил, когда пушку на меня наставил? Твои ребятки тебя должны были предупредить, едва я вошел в подъезд. Скажешь, подвели?

Хозяин усмехнулся:

– Нет, не подвели. Но ты у нас паренек непонятный, они тебя не раскусили. Плывет, говорят, какой-то челнок, но кто такой – не ясно. Хотели тебя *проводить*, но я сказал: обойдусь. Между прочим, – добавил он, помолчав, – у тебя там в лопатнике кой-какая мелочь имеется... А то ходишь, как босяк.

Расставшись с Петром Семенычем, Антон поймал частника и добрался до места своего назначения. Вылез он в переулке, не доехав до магазина метров триста. На него навалилась усталость, рана начала ныть, но он не мог позволить себе выбраться из развалюхи «мазды» на глазах у сотрудников салона. Легенда есть легенда, даже если она рассчитана всего на десять минут игры.

«А если я ошибся? – спросил он себя, медленно идя по зеленеющей улице. – Мне хватит сил только на одну точку из всей сети. А потом?»

Он промокнул вспотевший лоб платком, сунутым в карман все тем же предусмотрительным Петром Семенычем, и продолжил путь. На противоположной стороне улицы его ждал самый крупный магазин Николая Хрящевского – «Падишах».

«Падишах» был известен всей Москве. Лучшие украшения продавались именно здесь, и сюда попадали новинки ювелирного рынка. Это был не маленький салон Вермана, а колосс среди салонов, ювелирный гигант, ослепляющий своей роскошью. Роскошь выставлялась напоказ: справа от вывески медленно вращался, сияя гранями на солнце, огромный «бриллиант» из стекла. В витринах извивались длинные, словно удавы, ожерелья, покачивались кулоны размером с яблоко, соблазняли невероятные кольца – каждое не меньше полуметра в диаметре, с «камнями», похожими на большие разноцветные леденцы.

Антон на несколько секунд задержался, созерцая все это великолепие.

Затем выпрямился, выкатил вперед живот, надел на лицо скучающее выражение и, помахивая ключами на пальце, направился к стеклянным дверям – бизнесмен, оставивший машину неподалеку и заскочивший за подарком молоденькой любовнице.

Белова интересовал лишь один отдел, и он не стал притворяться и терять время.

– Покажите мне, что у вас новенького, – попросил он консультанта. – Чего хочется? Даже не знаю... Подарок любимой. Колечко какое-нибудь... для начала.

Он подмигнул и обаятельно улыбнулся.

Консультант с пониманием кивнула и принялась выкладывать перед ним кольца. Холеный красавчик-клиент внимательно рассматривал их, но откладывая в сторону одно за другим. Потом захотел обозреть комплекты, потом оценивающе взглянул в сторону подвесок... Но женщина видела, что мужчина не развлекается, к выбору относится серьезно: камни он изучал очень пристально, даже пару раз попросил лупу.

Антон почти уверился, что его догадка была неверна. Только для проверки этой догадки он и предпринял рискованную поездку и теперь испытывал разочарование с облегчением пополам. Разочарование – от самого себя, потому что ошибся (а ошибаться Антон не любил). Облегчение – оттого, что слишком уж гнусным было его предположение, нехорошим, опасным, и если бы оно оправдалось, то...

– Здесь не очень чистый камень, – извиняющимся тоном сказала консультант. – Но и цена приятная. Зато огранка выше всяких похвал.

Клиент застыл, разглядывая кольцо белого золота. Словно не слыша ее, судорожно схватился за лупу.

Милая девушка-консультант что-то ворковала, но Антон и впрямь будто оглох. В ушах у него стоял шум раскачивающегося вагона, бодрый перестук колес. Что он тогда сказал, вывалив свой груз из мешка? «Не самая лучшая партия».

Партия действительно была не самой лучшей. Один из камней и вовсе был с видимой трещинкой в форме английской «S», хоть и крошечной, но вполне заметной.

Кольцо с этим бриллиантом и держал сейчас в руках Антон Белов.

Он очнулся, заметив недоумение, мелькнувшее во взгляде консультанта.

– Никогда не видел включений такой интересной формы, – объяснил Белов свой интерес, возвращая кольцо. – Спасибо, что-то мне ничего не приглянулось.

И пошел к выходу, игнорируя попытки девушки «предложить кое-что еще». Это выглядело грубо, но он и не должен быть вежливым.

Он вышел на улицу и скрылся в ближайшем переулке. Антон шел, не разбирая дороги, уходя все дальше от опасного «Падишаха». Его начало потряхивать, словно от озноба, по лбу стекали капли холодного пота.

Худшие его опасения подтвердились. Догадка Белова оказалась справедлива, но никакого удовлетворения от этого он не испытал. Более того – Антон многое отдал бы за то, чтобы ошибиться. Его охватила ярость, когда он осознал, что произошло и кто организовал нападение на него.

«Нападение? Нет, это было не просто нападение, а попытка убийства. Ему требовалось убить перевозчика, убить посреди жилого района, с выстрелами и привлечением внимания! Сволочь...»

Антон бессильно опустил на ступеньку возле дома, не обращая внимания на взгляды прохожих. Платок, который он то и дело прижимал ко лбу, промок насквозь. «Мне срочно нужна машина... Иначе я свалюсь где-нибудь здесь».

Из последних сил он поднялся, доковылял до обочины и поднял руку. К счастью для него, работа Петра Семеновича и тут сослужила хорошую службу: к представителю мужчине, хоть и бледному и, похоже, крепко выпившему – так, что еле стоял на ногах – тут же подскочила грязная «Лада».

Но Антону было не до того, чтобы выбирать средство передвижения. Он кулем повалился на заднее сиденье, пробормотал адрес и облегченно закрыл глаза.

Майя возвращалась с продуктами из магазина. Увидев у подъезда немолодого мужчину, державшегося рукой за стену, она перепугалась и бросилась к нему, решив, что человеку плохо. Мужчина обернулся – и Майе хватило одного взгляда: она узнала Антона.

Сдержав восклицание, подхватила его под руку и быстро повела в дом.
– Ты ранен? – тихо спросила она. – Ранен?!

Антон покачал головой.

– Устал... – выдавил он, вцепляясь в перила, чтобы не обрушиться всем весом на Майю.

Кое-как они дотащились вверх по лестнице, ввалились в квартиру. Через три минуты Антон уже крепко спал на своей кровати.

Консультант Жанна, работавшая в ювелирном магазине «Падишах», закончила свою смену и собиралась домой.

– Что-то вид у тебя встревоженный, – бросила, проходя мимо, коллега. – Все в порядке?

Жанна, подводящая губы, замерла перед зеркалом с открытым тубиком в руках. Встревоженный? У нее?

– Нет, просто устала, – отмахнулась Жанна и поймала себя на том, что говорит неправду.

Ничуть она не устала. Посетителей в «Падишахе» было не так уж много, ее не терзали капризные или сложные клиенты, как случалось иногда. Наоборот – люди приходили воспитанные, интересные, как, например, тот высокий молодой человек с усиками, который выбирал колечко и при этом загадочно поглядывал на нее. Жанна уже размечталась, что он преподнесет кольцо ей, как внезапно в салон впорхнула стриженная тщедушная девица и вцепилась в красавца. У него, бедняги, даже усики обвисли от огорчения... «Но колечко-то они так и не купили», – злорадно подумала Жанна.

Она любила «примерять» клиентов на себя. Представляла себя замужем то за одним, то за другим. Выбирала! И в конце дня подводила итоги: кого бы взять? Память у Жанны была превосходная, и ей ничего не стоило мысленно воспроизвести лица мужчин, приходивших в салон.

Сегодня было на кого обратить внимание. Вот, например, клиент, который сначала долго рассматривал украшения, а потом вдруг ушел, словно вспомнил что-то важное. Приятный мужчина, обходительный, хоть и в возрасте...

И тут Жанна поняла, что подспудно тревожило ее весь остаток дня. Этот самый клиент! По виду – типичный чиновник: к ним часто захаживали такие. Но что-то в его взгляде было такое, что сбило Жанну с толку. Мужчина улыбался, болтал с Жанной, но глаза у него оставались серьезными – она, со своим женским чутьем, всегда замечала такое. Жесткий у «чиновника» был взгляд, недобрый, словно он не за украшениями пришел, а убить кого-то. А украшения – так, для отвода глаз...

«Киллер, – мелькнуло в голове у Жанны, – и смотрел как волк».

Она машинально спрятала помаду в сумочку и нерешительно пошла к выходу. Что за глупости? Ей что-то померещилось, а она приличного мужчину уже в убийцы записала. Может быть, у человека на работе проблемы! Может быть, у него душа за Россию болит!

Жанне снова вспомнились темно-голубые глаза и волчий взгляд. Девушка постояла, развернулась и пошла обратно, к менеджеру салона.

Та не нашла в ее рассказе ничего криминального, но на всякий случай

отправила к начальнику охраны. «Падишах» охранялся своими – одной из структур, подчиненных Николаю Хрящевскому. Жанна второй раз неловко изложила свои подозрения.

– Сергей Иванович, я ничего плохого не могу сказать об этом человеке, – закончила она. – Просто было что-то странное... даже не знаю, как это описать.

– А не надо ничего описывать. Надо запись посмотреть – вот и все.

Нашли запись. Сергей Иванович наклонился к монитору.

– Что это он за лупу схватился? – пять минут спустя спросил он.

– Хотел бриллиант как следует рассмотреть. Это разрешается, – успокоила его Жанна.

Теперь она сама не понимала, отчего забеспокоилась. Клиент как клиент, вьедливый немножко, вот и все. Запись не передавала того ощущения опасности, которое исходило от него.

– Он как хищник, – тихонько сказала Жанна. – Кажется, украшения его совсем не интересовали.

– А что интересовало?

– Н-не знаю. Я, наверное, зря вас побеспокоила.

– Зря ничего не бывает, – философски заверил ее начальник охраны. – Ничего, разберемся с вашим красавцем.

Когда девушка ушла, он еще два раза просмотрел запись. На систему охраны в «Падишахе» не поспешили, и камеры внутри стояли отличные, так что Сергей Иванович мог во всех подробностях рассмотреть лицо клиента.

Начальник охраны считал всех женщин дурами, однако был уверен в том, что к их интуиции надо прислушиваться. Некоторая парадоксальность такой позиции его не смущала. Поэтому и к словам Жанны он отнесся серьезно. Девчонка работала в салоне третий год, значит, успела присмотреться к клиентам. Отчего она выделила именно этого?

После второго просмотра Сергей Иванович вывел на монитор крупным планом лицо мужчины и задумался. Его тоже что-то насторожило. Он не мог сформулировать, что конкретно, и эта неопределенность ему не нравилась.

Начальник охраны был ответственным человеком и перестраховщиком. На секунду у него мелькнуло желание выкинуть из головы всю эту ерунду с нервной девчонкой и ее клиентом, но он поборол его и позвонил приятелю, работавшему в той же структуре рангом выше.

– Валентин Петрович? Здравствуй! Слушай, мне твой совет бы нужен.

Есть пять минут?

Пяти минут не понадобилось. Валентин Петрович, открыв присланный файл, минуту смотрел на подозрительного визитера, а затем остановил запись и выругался. Он изучал не одежду, а лицо, и незатейливый грим не смог обмануть его. Дымов твердо знал: в «Падишах» приходил тот самый человек, который, по словам его помощников, упал с крыши и разбился насмерть больше двух недель назад.

Глава 7

Когда Антон открыл глаза, комната вокруг него была погружена в нежное розовое свечение. Что это? Утро? Вечер? Сколько времени прошло с тех пор, как он отключился?

– Ты проспал двенадцать часов, – сообщили ему. – Сейчас пять утра.

На стуле возле его кровати сидела Майя с открытой книгой на коленях. Вид у нее был уставший.

– Ты что, все это время провела здесь? – поразился Антон.

– Нет, конечно, – она потянулась и закрыла книгу. – Думаешь, я буду стеречь твой сон? Мне просто не спалось, а ты отвратительно скрипел зубами и стонал. Я подумала, что если это перейдет всякие границы, то придется придушить тебя подушкой.

Антон ощупал лицо руками. Грим на месте. Может, бежать как можно дальше отсюда, пока его снова не обнаружили? С учетом того, что он узнал накануне, это было бы самым разумным решением. «Официально я покойник, как верно заметила Майя». Отсидеться пару дней у Петра Семеныча, освоить искусство грима... Много ли ему нужно? Увеличить нос, добавить седины...

«Каждое утро будешь увеличивать нос? – спросил Антон самого себя. – Так до своей собственной седины доживешь с накладным носом. И потом, Майя...»

«Что – Майя? Что – Майя?! – набросился он на самого себя. – Не впутывай ее в свои дела!»

Белов поднялся, с облегчением чувствуя, что его тело не отзывается болью на каждое движение. Хотелось смыть грим и остаться со своим лицом.

– Я сейчас, – пообещал он.

Когда Антон вернулся, Майя дремала, сидя на стуле. Он постоял возле нее, с жалостью глядя на темные круги у нее под глазами, и сделал попытку перетащить женщину на кровать. Но при первом же его прикосновении она вздрогнула и проснулась. В синих глазах заметался страх.

– Все в порядке, – тихо сказал Белов. – Здесь никого нет. Ложись, поспи.

– Я думала... – забормотала Майя. – Нет, неважно. Ты снова уходишь? Антон покачал головой.

– Вчера, когда ты уезжал... – осторожно начала она. – Там у тебя все

прошло нормально?

Белов сел на кровать, устало потер лоб. Майя наклонилась к нему, вопросительно заглянула в глаза.

Вся ее решимость «не иметь больше дела с этим уголовником» испарилась в тот момент, когда она увидела его с этим нелепым толстым животом, состаренного лет на пятнадцать, вцепившегося белыми пальцами в стену дома.

– Я был вчера в одном из салонов Хрящевского, – неожиданно для самого себя признался Антон.

– Николая? – нахмурилась Майя. – Того, который приезжал в наш салон?

– Того самого. А посетил я его «Падишах». Знаешь такое место?

Майя кивнула. Конечно, она знала «Падишах». О нем все знали.

– Новинки попадают именно туда, – продолжал Антон, мрачняя. – Я переоделся приличным человеком, чтобы не светить свою рожу, и приехал выбрать подарок любимой.

Он усмехнулся, но вместо ухмылки получился оскал.

– И в одном из отделов я обнаружил весьма интересные украшения. Интересны они в основном тем, что сработаны из тех бриллиантов, которые я вез, когда на меня напали. Ты понимаешь, что это значит?

Майя помотала головой. Она видела, что он очень зол, но не понимала причины.

– Мой работодатель – Николай Хрящевский! – процедил Антон. – Это ему принадлежит груз, который я перевозил. Тебе не кажется удивительным, что «мои» бриллианты вновь оказались у него? Хотя их отобрали у меня в двух шагах от цели?

Майя осмыслила сказанное и осторожно предположила:

– Ты хочешь сказать, что твой груз каким-то образом вернулся обратно к Хрящевскому? Возможно, человек, который стоял за ограблением, продал бриллианты настоящему владельцу? Или просто отдал. Например, испугавшись его мести.

Антон невесело рассмеялся:

– Испугавшись мести? Нет, нет. Это было бы слишком сложно. Все гораздо проще! Я хочу сказать, что человек, который отправил меня с грузом, сам же его и отобрал. Меня подставили под нападение, понимаешь?

Майя недоверчиво уставилась на него:

– Ты что, серьезно? Подожди, Антон... Ты уверен?

– Уверен, уверен... У меня и раньше имелись кое-какие подозрения, поэтому я и не позвонил своим – хотел разобраться до конца. Конечно, это

нарушение всех правил и инструкций. Но если бы я им последовал, то сейчас был бы уже мертв.

– Подозрения?

Антон подошел к окну и осмотрел двор, прячась за шторой. Во дворе было тихо. Он обернулся к Майе:

– Да, подозрения. Меня мучило одно соображение: отследить перевозчика чертовски сложно. К тому же за мной не было слежки, я готов поклясться!

– Тогда как же тебя выследили?

– Маячок, – кратко объяснил Белов.

– Что это значит?

– Такое устройство, которое позволяет наблюдать за всеми моими перемещениями. Маячок может быть совсем крошечным, с булавочную головку. Но если бы его посадили на меня во время маршрута, я бы заметил.

– А если бы этим занимался карманник? – усомнилась Майя. – Профессионал?

– Это неважно. Не забывай, нас обучали держать под контролем все, что происходит вокруг во время выполнения задания. Я точно помню, что ни у кого в тот день не было возможности прикрепить что-то к моей одежде.

– В троллейбусе к тебе не притирались случайные попутчики? Ты ни с кем не сталкивался на улице?

Антон вздохнул. Как ей объяснить, что столкновение на улице – это ЧП, после которого он должен принять определенные меры? Что ни один карманник не может «притереться» к нему, а если попробует, то очень пожалеет об этом?

– Поверь мне на слово, – сказал он, решив не вдаваться в объяснения, – ничего похожего не происходило. Единственное место, где меня могли «пометить», это поезд. Со мной вместе ехали два паренька, которые поначалу вызывали у меня подозрение, а отследить все действия попутчиков невозможно. Так что сначала я грешил на поезд, но потом совершенно точно вспомнил, при каких обстоятельствах поставили «маяк». Догадался после того, как увидел бриллианты в «Падишахе».

Антон поморщился. Котов, мерзавец! Сашка Котов, с глазками как у целлулоидного пупса, облапивший его перед поездкой, бормотавший что-то на ухо, словно пьяный... Котов, вечно желавший курьерам удачи с такой гаденькой ухмылкой, что хотелось стряхнуть с себя его пожелание, будто плевков. Теперь Белов не сомневался, что это именно его рук дело.

– Один тип из нашей службы безопасности, – пояснил он Майе. – Разве что целоваться ко мне не лез, а я, дурак, не сообразил, что все это не просто так. Они вели меня всю дорогу, и не было никакой необходимости в «живой» слежке: им и так было известно, где я нахожусь в конкретный момент. Они просчитали мой маршрут на коротком отрезке, и, когда я зашел во двор, «сержант» с напарником уже дожидались меня.

Майя напряженно думала.

– Зачем, – вслух начала она, – нужно отбирать груз у своего же курьера? Зачем убивать его? Ведь ты же не личный враг Хрящевского, правда?

Антон усмехнулся.

– Нет, конечно. Я – курьер, Майя. Мелкая сошка. Разменная монета!

– И зачем понадобилось тебя разменивать?

– Хороший вопрос. Я не знал бы ответа, если бы ты не рассказала мне о Вермане и той истории, в которую он влип.

Майя насторожилась.

– При чем здесь Верман?

Антон отошел от окна и сел на кровать. Марецкая не сводила с него глаз.

– Хрящевский затеял большую игру, цель которой – свалить Купцова, – сказал он. – Мы с тобой уже говорили об этом.

– И основным игроком в его партии выступает Моня, который должен подставить Купцова перед покровителем, – кивнула Майя. – Я помню. Но ты-то как оказался втянут в это дело?

– Думаю, Хрящевский захотел подстраховаться и с другой стороны. На случай, если Аман посмеет обвинять его, он решил запастись убийственным аргументом – гибелью собственного курьера. Раньше ходили слухи о том, что именно люди Купцова нападали на перевозчиков, но подтверждения этим рассказам не находилось. Вряд ли они правдивы, поскольку Аман Купцов действует совсем другими способами. Убийства курьеров не в его характере. Но Хрящевский наверняка собирался обставить все так, что виноватым выглядел бы Аман. Поэтому и было организовано убийство среди бела дня – чтобы привлечь как можно больше внимания к этому случаю.

– Но как бы Хрящевский доказал, что твоя смерть заказана именно Купцовым, а не кем-то другим? – возразила Майя.

– Самый простой способ – связать убийство и Купцова с помощью оружия. Те, кто охотился за мной, должны были сбросить на месте преступления ствол. Дальше все элементарно: сыскари находят оружие

возле моего тела, убеждаются, что пули выпущены из него, пробивают ствол по базе и видят, что он принадлежит кому-то из охранников Амана. Тот, конечно, будет твердить, что пушку у него украли, но его никто не станет слушать. Выстраивается логическая цепочка: курьер Хрящевского убит человеком Амана Купцова. Уверен, что именно так все и задумывалось.

– Но поскольку ты остался жив...

– Но поскольку я остался жив, – продолжил Антон, – все пошло не так. Теперь, если узнают, что я не умер, меня должны прикончить хотя бы затем, чтобы я не начал болтать лишнего. Как сейчас, например.

Он замолчал, рассеянно барабанил пальцами по спинке кровати.

– Чертовски неприятно оказаться расходным материалом, – пробормотал он. – Пешкой. Хотя будь я ладьей, как Верман, это ничего бы не изменило. Какая разница, кем умирать – пешкой или ладьей?

– Никто не собирается умирать, – резко возразила Майя. – И при чем здесь Моня?

– Ты шутишь?

Они уставились друг на друга: Майя – с неожиданной враждебностью, Антон – недоверчиво.

– При чем здесь Моня? – повторила она.

Антон наклонился к ней, и Майя подавила желание отодвинуться назад. У нее возникло неприятное ощущение, что она только что выставила себя идиоткой. Темно-голубые глаза сверлили ее, и оказалось нелегко выдержать этот взгляд.

– Ты в самом деле не понимаешь, – бесстрастно констатировал Антон. – Хорошо, я объясню. Начинается передел ювелирного рынка, и в ход пойдут все средства. Они уже пошли: Вермана шантажируют, меня едва не прикончили. Хрящевский избавляется от конкурента. Григорий Стропарь ему не по зубам, Николай не рискнет замахнуться на такую машину. Но Амана он подведет под монастырь. А когда его план осуществится, Хрящ начнет подчищать за собой следы. Независимо от того, получится у Мони подсунуть Купцову бриллианты Хряща или нет, участь его решена, ведь он – свидетель, ключевая фигура на шахматном поле. Допустим, Верман решит рассказать обо всем Купцову...

– Не решит, он уже принял правила игры.

– Только допустим! Твой Моня далеко не дурак, он понимает, что недолго проживет после этого, потому и не идет к Аману. Но чего он, похоже, не понимает – так это того, что и после падения Купцова он тоже проживет недолго. Хрящевский никогда не оставит в живых такого

серьезного свидетеля его игры! Поэтому Верман при любом раскладе не жилец. Ни он, ни все, кто замешан в этом деле. Хрящ избавится от каждого!

Побледневшая Майя молча смотрела на него, и Белов окончательно разозлился. Ужас, проявившийся у нее на лице теперь, когда она все поняла, привел его в ярость. Ее ужас показывал, насколько далека от него, Антона, эта благополучная красивая женщина, насколько ее мир спокойнее и безопаснее, как далеко ее дорога уходит в сторону от его собственной. Такую женщину он мог бы встретить в прошлой жизни, не в этой. А в этой их неумолимо разводило друг от друга, и он ничего не мог с этим поделать.

– Бросай своего Вермана и смывайся, – грубо посоветовал Белов. – Помочь ничем не сможешь, только под ногами будешь путаться. Заодно и тебя пристрелят под шумок, чтобы не сболтнула лишнего. Теперь дошло, во что ты ввязываешься?

Она молчала.

– Я уйду через час, – пересилив себя, добавил Антон. – В твоей квартире не должно остаться никаких следов моего пребывания.

Майя встала, словно соглашаясь. А в следующую секунду теплые руки обвилились вокруг его шеи, как будто ничего и не было сказано, и на него пахло слабым горьковатым кофейным ароматом.

– Ты что, дурак? – дружелюбно спросила Майя. Она смотрела на него снизу вверх с каким-то детским любопытством и не собиралась разжимать руки, хотя он мотал головой и пытался выбраться из плена. – Ты думаешь, я сейчас все брошу и уеду, да? Моню брошу, тебя... Ты правда так считаешь?

– Слушай... Отпусти! – буркнул Антон. – Что за глупости! Ты что, ребенок? Хватит цепляться!

Но Майя продолжала обнимать его. Оттолкнуть ее Антон боялся и стоял, как идиот, не понимая, что ему делать. Еще этот ее странный, щекочущий ноздри запах... Он волновал, будоражил, заставляя забыть о благих намерениях. Эта женщина – высокая, гибкая, сильная – хотела его, не скрывая своих желаний, и сейчас Антон никак не мог сообразить, какого черта ему взбрело в голову отказываться от такого подарка судьбы.

– Ты можешь говорить что угодно, – сказала Майя, не дождавшись ответа, – но я никуда не поеду. И мне будет гораздо легче, если ты перестанешь обижать меня и грубить. И вообще...

Что «и вообще», она не закончила, тонкими пальцами пробежавшись по пуговицам на своей рубашке. Рубашка полетела на пол, и на полу через несколько минут оказалась очень кстати, потому что до спальни они так и не дошли.

Час спустя Майя задремала на его руке, промурлыкав перед тем, как закрыть глаза, что-то вроде «а ты хотел уйти...»

– Слушай, я только...

«...собирался защитить тебя», – должен был закончить Антон. Но замолчал. Ему не хотелось ничего говорить, а хотелось лежать, незаметно засыпая, ощущая тяжесть ее лохматой головы на руке и тепло дыхания на своей коже.

К тому же именно сейчас он окончательно понял, что не сможет сказать ничего, что изменило бы ее решение. Для Майи побег был сродни предательству.

Ему вспомнилась Лена – маленькая, хрупкая, похожая на олененка Лена. Большеглазое чудо, такое нежное, такое неприспособленное к жизни... Стоило им пожениться, и она немедленно уволилась, закатив напоследок на работе грандиозный скандал. Белов тогда удивился: он не представлял ее скандалящей, выясняющей отношения.

Она осела дома, стала много читать, красиво и умно говорила с ним по вечерам о теме совести в творчестве позднего Чехова. Приобщила Антона к выставкам и театру. Была легка, жизнерадостна и чуточку бестолкова – как раз настолько, чтобы это добавляло ей прелести.

И первая сбежала, когда Антона начали *выживать* из города.

Конечно, он сам предложил ей уехать. Его компаньона тогда убили... Да нет, черт возьми, не компаньона, а Саньку! Хитреца и балагура Саньку, который на всех школьных фотографиях скалил зубы, и даже в детском садике на горшке был снят с лукавой ухмылкой – хоть и беззубой. Саньку, готового лезть за Антона в любую воду, в любой огонь – и все с тем же радостным оскалом. Он и стоя перед дьяволом усмехался бы ему в лицо.

Его застрелили выстрелом в голову. Стоя над телом друга в морге, Антон не чувствовал ничего, кроме недоумения: что они здесь делают, он и Сашка? Им обоим здесь не место.

Он вернулся домой, рассказал обо всем Леночке и прибавил, что ей лучше уехать.

– Да, я тоже так решила, – кивнула жена. Он проследил за ее взглядом и увидел у стены собранный чемодан.

– Когда ты позвонил и сказал, что Сашу застрелили, я сразу подумала – ты захочешь, чтобы я была в безопасности, – прибавила она, глядя на него честными глазами.

Конечно, он именно этого и хотел... И не мог понять, что же его так поразило в этом собранном чемодане с выпирающими боками.

Спустя час Лена уехала. На прощание она ласково погладила его по

щеке:

– Бедный мой, бедный! Ничего, это скоро закончится, и я приеду.

Он тупо кивнул, чувствуя то же, что и в морге: глухое недоумение.

Жена больше не приехала. О том, что она подала на развод, он узнал из сухой официальной бумаги. Неприспособленный к жизни олененок обнаружил удивительную деловую сметку, опустошив его счета и отсудив половину квартиры. Воспользовавшись тем, что Антон не вылезал от следователя, Лена вывезла все содержимое квартиры, включая стулья. Мужу она оставила только книги. Чехов с его совестью больше ее не интересовали.

Когда Майя с Антоном проснулись – одновременно, от какого-то звука, – она села на кровати, потянулась к Белову.

– ...а ты мне не пообещал, – пробурчала она ему в плечо.

– Что не пообещал?

– Что не будешь больше грубить! Обещай!

Белов, ничего не говоря, просто молча кивнул, соглашаясь: да, он больше не будет обижать ее. Майя с опаской бросила взгляд в окно, ожидая, что отражение снова сыграет с ней злую шутку, но никакого отражения не увидела – только небо, накрывшее макушки домов, и больше ничего.

Валентин Петрович Дымов, начальник службы безопасности Николая Хрящевского, выглядел добродушным, как наевшийся булочек слон. Он даже не смотрел на Игоря и Гену: сидел себе с чашкой в руках, шумно втягивал горячий кофе. Но те сидели перед ним ни живы ни мертвы.

Игорь бросил косой взгляд на Генку. Да, напарник оказался жидковат: вжался в спинку стула и, похоже, даже старался не дышать. Глаза при этом верноподданнически выпучил и взирал на Валентина Петровича с готовностью выполнить любые его указания.

«Придурок».

Сам Игорь смотрел в пол. Хороший у него под ногами пол, паркетный. Можно разглядывать линии на паркетинах и не думать о том, что «убитый» перевозчик объявился здоровым и невредимым.

И не просто объявился! А пришел в «Падишах», замаскировавшись, и только случайность помогла его узнать.

«Чертова девка, – подумал Игорь о неизвестной женщине из салона. – Сидела бы тихо, не лезла ни к кому со своими рассказами о подозрительном клиенте. Теперь из-за нее, стервы, с меня заживо шкуру

сдерут».

Он рассчитывал, что все обойдется. И обошлось бы, если б не бдительная девчонка! Игорь прошерстил бы больницы, нашел «своего» раненого и прикончил бы его без лишних слов. А теперь что получается? Получается, что он кругом виноват.

Сейчас самое главное – молчать о бабе, которую Игорь зарезал. Хорошо, что он был один, без Генки, и никто его не видел. Если до Дымова дойдет, что Игорь знал о спасении перевозчика и пытался исправить ситуацию своими силами, тогда...

Что случится «тогда», Игорь додумывать не стал. И без того картины одна мрачнее другой рисовались его воображению. И чем дольше он сидел перед молчащим начальником, тем сильнее разгоралась в нем ненависть к курьеру.

Вот кто причина всех его бед! Игоря скрутило от злобы. Мало того, что не сдох, сволочь, когда ему полагалось, так и потом не растворился в неизвестности, а выбрался на поверхность из своей норы – и попался под глазки вездесущих камер. Словно нарочно проделал все, чтобы подставить Игоря.

«Сука, – бессильно подумал Игорь. – Сука, сука, сука...»

Дымов шмякнул чашку об стол с такой силой, что кофе выплеснулся на столешницу. Оба исполнителя подскочили. Мысли о курьере тут же вылетели у Игоря из головы.

– Лишних слов говорить не буду, – с тихой угрозой начал Дымов. – Из-за вашего разгильдяйства мне придется подключать к поискам Белова весь отдел. У вас есть только одна возможность реабилитироваться. Нужно объяснить какая?

Напарники дружно замотали головами.

– Найдете курьера и бриллианты – поставлю перед Николаем Павловичем вопрос о снисхождении, – продолжал Дымов. – Не найдете, расскажу все как есть. Уж не обессудьте, меткие вы мои.

И улыбнулся такой нехорошей улыбочкой, что у Игоря по спине пробежали мурашки.

– Вопросы есть? Если нет, то пошли вон. Сначала на инструктаж, а потом – исправлять ошибки.

Игорь собрался с духом и осмелился обратиться:

– Валентин Петрович...

Тот зыркнул так, что Игорь пожалел, что вообще открыл рот. Но останавливаться было поздно.

– Валентин Петрович, можно мне ознакомиться с делом Белова?

– Не можно, а нужно. На инструктаже получите. Пошли вон, я сказал!

Парень, руководивший розысками курьера, усадил Игоря за компьютер и ввел пароль доступа к папке с файлами.

– Изучай. У тебя двадцать минут.

Игорь сощурился перед монитором.

Итак, Белов Антон Сергеевич. Новосибирский технический университет, механико-технологический факультет... Ушел с пятого курса – почему же, интересно? – отправился служить в армию. Про уход из университета – ни слова. Воевал в Чеченской республике... награжден... еще раз награжден... Ага, вот и демобилизован. Ну-ка, ну-ка, чем занялся Антон Белов на гражданке?

Во-первых, уехал из Новосибирска в Екатеринбург. Во-вторых, женился. В-третьих, вместе со школьным приятелем организовал предприятие по производству кровли.

«Бизнесмен, значит, – хмыкнул Игорь, дочитав до этого места, – легкую деньгу зашибал, да?»

На следующей странице выяснилось, что долго зарабатывать Белову не дали. Спустя три года его фирма была признана банкротом. С женой курьер развелся («Кому ты нужен, неудачник?» – усмехнулся Игорь), а его компаньон был застрелен. Подозрение пало на Белова, он ударился в бега. Где скрывался – неизвестно, но через четыре года проявился в Москве, где обходными путями попал к Хрящевскому. Прошел обучение и стал курьером, причем считался одним из лучших.

Игорь открыл характеристику Белова, догадываясь, что ничего хорошего не увидит. Из разных умных слов, написанных в характеристике, он понял лишь, что интеллект выше среднего и скорость реакций опережает норму.

«Значит, не дурак. И быстрый».

Но об этом Игорь знал и без досье.

Он не нашел главного: списка контактов. Где друзья, где круг общения перевозчика? У кого он может скрываться, раз уже вышел из больницы и спокойно расхаживает по городу? В квартире у него уже побывали люди Дымова и забрали оттуда все, что могло бы пригодиться курьеру: деньги, одежду... Возле дома выставили наблюдение, но Игорь был уверен, что Белов не пойдет домой. Потому что интеллект выше среднего, как ни крути.

И зачем же Антона Белова с его интеллектом понесло в ювелирный магазин Николая Хрящевского? Игорь задал этот вопрос, но ответа на него

не получил. Вернее, услышал, что его это не касается.

– Скоро у нас будут записи с камер наблюдения во всем районе, – сказал ему руководитель группы. – Попробуем узнать, куда он делся после того, как вышел из «Падишаха». И неплохо бы понять, где он сподобился такую физиономию нарисовать. Художник!

.....

По проспекту неторопливо шел вальяжный мужчина в плаще и шляпе. День с утра выдался ветреный, с брызгами холодного дождя, поэтому плащ и шляпа никого не удивляли. Посмотрев на небо, мужчина остановился, встряхнул над собой зонт – и черный купол раскрылся над ним. Господин в шляпе поправил свой головной убор, чуть надвинув его на лоб, и немного опустил зонт вперед. Разумеется, только для того, чтобы на его лицо не попали дождевые капли.

Людей с зонтами в этот день на проспекте было много, и человек, сидевший в машине возле салона «Афродита» и следивший за магазином Мони Вермана, не обратил внимания на посетителя в шляпе. А если бы и обратил, лицо визитера было прикрыто краем зонта.

Посетитель поднялся по ступенькам, уверенно вошел в салон. Сложенный зонт он повесил на руку и огляделся. Две покупательницы возле правой витрины выбирали украшения, советуясь с высоким рыжим консультантом, и до вошедшего доносился их негромкий смех. С другой стороны был отгорожен небольшой закуток со стеклянной перегородкой. Через стекло посетитель видел две фигуры, склонившиеся над своими столами в одинаковой позе: толстенького коротышку с круглой, как озеро, лысиной, и коротко стриженную брюнетку с точеным профилем.

Из какой-то подсобки вынырнул еще один толстячок, – копия того, застекельного, – выжидающе взглянул на клиента.

– Здравствуйте. Я могу вам помочь?

– Можете, – согласился тот. – Вы – Верман?

Толстячок помолчал, изучая посетителя. Под пристальным взглядом тот почувствовал себя не совсем уютно. Небритость, манера держать зонт, красные костяшки пальцев – ничто не ускользнуло от внимания толстячка.

– Я – Верман, – сказал он наконец. И, понизив голос, утвердительно добавил: – А вы – перевозчик. Идите за мной.

Моня скользнул в кабинет, и посетитель последовал за ним.

Если бы парень в машине внимательно наблюдал за салоном, то заметил бы, что человек в плаще и шляпе не вышел оттуда ни через час, ни через два. Но наблюдатель уже изрядно устал, и ему было не до того, чтобы

считать клиентов. Поэтому о необычном визитере никто не узнал: ни шеф службы безопасности Хрящевского, ни его подчиненные.

... – М-да, хорошенькие новости вы нам принесли!

Моня строго посмотрел на курьера. Тот только что обрисовал перспективы сотрудничества с Хрящевским, и Верман, послушав его, покраснелся и обозлился, как будто это перевозчик был во всем виноват.

Они сидели в кабинете: Сема, Моня и Антон Белов. Майя с Яшей занимались покупателями. Верман закрыл в кабинете окна, а Дворкин прошел по комнате с длинным щупом, водя им по стенам. Щуп, похожий на длинный тараканий ус, не пискнул ни разу.

– Да успокойтесь уже, Сема, успокойтесь! – прикрикнул Верман. – Третий раз проверяете на прослушку! Жучков здесь нету, никто вас не услышит. Можете смело нести любую ахинею.

Вместо ответа Дворкин нацелил тараканий ус на Моню.

– А ведь вы, Верман, тот еще жук, – задумчиво проговорил Сема. – Почему же не пищит?

Моня страдальчески закатил глаза.

Антон наблюдал за ними с любопытством. Положение этих двоих было аховое. Если у ювелиров и были сомнения в том, оставит ли Хрящевский их в покое по завершении этой истории, Белов сделал все, чтобы их развеять. Кажется, у него получилось. Они поверили ему, потому что не хуже Антона знали, на что способен Хрящ. Он видел, что оба ювелира в действительности панически боятся Хрящевского, боятся куда больше, чем сам Антон.

Но эти два колобка все равно шутили и подначивали друг друга. Ни один из них после короткой речи Белова не схватился за голову, не ударился в истерику... Да что там – они даже не помрачнели!

«Что им, жить надоело? Или все-таки они не до конца осознали, что их ждет?»

– Послушайте, – как можно убедительнее сказал Антон, – я несколько лет работал на Хряща. Он – бульдозер! Не умеет огибать углы и едет только напрямик. Ему вас обоих раздавить – раз плюнуть. Поверьте мне, он устранит вас, как только вы станете ему не нужны. Конечно, для нас самое простое решение проблемы – силовое, но сейчас это почти невозможно осуществить. Так что перевес на стороне Хрящевского. Я понятно говорю?

Мягкостью интонации он постарался искупить жестокость сказанного.

– Мы верим вам, молодой человек, – заверил его Дворкин. – Действительно, некоторые из нас питали кое-какие иллюзии на свой

счет... – он метнул уничижительный взгляд на Вермана. – Но достаточно оказалось побеседовать с вами, и все стало ясно.

Моня незаметно изучал перевозчика. «Боже ж мой, с кем связалась Марецкая? Совершенно неинтеллигентное лицо! Курьер! Пф-ф! Но глаза неслепые, вовсе даже не глупые...»

Верман не признался самому себе, что этот мужчина, с такой легкостью перевоплотившийся из солидного покупателя в мрачного небритого типа, его немного пугал. Он не мог его понять. Перед ним сидел непроницаемый человек, и заглянуть чуть глубже его оболочки Моня не мог, как ни старался. Он видел лишь, что этот тип далеко не дурак, но не понимал, чего курьер хочет от них. А тот хотел, иначе бы не пришел. Может быть...

Лицо Вермана просветлело: он решил, будто понял, что движет их гостем.

– Я оценил вашу любезность, – вкрадчиво начал он. – Вопрос в том, во сколько ее оценили вы.

И выделил: «во сколько».

В глазах курьера мелькнула усмешка. Моня вдруг почувствовал, что сейчас услышит что-то очень неприятное, даже оскорбительное. Но снова ошибся.

– Я не намерен за ваш счет поправить свое финансовое положение, если вы это имели в виду, – улыбнулся перевозчик, показывая, что оценил шутку. – Я лишь предлагаю объединить усилия. У нас с вами общий враг. И меня, и вас ждет один финал, если мы попадемся ему в руки. Разница между нами лишь в том, что за мной ему нужно охотиться, а вы уже сидите в его клетке и ждете развязки. От вас мало что зависит.

Дворкин с досадой крикнул.

– И что вы предлагаете? Думаете, мы не говорили об этом? Видите ли, мой юный друг, Николай далеко не идиот, он все неплохо продумал. Со дня на день Аман Купцов обратится к Моне с заданием: без всякой спешки подобрать ему дюжину бриллиантов. И не какие-нибудь бразильские, а с хорошей историей.

– Почему именно дюжину?

– Можно и больше, но двенадцать – счастливое число Станислава Коржака. Итак, нужны бриллианты. И в этом самом месте запланирован выход Мони Вермана. Он с честным лицом заявит Аману, что у него на примете есть подходящие камни. Как раз такие, какие требуются.

– Вот такое удивительное совпадение, – злобно пробурчал Моня себе под нос.

– Молчите, Верман, дайте мальчику послушать. Конечно, Аман

удивится, но и обрадуется. Он доверяет Моне в ювелирных делах больше, чем самому себе. Моня получит от него деньги и благословение на совершение сделки – и отправится в Цюрих.

– Почему именно туда? – перебил Антон.

– По легенде, которую сочинил для него Хрящ, в Цюрихе обосновался коллекционер, потихоньку распродающий свою коллекцию. Таки он и впрямь там живет, об этом может узнать любой. Поэтому никаких подозрений у Амана не возникнет. Он даст Моне немного денежек – миллионов пять-шесть – и станет ждать его возвращения.

– А в Цюрихе? Не будет же Моня встречаться с настоящим коллекционером?

– Он встретится с тем человеком, которого подставит ему Коля Хрящевский, – терпеливо разъяснил Дворкин. – И возьмет у него партию крупных, но очень паршивых бриллиантов. Обратите внимание, что Коля Хрящевский еще и неплохо заработает на этой сделке!

– А Моня Верман привезет Аману двенадцать камней, которые постыдилась бы брать даже ювелирная лавка на Курском вокзале, – угрюмо подтвердил Моня, – и вручит под видом первого сорта.

Что-то зацепило Антона в последней фразе. «Вручит под видом первого сорта»?

– Секунду, – оживился он. – Что значит «вручит»? Неужели Купцов примет камни без проверки? Такого не может быть! Четыре миллиона долларов – не та сумма, чтобы верить людям на слово.

Дворкин и Верман одновременно тяжело вздохнули. Моня, словно испуганная черепаха, вжал голову в плечи, а Сема печально пошевелил губами.

– Что? – не понял Антон. – Купцов не проверит товар?

– Проверит, обязательно проверит! – заверил Сема. – Только не сам, конечно. Сам-то Аман в камнях ничего не понимает, он все больше по золоту... Отдаст камешки на геммологическую экспертизу, это уж как пить дать.

– И?

– Да не тяните вы kota за тестикулы, Дворкин, – рассердился Моня. – Скажите прямо: геммолог получит свою долю и подтвердит высокое качество камней. Вот и все решение!

– Хрящевский подкупит эксперта? – переспросил Антон.

– Разумеется, молодой человек!

– Купцов всегда обращается в один геммологический центр, – объяснил Моня. – С ним работают три человека. Для Хрящевского не

составит труда убедить любого из них немного... м-м-м... помочь ему. Поэтому, как видите, выхода нет ни с той стороны, ни с этой.

Белов помолчал, поглядывая на хмурого Моню и вздыхающего Сему. И все же вид у них был далеко не такой безнадежный, как можно было ожидать. Что же они задумали? Неужели два этих хитреца нашли какой-то выход или думают, что нашли?

Но спрашивать напрямик и рассчитывать на откровенность было явной глупостью: вряд ли Верман и Дворкин доверятся незнакомому человеку лишь потому, что Майя Марецкая представила его как их соратника по несчастью.

– У меня есть одна идея, – осторожно сказал Белов.

Ювелиры обменялись быстрыми взглядами.

– В чем же она состоит? – так же осторожно поинтересовался Сема.

– В том, чтобы свалить Хрящевского.

Повисла секундная пауза, а затем Верман от души расхохотался. Смеялся он так заразительно, что губы Антона тоже тронула невольная улыбка. Сема покачал головой, достал носовой платок и протянул напарнику.

– Свалить Хрящевского, Сема, вы слышали? – Моня вытер платком выступившие от смеха слезы. – Молодой человек, вы мне так нравитесь, что нельзя сказать! Вы напоминаете мне мою тетю Раю, женщину решительных действий! Я не рассказывал вам, как она переехала из Одессы на Брайтон-Бич? Нет? Ну что вы, это надо слушать и плакать натуральными слезами. Это такая история – Шекспир корчится в гробу!

– Верман, кто корчится в гробу, так это ваша покойная тетя Рая, – вздохнул Дворкин. – Она уже вся извертелась там, пока вы перемываете ее старые кости. Оставьте вашу тетю Раю, я вас умоляю, и послушайте этого юношу. Может быть, ему хочется говорить за дело?

– Если этому мальчику хочется, разве я скажу ему слово «против»? Но только за дело, а не за фантазии. Как будто до нас не было людей, которые сильно желали скинуть Хрящевского! Их было, я знаю, о чем говорю. Но где все эти люди, я хочу вас спросить? Почему мы их не видим, а видим Колю Хряща? Это был мой риторический вопрос, на который я хочу получить ваш риторический ответ!

Белов отметил, что он стремительно молодеет: начиналось с «молодого человека», пришло к «мальчику».

– У нас получится то, что не получилось у этих людей, – негромко сказал он.

Раскрасневшийся Верман уставился на него:

– Отчего же вы так в этом уверены, дитя мое?

Антон решил, что ниже падать уже некуда и на «дите» Верман должен остановиться. Он пожал плечами и скорчил пренебрежительную физиономию:

– Потому что у ваших людей не было того, что есть у вас.

– Эт-то интересно! – заволновался Верман и вскочил. – Нет, Дворкин, позвольте! Я хочу знать! Чего же не было у Юлика Левина, например? А у Севы Алмазного? Любой вам скажет, что у этих людей, ныне покойных, имелось столько мозгов, что хватило бы на троих Хрящевских! Но заметьте – Хрящевский жив, а они – наоборот! Может быть, у них не было находчивости? И снова скажу вам, что ничего подобного! Храбрости? Дай бог нам на двоих с Семой столько храбрости, сколько было у одного Севы. А за хитрость Юлика Левина я просто почтительно промолчу. Так чего же им не хватало, может быть, вы мне ответите, наконец?! Что такое есть у нас, чего не было у них?!

Белов пожал плечами и очень просто сказал:

– У вас есть я.

На следующий день Майя с утра отпросилась с работы. Хоронили Веру. С ней, считавшей себя одинокой, пришлось проститься столько людей, что бывший Верин муж то и дело удивленно осматривался, будто не верил, что все они не ошиблись похоронами. Двое ее сыновей, очень похожие на мать, держались в стороне от отца. Когда все закончилось, Майя подошла к ним.

– Мои соболезнования... – начала она, и тут горло у нее перехватило. У старшего, Саши, белобрысые волосы были собраны в хвост, как у Веры. И смотрел он на нее Веринными голубыми глазами, светлыми, как августовские колокольчики.

«Это такое очевидное счастье – когда тебя любят собственные дети», – вспомнилось ей.

– Она вас очень любила, – сказала Майя, стараясь не расплакаться. – Мы с ней говорили об этом незадолго до ее смерти. Она считала себя виноватой... в том, что вы этого не чувствовали.

Лицо юноши застыло. Второй тихо вздохнул и замер, будто задержал дыхание.

– Я должна была вам сказать. Вера жалела, что не говорила вам об этом сама, не давала понять, как любит вас. Очень жалела.

– Моя девушка беременна, – вдруг сказал Саша басом. – Я звонил, хотел сказать маме! А она...

Лицо его сморщилось, и он заплакал, уткнувшись Марецкой в плечо.

– Мама была бы счастлива, – негромко сказала Майя и погладила его по гладким русым волосам.

К салону она подошла, когда часы уже показывали четыре. Издалека Майя заметила черную шляпку и красное пальто. Опять янтарная бабушка? Пригляделась, и так оно и оказалось: конечно, кто, кроме Ольховской, мог носить крошечную черную шляпку поздней весной? Даже в конце мая Анна Андреевна, старенькая божья коровка, не изменяла себе.

Майя легко взбежала по ступенькам, приветственно тронула колокольчик, прошла три шага – и остановилась. Что-то было не так, как обычно. В салоне толпились посетители, Яша в одиночестве переминался за прилавком... И тут Майя сообразила: нет Мони и Семы.

– А где Верман с Дворкиным? – тихо спросила она, подойдя к племяннику.

– В кабинете.

– Оба?!

Верман терпеть не мог оставлять магазин на одного лишь Яшу. Что должно было произойти, чтобы он бросил салон без присмотра, когда здесь столько клиентов? Вчерашняя встреча с Антоном была исключительным случаем, и Майя знала наверняка, что Антон в эту минуту находится дома.

«Что-то серьезное».

– Я помогу, – шепнула Майя взмыленному Яшке. – Только туфли переодену.

Но вот незадача: пакет с туфлями она еще утром оставила у Вермана в кабинете. Поколебавшись, Майя тихонько постучалась.

Ответили не сразу. Прошло не меньше двадцати секунд, прежде чем дверь приоткрылась и в щель показалось круглое лицо Мони.

– Марецкая? Заходи скорее.

Ее буквально втащили в комнату. Майя судорожно пыталась сообразить, что же такого страшного случилось за время ее отсутствия, но ее сбивала с толку лукавая усмешка на лице Дворкина.

Моня силком усадил ее на стул и сел рядом. Они с Семой обменялись торжествующими взглядами.

– Да скажет мне кто-нибудь, что произошло?! – не выдержала Майя.

– Чш-ш-ш! Не кричи, – Моня стал очень серьезен. – Слушай внимательно. Час назад сюда пришла Анна Андреевна Ольховская...

Глава 8

Десять дней спустя

Время для Майи теперь шло странно: быстро и скачкообразно. Прежде, оборачиваясь назад, она мысленно видела череду дней: в юности – счастливых, затем не очень, затем откровенно несчастных и, наконец, просто обычных дней, которые научилась не оценивать. Сама Майя в этих воспоминаниях представляла себя улиткой, которая ползла-ползла по склону Фудзи, а потом вдруг огляделась и поняла, что никакой горы нет. А почему ползти тяжело? Потому что ветер встречный, рожки за все цепляются и ракушка тяжелая. Улиткой ее в шутку называл муж – когда еще был ее мужем. Не за медлительность (поскольку Майя все делала споро, легко, будто играючи), а за пристрастие к листьям салата и всякой зелени, которую он и за еду-то не считал. Приходил домой, заставлял жену жующей зеленые листочки и обязательно замечал: «Май, ты как улитка, ей-богу». Такой был ритуал, и он не раздражал Майю, хотя она слышала эту фразу не меньше сотни раз. Потом наступило время, когда муж, возвращаясь, не говорил ей ничего. Иногда выглядел угрюмым, а иногда – слишком оживленным, но Майя объясняла это сложностями у него на работе. Он стал задерживаться и, приходя, все чаще кричал на нее и швырял вещи. Майя понимала, что у мужа тяжелый период, сменилось начальство, и очень старалась быть мягкой и понимающей. Только отчего-то это злило его еще больше.

А потом наступил вечер, когда она сидела за рабочим столом, уже выключив станок, и задумчиво хрустела капустным листом. За ее спиной открылась входная дверь, вошел муж, и Майя встала ему навстречу.

– Ты сегодня пораньше... – радостно начала она, но не договорила.

Муж посмотрел на нее, отшвырнул портфель в сторону и вдруг закричал:

– Господи, что ты как коза, ей-богу! Хватит уже жрать эти листья! Посмотри на себя! Ты же как жвачное животное!

Он был красный, взмыленный и так зло кричал на нее, что Майя выронила злополучную капусту, совершенно оторопев. Она – коза? Почему коза? Она же улитка... Он всегда называл ее улиткой, и посмеивался, и сам приносил ей свежий салат в горшочке. Раньше. Еще полгода назад – приносил, почти каждый день.

– Прости, – хмуро сказал муж, не глядя на нее, и присел над

портфелем, собирая рассыпавшиеся бумаги. – Прости. Не знаю, что на меня нашло. На работе был тяжелый день.

Майя смотрела на него, на смешно торчащий хохол справа от макушки, который она приглаживала ему по утрам, и думала о том, что уже давно он сам старательно укладывает себе волосы. И о том, что уже полгода она сама покупает себе салат. И о том, что она до сих пор считает себя улиткой, а надо бы посмотреть правде в глаза.

– Саня, – очень мягко сказала Майя, – Саня, скажи, зачем?

Муж застыл над бумагами.

– Я даже не спрашиваю тебя, как ее зовут, – так же мягко, словно ступая по непрочному льду, продолжала Майя. – Но со мной ты так – зачем? Чем я это заслужила, Сань? Почему бы тебе честно не сказать, что у тебя другая женщина? А, Саш? Ради чего ты меня мучил все это время?

Муж поднялся.

– У тебя отец умер... – глухо сказал он. – Я не мог тебя...

– А-а... – протянула Майя, – значит, так проявлялась твоя порядочность! Бросить меня после смерти отца ты не мог, зато вполне мог срываться на мне из-за того, что я – не та, кто тебе нужен. Это укладывалось в твое понимание порядочности, да?

Муж молчал.

– Позвони ей, – посоветовала Майя. – И скажи, что скоро приедешь.

– Кому? – встрепенулся муж.

– Как кому? Галочке твоей, или Танечке, или Олечке... Кто она?

– Света... – пробормотал тот.

– Значит, Светику. Позвони, она обрадуется. Все, Саня, иди.

Она подняла с пола капустный лист и сунула в рот.

Через два месяца они развелись, и потянулись долгие, однообразные дни. Ползи, ползи, улитка, тащи свой домик. Авось куда-нибудь и выползешь.

Но теперь, думая о прошлом, Майя больше не представляла себя улиткой. Скорее кузнечиком. Хлоп! – и выпрыгнул из несчастливого брака, хлоп! – и перескочил в новую жизнь. Прыг! – и оставил позади импозантного Пашу, а теперь сидит возле Антона Белова и пытается сообразить, куда же его занесло.

После развода с мужем в жизни Майи Марецкой прочно обосновались мужчины, которых она называла «мужчины-зато». В характеристике их отношений «зато» было ключевым словом, и она даже решила, что так – у всех. Муж – алкоголик? Зато детей любит. Пусть не защитил меня от хулиганов, зато добрый. Не умеет вбить гвоздь, зато интеллект. Паша –

самодовольный болван, зато красавец и «подходящая пара». Всегда находились десятки «зато».

И Майя убеждала себя, что так и надо. По-другому – никак, они же взрослые люди, и время беззаветной влюбленности и романтизма для нее прошло.

Она не сразу поймала себя на мысли, что никаких «зато» в отношении Антона не приходит ей в голову: ни плохих, ни хороших. Он просто-напросто занял собой все ее жизненное пространство, но это не вызывало у Майи протеста. Они засыпали вместе, просыпались в одной кровати, смеялись, целовались, снова обнаруживали себя в постели, и во всем этом было непривычно много нежной радости – как будто кто-то сжалился над Майей и отсыпал ей то, что причиталось за последние годы. Майе казалось, что они живут вместе уже несколько лет. Иногда она заставляла себя вспоминать, что ничего толком не знает о человеке, с которым делит постель, но ей самой было трудно в это поверить. Они любили одни книги, смеялись над одними и теми же шутками, смотрели одни передачи.

Осознанно или нет, они без малейшего напряжения играли любящих супругов. Майя смутно догадывалась, что каждый из них в этой игре обретает свой островок безопасности, но что случится с этим островком потом, да и на что будет похоже их «потом», старалась не задумываться.

Перед тем как уйти, она привычно целовала его в небритую щеку, и сонный Антон ловил ее своей лапой, прижимал к себе, а Майя пицала, что он помнет ей платье. Это повторялось каждое утро, и казалось, что так будет всегда.

.....

Как только за Майей закрылась дверь, Антон начал собираться. Костюм, выданный Петром Семенычем, положил в пакет, и туда же бросил фальшивые ключи, бумажник, браслет и прочую мелочь. Чисто побрился. Размял по точкам больное плечо, разделся догола и прошелся пальцами по всему телу. Надел джинсы и рубаху, купленные Майей, и подошел к зеркалу.

Отлично. Перевозчик как он есть, без всякой маскировки. «Главное, чтоб стрелять не начали сразу, как увидят. С них станется...»

С собой он не стал брать никакого оружия и даже иголку, поразмыслив, вытащил из обшлага рукава и оставил на столе. Если все пойдет по его плану, то наверняка будет обыск. Пускай они чувствуют себя спокойно.

Ранним утром проспект заполнился машинами, внутри которых

плавились водители, и Антон свернул к метро. Жаркий майский день набирал силу, от влажного после поливальной машины асфальта поднимался многообещающий дымок. На город неумолимо надвигалось лето.

Первым пунктом его плана стоял Петр Семеныч. Антон даже не стал подниматься на второй этаж: бросил пакет одному из гавриков, покуривавших возле подъезда, и велел передать хозяину. Судя по тому, что вопросов ему никто не задал, Петр Семеныч провел со своими разъяснительную работу.

Снова прожорливое метро – и во второй раз подземка выплюнула Белова уже на Новом Арбате. В десяти минутах ходьбы отсюда располагался офис Николая Хрящевского, и туда-то Антон и направился.

Он не думал о том, что его может ждать, не пытался представить, как примет его бывший босс. Белов все для себя решил еще два дня назад и последние сутки лишь прокручивал в голове предстоящий разговор. Разговор – вот что главное! Он должен вывести Хруща на беседу. Тогда у него есть шанс выбраться из этой заварушки живым, а Антон Белов последнее время стал относиться к своей жизни куда серьезнее, чем прежде.

Если бы этот план пришел ему в голову еще месяц назад, Антон никогда не взялся бы за него. Но теперь все изменилось. В свете рассказанного Монеи Верманом дело приобретало совсем другой оборот.

Он свернул за угол, постоял в тени домов и уверенно направился к серой громадине, нависшей над переулком. Стеклянные двери услужливо разъехались перед ним, и Белов очутился в полукруглом холле, потолок которого, как в соборе, уходил высоко вверх и заканчивался гигантским «камнем» – подсвеченной прозрачной стекляшкой, в точности такой же, что и на «Падишахе».

Здесь царила безвкусная роскошь: мраморные полы, сверкающие золотом стены... «Точно в баню пришел», – ухмыльнулся Антон. Он помнил, что противники Хрящевского презрительно называют этот офис сауной.

На пункте охраны мило улыбались две изящных, как японки, девушки, а за ними возвышался бритоголовый охранник. Остальные стражи цитадели Хрящевского скрывались в помещении за его спиной. Белов бросил взгляд на матовую стену: он знал, что она стеклянная и те, кто сидят сейчас внутри, видят весь холл и самого Антона. Он подчеркнуто неторопливо подошел к девушкам и улыбнулся:

– Здравствуйте. Дымов у себя?

Антон понимал, что к самому Хрящевскому его никто не пустит. Во всяком случае, сразу. Сперва ему предстоит встреча с шефом службы безопасности.

Девушка спрашивала, назначена ли у него встреча, но Белов не смотрел на нее. Он смотрел на охранника. Услышав фамилию «Дымов», тот бросил быстрый взгляд на визитера – и застыл.

Его лицо сказало Антону все, что требовалось: охранник его узнал. «Вот как, – удовлетворенно подумал Антон, – значит, всех предупредили, да? Не только ищеек, но и охрану, которая, казалось бы, никакого отношения ко мне не имеет. Выходит, товарищ Дымов все-таки опасался, что я заявлюсь прямо сюда, и принял меры предосторожности: всех оповестил, каждого ознакомил с моей рожей. Что, Валентин Петрович, боялся, что я приду за тобой, как красные мстители? Или как Рэмбо?»

– Так вы договаривались о встрече? – настаивала хрупкая девушка. – Представьтесь, пожалуйста.

– Меня зовут Антон Белов, – с удовольствием произнес Антон. – Можете представить меня Валентину Петровичу как перевозчика.

На лице девушки отразилось непонимание – кто такие перевозчики, она, конечно же, не знала. Но переспросить не успела: двое, бесшумно подбежав сзади, уже подхватили Антона и молниеносно утащили из холла. Для верности ему ткнули в ребра стволом, и Белов поморщился от боли.

Он предполагал, что его без излишней рефлексии могут вырубить, и очнется он где-нибудь в кирпичном подвале на окраине Москвы. Под пытками из него вытащат все, что он хотел сказать, и заруют в лесочке неподалеку от подвала, чтобы не возиться с его искореженным телом.

Этот вариант Белова категорически не устраивал. И как только его с заломленными за спину руками втокнули в комнату, он сразу громко предупредил:

– У меня сообщение для Дымова. Говорить буду только с ним!

– А для бога у тебя нет сообщений? – поинтересовался начальник смены, красномордый мужик, которого Антон никогда раньше не видел. – У тебя все шансы встретиться с ним раньше. Что нужно?

Белов выпрямился, ощущая, как упирается между лопаток ствол, и негромко отчеканил, глядя в маленькие прищуренные глазки:

– Ты, шестерка, слушай сюда. Разговаривать я буду только с Дымовым. Могу и с тобой, если станешь очень настаивать. Но после этого лежать нам с тобой в одной братской могиле.

Это был язык, понятный собеседнику.

– Гляньте, какой наглый, – поделился начальник со своим

окружением. – Мужик, ты давай прекращай из себя парламентаря корчить.

Антон закрыл глаза. Лицо у него стало до того отрешенное, что начальник смены, обозленный «шестеркой», растерял весь пыл и решил не продолжать. Он лишь коротко приказал:

– Общайте его. Как следует!

Антон не двинулся с места. Красномордый посмотрел с минуту, как его обшаривают, и вышел в соседнюю комнату, чтобы связаться с Дымовым.

Обыскали Белова на совесть. Промяли даже обшлага, и он порадовался, что вынул иголку. Искали в волосах, раздели до трусов, словно ему предстояла беседа с глазу на глаз с президентом, а не с начальником службы безопасности одной из крупных ювелирных фирм. Все это время Антон стоял с закрытыми глазами, расслабленно, чем озадачивал охранников.

Про курьеров изначально знали немногие, и из этих немногих еще меньше людей знали правду. Как всегда бывает в подобных случаях, зернышко правды обросло вымыслами, легендами, совсем уж неправдоподобными историями... Перевозчик стал мифическим существом, кем-то вроде члена таинственной японской секты, умеющего взбираться по отвесным стенам и невидимкой проходить через любые двери. Убивать травинкой, задерживать дыхание на два часа и питаться камнями. Именно так его и представляли рядовые охранники.

Безучастность Антона работала на образ. Чего ждать от человека, который держится так, будто его тело принадлежит не ему? Кто знает, что он выкинет в следующий момент? Именно этого Белов и добивался.

– Чистый, – вполголоса отчитался перед красномордым охранник, руководивший обыском.

– Веди его к Дымову.

Белова в наручниках под натуральным конвоем повели по коридорам. Возле лифта один из конвоиров шепнул ему:

– Шаг вправо, шаг влево считаю за побег.

– А прыжок на месте расценивается как попытка улететь? – лениво поинтересовался Белов, не поворачивая головы. – Расслабься, парень. Если бы я хотел сбежать, то давно бы это сделал.

Его привели не в кабинет Дымова, а в комнату, выглядевшую так, будто ее забыли обставить после ремонта: здесь не было ничего, кроме пластикового стола и пары стульев. Охранник опустил жалюзи, но Антон успел заметить, что снаружи стоит решетка. «Да они меня боятся...»

Эта мысль развеселила его. Поэтому Валентина Петровича Дымова он

встретил легкой улыбкой.

Услышав о том, что Антон Белов схвачен в их собственном холле, Валентин Петрович в первую секунду растерялся. Как? Пришел сам, сюда? В святая святых, в офис Хрящевского? Так, значит, курьер ни о чем не догадывается, не знает, кто стоял за нападением на него? А маскировка в «Падишахе» – случайное совпадение?

Но первые же минуты наблюдения за перевозчиком убедили шефа службы безопасности, что это не так. Все он знал, этот мужик! Достаточно было взглянуть на его лицо, когда его взяли на внешнем посту охраны: ни один мускул на нем не шелохнулся. Для перевозчика не стало неожиданностью, что его схватили и ведут под прицелом неизвестно куда. Он знал, знал, какой прием его ожидает!

Но тогда почему пришел?

В отличие от старшего по смене, Дымов легко раскусил хитрость Антона, сказавшего, что он явился с сообщением. Сообщение курьера могло исходить только от него самого. Но это не проясняло ситуацию. Зачем? Зачем перевозчику самому сдаваться им? Он мог залечь на дно так, что они вообще никогда бы о нем больше не услышали. Тем более, что оставшиеся в его руках бриллианты позволяли это сделать. Быть может, Белов понимал, что по бриллиантовому следу рано или поздно они его выследят, и решил нанести упреждающий удар? Но что он мог сделать один?

Сплошные вопросы и ни одного ответа. Конечно, проще всего было бы увезти так удачно зашедшего к ним перевозчика и на этом закрыть тему... Но Дымов не мог исключить, что Белов находится под колпаком соответствующих органов и все его передвижения отслеживаются. Правда, охрана уже доложила, что курьер чист, но это ничего не значило, слежка могла вестись снаружи. Хороши они будут, если опера застукают его людей в то время, как они будут избавляться от тела Антона Белова!

По всему выходило, что закончить с курьером, не поговорив с ним, никак нельзя. Значит, нужно поговорить...

– Привет, – поздоровался Валентин Дымов, зайдя в комнату, куда привели курьера.

Первое, что бросилось ему в глаза – полуулыбка на губах у этого типа, который каким-то чудом спасся от своих убийц. Улыбочка эта пришлась совсем не по душе Валентину Петровичу, который видел, что перевозчик улыбается искренне, а не бравирует, не вымучивает из себя отчаянный оскал.

– Здравствуй, Валентин Петрович, – спокойно ответил курьер,

положив на стол скованные руки. – Давненько не виделись.

Виделись они в последний раз несколько лет назад, когда Антона Белова принимали на работу. И хотя Белов об этом и не знал, Дымов следил за его успехами – как, впрочем, и за успехами других перевозчиков. Жребий Белову выпал случайно. Молодой неопытный парнишка, который должен был везти партию вместо него, за неделю до задания попал под машину. Свободен оставался один Белов, и Дымов скрепя сердце дал согласие на то, чтобы поставить его на место желторотого дурачка.

Пускать в расход перевозчика такого уровня было жалко. Но Хрящ требовал немедленного результата, и деваться было некуда.

И ведь чертов перевозчик подтвердил свой уровень! Не только спасся, но и половину бриллиантов утащил с собой. Валентин Петрович не мог не восхищаться им, хотя по милости Белова ему здорово досталось от Хряща, а десять человек его подчиненных были брошены на поиски курьера.

И вот теперь курьер сидел перед ним, улыбался и говорил «Валентин Петрович» и «ты». Дымов решил не терять времени.

– Поговорить хотел?

– Хотел, – кивнул Белов. – Только не с тобой. С Хрящом.

– О чем?

Антон сделал вид, будто задумался, хотя ответ был у него наготове.

– Так о чем? – нетерпеливо повторил Дымов.

– Скажи – о Вермане.

– О чем?! Не понял...

Перевозчик откровенно усмехнулся в лицо начальнику службы безопасности:

– А тебе и не надо понимать. Ты, главное, передай Хрящевскому то, что я сказал. Глядишь, он с тобой и поделится.

Дымов осознал, что Белов только что использовал его как ступеньку к Хрящевскому. Валентин отлично знал, кто такой Верман и какую роль он играет в замыслах шефа. Отмахнуться от того факта, что курьер каким-то образом что-то разнюхал, он не мог. Не доложить Хрящевскому тоже.

Скажи Белов фразу про Вермана охранникам, взявшим его в холле, те бы просто-напросто не поняли, о чем идет речь. Поэтому курьер сначала потребовал встречи с Дымовым, хотя сам начальник службы безопасности, как только что отчетливо понял Валентин, был ему не нужен.

Дымов растянул губы в неприятной улыбке. Он очень не любил, когда его переигрывали.

– На Хрящевского замахнулся? – осведомился он. – На Колю на нашего? Да я тебя, падлу, сейчас отдам своим ребятам, и они тебе яйца

клещами вырвут и в пасть запихнут. Они с тобой знаешь, что сделают?...

Пару минут Валентин Петрович перечислял, что сделают с перевозчиком. В его голосе прорезались интонации матерого блатного.

– Как твоей душе будет угодно, – перевозчик был издевательски любезен. – Останетесь без камешков, и Верман от вас уйдет. Все накроется. А Хрящ потом получит запись, из которой узнает, что счастье было так возможно...

– Шантажируешь? – сощурился Дымов.

– Обрисовываю перспективы. Смотри, тебе решать.

Но Валентин Петрович понимал, что решать ему уже нечего. Придется передать эту сволочь Хрящу. Лишь одно соображение радовало Дымова: можно было не сомневаться, что после разговора Коля Хрящевский, выведав все, что надо, отдаст наглеца ему.

И вот тогда они поговорят по-другому.

Кабинет Хрящевского, куда привели Белова, оформлял известный дизайнер. Результатом его оформительской деятельности стало помещение, в котором смешались будуар фаворитки французского короля и рабочее место губернатора крупного российского города. В первые секунды плод творческих потуг дизайнера ошеломлял.

Пол был устлан красным ковром. Бордовые бархатные шторы каскадами ниспадали вниз. Люстра сверкала хрустальными подвесками над гигантским столом, который оказался бы впору великану. На стене расправил крылья золотой двуглавый орел, а под ним на подставке красовался бюст хозяина кабинета. Рядом скромно прижались к стене Сократ, Наполеон и еще какой-то остроухий, в котором Белов, приглядевшись, узнал президента.

Над черным кожаным диваном размером с лимузин висела картина известного придворного живописца. Главную художественную ценность картины составляла рама в завитушках. Дополняли интерьер фикус в кадке и набор из малахита: чернильница и пресс-папье.

Во всем этом великолепии хозяин кабинета поначалу терялся. Но стоило ему подняться из-за стола, и Белов уже не смотрел ни на фикус, ни на раму. Внимание его было приковано к Хрящевскому.

Вблизи Хрящ оказался уродливым. Изрытое оспой лицо, прилизанные волосы, толстые измятые губы... И взгляд, как у бультерьера. Маленькие глазки нацелились на Белова, словно оценивая: сразу откусить ему ногу или подождать, пока побежит.

Облик Хрящевского настолько дисгармонировал с окружающей его

обстановкой, что в этом даже появлялся какой-то смысл. Белову неожиданно пришло в голову, что, возможно, дизайнер был не столь уж глуп и бездарен. Может ли быть, что вся эта роскошь «а-ля рюсс» задумывалась им как насмешка над бандитом, ставшим уважаемым предпринимателем?

Но, взглянув на Хрящевского поближе, Белов тотчас отказался от своего предположения. Вряд ли среди московских дизайнеров нашелся настолько безумный и отважный, чтобы высмеивать Колю Хряща.

– Значит, это и есть наш пропавший перевозчик?

Ответа от Антона не ждали, поэтому он промолчал.

Хозяин приблизился, буравя его взглядом. На плечо Антону легла тяжелая рука охранника, принуждая его опуститься на стул.

– Где бриллианты? – внезапно спросил Хрящ, остановившись перед ним.

– Спрятал.

– Где?

– В надежном тайнике, – ровно ответил Белов. – У меня тайников много. Я же курьер.

Хрящевский прислонился к столу, пристально глядя на него.

– И что же ты хочешь от меня, курьер? Ведь ты чего-то хочешь...

– Начнем с того, что я хочу жить, – честно ответил Антон.

Николай одобрительно кивнул:

– Хорошее начало.

– У меня есть, что предложить за собственную жизнь.

– У тебя? Мне? – Хрящ расплылся в улыбке. За спиной Белова фыркнул Дымов, до этой секунды не издавший ни звука. – Ну давай, излагай.

– Ваши люди пытались меня убить, – спокойно сказал Антон.

– Да ну? – театрально удивился Хрящевский. – Зачем им это понадобилось?

– Не им, а вам. Мне в самом деле нужно объяснять это, Николай Павлович?

Вместо Хрящевского ему на ухо рыкнул Дымов:

– Тебе сказали излагать – значит, излагай.

– Излагаю, – согласился Антон. – Вы запланировали небольшую операцию, цель которой – подставить Амана Купцова, вашего конкурента. Он давно вам мешает, а в последнее время стал набирать силу. Вы решили свалить его, ударив сразу с нескольких фронтов. Для ювелирного сообщества имело бы значение покушение Купцова на вашего курьера и

похищение бриллиантов, поэтому вы с Дымовым собирались представить все дело так, будто это люди Купцова стоят за моим убийством.

– Хорошо излагаешь, – с непонятной интонацией заметил Хрящевский. – Грамотно.

– Поскольку ваш Дымов послал за мной двух придурков, мне удалось от них сбежать. – Антон не удержался от того, чтобы не поддеть начальника службы безопасности. – А дальше начинается самое интересное.

– Неплохо бы, потому что пока было скучно, – зло заметил Дымов. Антон понял, что его укол достиг цели.

– Когда я сбежал, то спрятался в чужой квартире, – продолжал он. – Хозяйка квартиры вечером пришла домой и нашла меня, раненого.

– Вот сюрприз-то ей был! – не удержался Дымов.

– Сюрприз был мне, когда она упомянула, где работает, – усмехнулся Антон. – Эта женщина оказалась ювелиром в салоне Мони Вермана. Забавное совпадение, правда?

Во взгляде Хрящевского что-то промелькнуло. Белов подождал, не скажет ли чего-нибудь Николай Павлович, но тот упорно отмалчивался.

– Только вот тогда я еще не понял, что это за совпадение, – признался Антон. – Просто удивился ее профессии. Ну, знаете, как-то даже странно везти бриллианты и попасть к ювелиру. Как если бы я вез мясо и попал к мяснику. Или, например...

– Давай без примеров, – грубо оборвал его Дымов. – Ближе к делу. И покороче.

– Покороче не выйдет, – возразил Белов. – Ты можешь не все уловить, а здесь важны детали.

По раздавшемуся сзади угрожающему сопению он понял, что перегнул палку. И заторопился, обращаясь к молчаливому Хрящу:

– Когда она стала мне доверять, то рассказала о вашем визите к ее шефу и о том, что вы предложили ему. И об Алине, и о бриллиантах, которые Верман подменил... Так что я знаю о том, на какой крючок он попался. Собственно, после ее рассказа я и начал подозревать, что на меня напали не обычные грабители, а ваши люди: слишком уж хорошо все детали укладывались в одну картину. Но на всякий случай я сходил в «Падишах» – просто так, наудачу, и обнаружил там часть бриллиантов из той партии, которую вез.

– Удачливый ты человек, Белов, – с некоторым сожалением заметил Хрящ.

– Это будет ясно через пару месяцев, – возразил Антон. – Короче

говоря, я понял, что вы придумали. Хорошая идея, честное слово. Вот только я вам немного подпортил ее реализацию, когда остался в живых.

– Это легко исправить, – заверили Белова сзади.

– Легко, – согласился Антон. – Поэтому я к вам и пришел. Вы все равно не дали бы мне жить спокойно. Так вот что я вам предлагаю, Николай Павлович... Во-первых, я верну свою часть груза. Она мне не принадлежит, а воров я выглядеть не желаю.

На Хрящевского его заявление не произвело никакого впечатления. Глазки продолжали буравить Белова, и Антону показалось, что Хрящ разочарован.

– Во-вторых, я общался с Верманом, – прибавил Белов. – Уговорил Марецкую, ювелира, познакомить нас, и она согласилась. Как я и ожидал, Верман увидел во мне собрата по несчастью. На то, собственно, и был весь расчет. После нашего разговора Дворкин и Верман твердо верят, что я на их стороне. У них есть основания так думать – из-за вашей попытки меня прикончить.

– А мне что с этого? – осклабился Хрящ. – Верят, и что?

– Я в курсе всех их планов, – отдельно сказал Антон. – Мне известно, что они задумали. А это напрямую касается вас.

Хрящевский перестал улыбаться.

– Дальше говорить? – спросил Белов. – Или вам это не интересно?

Вместо Хряща ответил Дымов, сильно толкнув Антона в больное плечо:

– Выкладывай!

– Еще раз так сделаешь – и можешь считать, что разговор окончен, – предупредил Антон, не оборачиваясь. – Кстати, на всякий случай: если надеешься, что сможешь что-нибудь вытянуть из меня под пытками, то ошибаешься. Курс медпомощи нам преподавал китаец, я у него кое-чему научился на внеклассных занятиях.

– Как убить меня плевком с трех метров? – рассмеялся шеф службы безопасности за его спиной.

– Ты-то мне зачем? – презрительно фыркнул Антон. – Не тебя, а себя. И проделать это я смогу, учти, с завязанными руками. Не веришь – поинтересуйся при случае у Лю Цао.

Все сказанное Антон адресовал не Дымову, а его боссу. И, судя по задумчивости, омрачившей чело Хрящевского, попал в цель. Белов знал, что делал: проверить его слова у этих двоих не было возможности, потому что учитель Цао вернулся в Китай два месяца назад. «Вряд ли они отправятся за ним в Сиань, – рассудил Белов. – Разве что их очень прижмет.

Но я постараюсь до этого не доводить».

Больше всего Белова беспокоило то, что Николай казался не слишком поглощенным его рассказом. Это было видно по скучающей физиономии, по тому, как лениво он покачивал ногой в лоснящемся ботинке... Антон почувствовал легкое прикосновение страха, но усилием воли отогнал его. Сейчас нельзя ничего и никого бояться. Это верный путь к поражению.

Но где-то на задворках его сознания проскользнула предательская мыслишка: какая жалость, что в действительности Лю Цао не учил их убивать себя. Если ему не удастся заинтересовать Хрящевского, то о быстрой смерти можно будет только мечтать.

Антон подался к Хрящевскому:

– Вы думаете, Верман у вас под колпаком и не сможет ничего предпринять? Это ошибка. Он поедет в Цюрих, как вы и планировали, и даже встретится там с вашим человеком, чтобы забрать у него бриллианты. Но Аману Купцову он передаст не ваши камни, а другие, и к Станиславу Коржаку отправятся именно они.

– Бред! – усмехнулся Хрящевский, обнажив длинные, как у кролика, желтые зубы в прожилках. – Ты думаешь, я идиот?! У Вермана нет денег на покупку новой партии! Если уж ты так хорошо осведомлен, то должен знать, что он распоряжается только баблом Купца. Четыре лимона гринов он выложит за мою партию, и откуда достанет еще? Может быть, ты ему одолжишь? Так всех твоих стекляшек едва хватит на один! Коржака не интересуется мелочь, он настроен на серьезную сделку. И не забудь еще, что нельзя высосать из пальца партию в двенадцать бриллиантов! Не бывает такого! Это тебе не рынок с огурцами на развес! То, что требуется Коржаку, есть только у меня.

Перевозчик молчал.

Николай разочарованно прищелкнул языком, поняв, что возражений не услышит. Как глупо его попытались развести! Как пацана в чужом районе... Дурилкой оказался перевозчик, сам себя загнал в ловушку.

Тратить времени на этого наглеца Хрящевский больше не собирался.

– Все, Дымов, он мне надоел, забирай его. Заодно проверь, чему особенному его научил этот китаец. Если ты не узнаешь, куда он заныкал бриллианты, я огорчусь, но не обижусь.

Николай обошел стул, на котором сидел Антон, и враскачку двинулся к двери.

– Два дня назад Верман приобрел бриллиант «Голубой Француз», – вслед ему сказал Белов, не повышая голоса.

Хрящевский прошел по инерции еще несколько шагов и остановился.

Антон прислушался к тишине за спиной, ощущая, как тикает в голове секундомер, отсчитывая десять секунд. И по истечении десятой сказал:

– Бриллиант обошелся ему в двести тысяч рублей. Стоимость его на рынке – около десяти миллионов долларов. Верман сможет купить такие камни, которыми Коржак останется доволен.

Тихий шелест раздался за его спиной – и Белова встряхнули за плечи и развернули с такой силой, что он едва не свалился со стула. Хрящевский приблизил свое изрытое оспинами лицо к Антону и шепнул:

– Врешь! Врешь, а?

Антон покачал головой, не отводя глаз. До него донесся приторный запах геля для волос, и он внезапно ощутил тошноту. До чего же мерзко пахнет... Или это немигающий взгляд Хрящевского так действует на него?

– Я же из тебя, из козла, кишки вилкой выну, – ласково сказал Хрящ. – И на твоих глазах съем. Скажи, что врешь. Неоткуда взяться «Французу», пропал он. Ты, может, думаешь, что я дурачок вроде тебя? Что я ничего не знаю? Ошибаешься.

– «Француз» у Вермана, – выдавил Антон, ощущая, как предательская капля пота ползет по щеке.

– А я ведь его искал. И не только его. Коллекционеров расспрашивал, запасники в музеях обшаривал... Пропали царские украшения, сгинули! Сожрал их народишко во время революции и не подавился! Один голубь пытался мне продать рубиновое кольцо мамы царя, как ее... Марии Федоровны, что ли. До того ладно пел, что я ему почти поверил. А потом глянул повнимательнее – а камешки-то поддельные, да и золотишко нашего времени. Эх, Колю Хряща обмануть хотел! На святое покусился!

Хрящевский выпрямился, прижал руку к груди, словно успокаивая растревоженное сердце, и добавил уже совсем другим голосом:

– Чего замолчал? Ну, соври еще что-нибудь, мы посмеемся.

Антон собрался с силами и выговорил:

– Бриллиант все это время хранился у дочери Ольховской.

Хрящевский, не мигая, уставился на него.

– Что еще за Ольховская?!

– Гувернантка в семье Николая Второго. Ее расстреляли, но не одновременно с царской семьей, а на полгода позже. Она успела передать дочери бриллиант, но сказала лишь, что это память о принцессах, и ее дочь решила, что камень не представляет никакой ценности. Ольховская-младшая хранила его, потому что это было единственное, что осталось от матери. Но потом сама состарилась и обо всем забыла. Она коллекционировала драгоценности, и сейчас в голове у нее перемешалось:

кто, что, откуда... Старушка рассказала эту историю связно единственный раз, а потом плела всякую ахинею вроде того, что нашла его в пещере израильской. В Израиле, кстати, она не была ни разу в жизни. Или еще вспоминала, что камешек подарила ей одна из принцесс, у которой он был глазом любимой куклы. Короче, старушка в маразме.

Антон говорил и чувствовал, что дурнота отпускает его. Хрящ, слушая его, точно остекленел. И взгляд у него стал стеклянный, сквозь Антона.

Потом мясистые губы зашевелились, и вслед за ними ожило и лицо Хряща.

– И почему же, – медленно начал он, – почему же старуха в маразме пришла именно к Верману?

Антон перевел дух.

– Потому что когда-то ей помог спастись один из его родственников. Не знаю точно, как именно... Кажется, дал денег и помог перейти через границу, иначе ее расстреляли бы. Старушка скиталась по заграницам, сюда вернулась только под старость, помирать на родной земле. И нашла потомков своего спасителя. Верман для нее обдeldывает всякие мелкие делишки, иногда продает ее камешки. И когда Ольховская нашла у себя крупный аквамарин, то понесла ему. Кому же еще-то?

– Аквамарин? – не удержался Дымов. Он выскочил вперед – толстый, с обманчиво располагающим к себе лицом, на котором криво сидели дорогие новомодные очки.

– Это Ольховская решила, что аквамарин, – пояснил Антон. – А что еще она могла подумать? Гдето в Индии она покупала аквамарины, и у нее смешались два воспоминания: о подарке матери и об этой покупке. Она принесла его Верману, потому что аквамарин был ей не нужен. К тому же он как-то странно огранен. И цвет... У нее даже возникло подозрение, что это подделка. Он такого цвета... не знаю, как объяснить... Небывалого какого-то. Очень яркий голубой.

– Так ты его видел?!

Белов кивнул.

– Верман сразу позвонил мне, как только камень оказался у него в руках, и я приехал. Они с Дворкиным выглядели как ненормальные. В общем, я их понимаю.

– И что вы сделали с бриллиантом? – жадно спросил Хрящевский.

– Верман отвез его в банк, положил в ячейку. Дрожал над ним, как курица над яйцом. Когда вернулся, постоянно твердил, что это их пропуск в другую жизнь.

– А чем его эта не устраивает? – удивился Дымов.

– Может, тем, что ее им отмерено не так уж много? – насмешливо спросил Антон, к которому вернулось самообладание. – Не считайте Вермана дураком, он отлично понимает, что вы захотите избавиться от него. Если у него и были сомнения на этот счет, то я их развеял.

Хрящевский отошел в сторону, задумчиво разминая пальцы, будто борец перед поединком. Внезапно он обернулся к Белову:

– И что же затеял наш хитрый еврейчик? Распилить «Француза» на двадцать частей и загнать их Коржаку?

Дымов озадаченно почесал в затылке и спросил:

– А что, Николай Павлович, этот ваш «Француз» такой огромный? И его можно нарезать как буханку?

– Нельзя, – ответил за Хрящевского Антон. – И бриллиант не огромный, и Верман никогда бы на такое не пошел. Он не смог бы уничтожить «Француза».

– Как же тогда...

– А вот эта информация, – перебил Дымова Хрящ, – и есть предмет для торга. Верно, курьер?

Антон утвердительно кивнул.

– И чего же ты хочешь?

Оба уставились на Белова. Он посмотрел на Хрящевского, азартно потирающего руки в предвкушении большой игры, на безопасника с его свиным рылом... На мгновение Антона охватило сомнение в правильности выбранного решения. Что, если он ошибся в расчетах? Если неверно оценил двух этих вурдалаков? Тогда сейчас он толкает их с Майей напрямиком в пропасть.

Но отыгрывать назад было поздно.

– Денег хочет, – весело предположил Дымов.

– Нет, не денег, – Антон сам удивился, как сухо и неестественно звучит его голос. – У меня два условия. Первое: вы забываете о моем существовании. Второе: отдаете мне женщину.

– Какую еще женщину? – нахмурился Хрящ.

– Ту, которая свела меня с Верманом. Марецкую, ювелира из его лавки. Она будет молчать о том, что знает.

Он поймал себя на том, что говорит почти умоляюще, и замолчал. Эти двое не должны видеть, что Майя – его самое уязвимое место.

Но Хрящ оказался проницательнее, чем думал Белов.

– А-а, так шерше ля фам, значит, – протянул он, насмешливо глядя на Антона. – Вот оно что. Пожалуйста, я разве против? Забирай свою бабу и отправляйся куда душе угодно. Только предупреди, чтобы держала язык за

зубами.

Легкость, с которой Хрящевский согласился отдать ему Майю, не сулила ничего хорошего. Но Антон надеялся, что сумеет спрятать ее до того, как начнется заварушка.

Вдруг откуда-то раздался звон. «Диннн-доннн, диннн-дон-н-н-н», – звенело в воздухе. Хрящевский отдернул портьеру, и Антон увидел на подоконнике золотые часы.

– Однако уже одиннадцать! – удивился Хрящ. – Время – деньги. Ты намек понимаешь, курьер? Я тебе обещаю, что тебя и твою бабу никто не тронет. Слово даю.

«Обещает он... Честное благородное бандитское».

– Хочешь – вывези свою Марецкую хоть завтра за границу, – великодушно разрешил Хрящ. – Препятствовать никто не станет. А теперь давай к делу.

Антон сдался.

– Я знаю, что у Вермана есть покупатель на «Голубого Француза», – сказал он, внимательно следя за лицом Хрящевского. – Но не знаю, кто именно. Какой-то коллекционер из Германии, как сказал Дворкин. Он не заплатит полную стоимость камня, но зато даст живые деньги. Они еще не договорились об окончательной цене, но договорятся, и Верман пойдет на любые уступки, потому что деньги нужны ему срочно. Думаю, миллионах на восьми он сдастся, если покупатель его дожмет.

Хрящевский отошел от окна и присел на край стола возле Антона. Казалось, он впитывает каждое слово. Белов поразился тому, как легко меняется его облик: от бультерьерской морды – к застывшей маске – к живому, внимательному лицу. Хрящ больше не выглядел уродливым, и даже что-то неожиданно обаятельное проявилось в нем.

– Допустим, Верман получит деньги, – протянул Николай, размышляя вслух. Доверительный его тон будто приглашал и Антона принять участие в рассуждениях. – Допустим. Но это только половина дела. Ему нужно где-то достать партию камней для Коржака. А где их взять, если выставка в Женеве начнется только через два месяца? Нет у Мони такого срока, нету. М-м? Что думаешь, Антон?

Хрящ с простодушным видом взглянул на Белова. «Ну ты и паук, – усмехнулся про себя Антон. – Полчаса назад собирался мне кишки вилкой вынуть, а теперь уже и имя мое вспомнил».

– Ювелирный аукцион в Амстердаме состоится через две недели, – вслух сказал он и заметил, как напрягся Хрящевский. – Один из выставленных лотов – диадема Бернье, сделана в семьдесят четвертом году

для арабского шейха. Примерная стоимость – семь миллионов долларов. В диадеме двенадцать бриллиантов по пять карат каждый, великолепного качества.

– Половина стоимости там – ювелирная работа!

– Нет. Бернье считал, что диадема неудачная, и хотел ее переделать. Долгая история... В конце концов она все-таки оказалась у покупателя в том виде, в каком была создана. Но ее художественная ценность несопоставима со стоимостью камней. Конечно, Верману придется переплатить, но зато он станет обладателем бриллиантов, которые потом сможет передать Аману Купцову. Ваша затея провалится.

Белов замолчал. В кабинете повисла тишина.

Хрящевский отвел взгляд от Антона и принялся пощипывать нижнюю губу. Дымов обеспокоенно посматривал то на шефа, то на перевозчика и явно хотел что-то сказать, но не осмеливался.

Тишину нарушил Николай. Он сцепил пальцы, явно придя к какому-то решению:

– Хорошо. Будем считать, что я тебе поверил.

В эту секунду Антон испытал огромное искушение закрыть глаза и облегченно откинуться на спинку стула. Но Хрящевский продолжал, и сказал он то, что мигом вышибло из Белова довольство собою и успешно проведенным разговором.

– Мне только одного никак не понять, – сказал он, сощурившись, – как же ты своих-то сдал? А, курьер? Верман тебе доверился, понадеялся на твою помощь, а ты его мне тепленьким принес на блюдечке. Я-то тебе за это только спасибо скажу и свою часть договора выполню, не сомневайся. Но мне уж больно интересно, что в головушке у тебя творится.

Он прикоснулся пальцем ко лбу Антона.

В глазах Хряща светилось жадное любопытство. Он напоминал ученого, обнаружившего, что крыса в клетке ведет себя нетипично для ее вида.

«Антрополог хренов!»

– Они мне не свои, – жестко сказал Антон. – И своими никогда не были. И Верман мне не сам доверился, а я из него вытянул правду. Еле-еле вытянул, между прочим. Он согласился мне все рассказать лишь тогда, когда понял, что я могу быть ему полезен. Все хитрости и приемы ваших людей мне известны, я могу помочь Верману уйти от вашей слежки, если потребуется... Да много чего могу. Вы же не думаете, что он просто так со мной откровенничал?

– То есть своя шкурка оказалась ближе к телу? – понимающе кивнул

Хрящевский. – Или ты за свою бабу так впрягся, что готов всех заложить? А? Не подумай, я не бабушка, чтоб тебе морали читать. Своих защищать – это правильно, это по-мужски. Я и сам такой же.

От последних слов Антон дернулся, но промолчал. Хрящевский, сунув руки в карманы, с удовольствием смотрел на него. Мал человек, слаб... Любую подлость свою оправдает, дай только, за что уцепиться. Интересно, знает ли его баба о том, что ради нее перевозчик двумя евреями пожертвовал? Или она сама его на это и подбила? Нет, последнее вряд ли, – решил Николай, – такого, как этот мужик, ни на что не подобьешь, пока он сам не захочет. Эх, люди, люди...

Дымов смотрел-смотрел на молчащего шефа и наконец не выдержал:

– Николай Павлович, вопросик у меня один есть!

Хрящевский словно проснулся.

– Давай.

– Чем он нам теперь может быть полезен? – безопасник кивнул на Антона. – Все, что мог, он нам рассказал. Разве он участвует в сделке?

Белов исподлобья зыркнул на него. Показалось ли Дымову, или в его взгляде на самом деле сверкнула ярость? На всякий случай Валентин немного отодвинулся. Конечно, руки перевозчика скованы наручниками, но кто его знает, этого психа с холодными синими глазами... Бросится еще, вцепится зубами в горло. Свирепый, волчара, хоть и в наручниках.

Перевозчик и не бросился, и не снизошел до ответа ему. Он повернулся к Хрящу:

– Я не участвую в сделке. Но я могу сдать вам покупателя.

Час спустя Антон Белов покинул офис Николая Хрящевского. Он вышел, ни от кого не таясь, не сомневаясь, что слезки за ним не будет. Хрящевскому это теперь ни к чему, а Моня с Дворкиным доверяют ему и не пойдут на такую глупость – выслеживать перевозчика.

Антону представился кругленький потный Верман, крадущийся вдоль стены, и он рассмеялся. От него испуганно шарахнулся прохожий, прижал к себе портфель покрепче. Белову захотелось рассмеяться еще громче.

«Отходняк, – четко выговорил голос в его голове. – Приди в себя».

Антон свернул в первый же переулок, сдерживая рвущийся с губ смех. Ему нельзя смеяться. Но он слишком долго находился в напряжении. Углубившись в переулок, где совсем не встречались люди, Белов остановился, закрыл глаза и глубоко вдохнул. «Продыши, продыши, – успокаивающе сказал тот же голос. – Все нормально».

Антон несколько раз глубоко втянул воздух особенным образом – так,

чтобы распирало изнутри, будто воздушный шарик – и почувствовал, что напряжение понемногу отпускает его. Только теперь он понял, как тяжело дался ему этот разговор. Хрящевский, точно вампир, высосал из него всю энергию, выпил Белова досуха, чтобы осталась только послушная ему оболочка.

«– Будешь моими ушами и глазами, – приказал напоследок Хрящ. – Обо всем, что предпринимает Верман, докладывай Дымову. С кем встречается, о чем говорит, куда ездит... Я сниму наблюдение, это теперь ни к чему.

– Ни в коем случае, – возразил Антон. – Верман может что-то заподозрить, если свяжет мое появление с исчезновением вашего наблюдателя. Пускай остается.

Хрящевский подумал и согласился.

– А подпустит еврей его к себе? – усомнился Дымов, кивнув на Белова. – Он ведь, зараза, скрытный!

– Подпустит, – сухо сказал Антон. – Куда он денется? Сейчас у них с Дворкиным начинается самое опасное время, им нужен опытный человек рядом. Они страшно боятся, как бы их не кинули.

– Правильно ведь боятся! – хохотнул шеф службы безопасности».

И на этом разговор был закончен.

До «Афродиты» он добрался через час. Никто не задал ему ни одного вопроса. Только Майя кинула испытующий взгляд – и тут же отвела глаза.

Несколько дней прошли как обычно. Вот только Антон теперь не отлеживался дома, а уезжал с утра вместе с Майей. Вместе они заходили в салон, и Майя шла в «аквариум», а Белов – в кабинет, где Моня выделил ему кресло у окна.

В эти дни они почти ни о чем не говорили с Майей, ничего не обсуждали. Молчали о чем-то своем всю дорогу от дома и обратно и по дому бродили молчаливые, словно чужие. Только перед сном, когда Майя усаживалась на краешек кровати Антона, в синем окне отражались мужчина и женщина, крепко прижавшиеся друг к другу.

И почему-то на плоту. Так виделось Майе.

Зато с Верманом и Дворкиным Антон говорил без конца. Моне нужен был слушатель. Он изливал на Белова потоки мыслей, он строил самые невероятные предположения об их будущем, он предлагал планы один грандиознее другого! Сема смотрел на Антона умоляюще, и тот опускал Моню на грешную землю. Верман сникал и шел встречать клиентов в салоне.

Но через пятнадцать минут прибежал опять – с новой потрясающей идеей.

– Верман, расслабьтесь! – просил Дворкин. – Через вашу суматоху мы все делаем себе бешеные головы. Вы так носитесь, как будто у вас украли или пролили.

Моня замирал, вскидывал на него сумасшедшие глаза и бормотал что-то неразборчиво.

– Честное слово, он доведет себя до инфаркта! – сердилась Майя. – Антон, сделай что-нибудь!

Но все понимали, что по-настоящему вытащить Моню из круговорота бессмысленной суеты может только то событие, которого все ожидают.

Правда, до этого случилась встреча, которой Верман очень боялся: ювелира вызвал к себе Аман Купцов.

Моня вернулся от него пришибленный и встрепанный.

– Все, как Хрящ предсказывал, – простонал он в ответ на невысказанные вопросы. – Аману нужны бриллианты! Я намекал, что, может быть, предпочтительнее поискать алмазы, ведь у нас лучший граничник Москвы!

– А что Купцов? – сочувственно спросила Майя. – Отказался?

– Отказался, – сокрушенно подтвердил Моня. – Отказался, как моя тетя Рая, когда один человек предложил ей переехать вместе с ним в Мариуполь. Она так посмотрела на него, что он поехал в Мариуполь один и по дороге чуть не повесился в тамбуре от стыда.

– Если ты про Гришу Черного, то он уехал в Мариуполь на мопеде, – подал голос Сема. – Я ничего плохого не хочу сказать за наш автопром, дай им бог здоровья, но мопедов с тамбурами они пока не делают.

Моня осекся на полуслове, приоткрыв рот. Грубое напоминание о реальности на несколько секунд выбило его из колеи. Майя бросила на Антона взгляд, в котором искрился смех. «Ну-ка, ну-ка, и как Верман выпутается из положения?» – говорил этот взгляд.

Верман расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и с сердитым видом одернул жилет.

– Дворкин, вечно вы со своими неуместными комментариями! Да, Гриша действительно уехал на мопеде. Я помню этот драндулет, он вонял под окнами тети Раи хуже кошки, и с таким звуком, что она краснела и извинялась перед гостями. Он издох на полдороге до Мариуполя – драндулет, не Гриша – и Черному пришлось купить билет на поезд. Там он хотел повеситься, но его спас проводник.

– И как же он его спас? – любопытствовала Майя. – Вынул из петли?

– Не дал веревку, – лаконично ответил Верман. – Но что мы все о Грише? Дело вовсе не в нем, а в моей тете Рае! Ай, когда она сердилась, у нее был такой взгляд! Этим взглядом можно было вскрывать консервные банки и резать замороженное мясо.

Антон шепнул Майе на ухо:

– Полезная женщина в хозяйстве была тетя Рая.

– И Аман Купцов сегодня посмотрел на меня именно так, – удрученно закончил Верман, не слушая их. – Когда я предложил ему алмазы, он задрал брови и сделал такой вид, будто я хочу продать ему три кастрюли из нержавеющей стали по цене одной. «Бриллианты, – напомнил он. – Речь о бриллиантах». Ну так что же, Моне Верману не нужно повторять два раза, он все понимает без крайнего слова. Мона Верман сказал, что у него как раз есть клиент в Цюрихе, который дает отличную партию. Конечно, Аман удивился, зачем тому продавать сразу двенадцать бриллиантов, когда можно шикарно сбыть их по одному и иметь куда больше денег. Но мало ли, что взбредет в голову коллекционерам! Вот моя тетя Рая собирала статуэтки балерин. И что вы думаете?...

– Верман, – очень серьезно сказал Дворкин. – Мы думаем, что если вы еще раз упомянете свою тетю Раю, то умрете раньше, чем запланировал Коля Хрящевский, и не от его руки.

Мона Верман вылетел в Цюрих на следующий день. Антон проводил его на самолет – не столько потому, что заботился о ювелире, сколько из опасения, что Верман в возбужденном состоянии пропустит свой рейс. Но Мона снова притих, смотрел вокруг большими глазами и только напоследок, перед тем, как идти на таможенный контроль, обернулся к Белову и аккуратно взял его за рукав.

– Антон, только не делайте без меня глупостей, – попросил он, избегая смотреть на перевозчика.

– О чем вы, Мона?

– Вы как-то сказали, что самое простое решение нашей с вами проблемы – силовое. Так вот я прошу вас, Антон: не надо. Даже если что-то пойдет не так в Цюрихе и я не вернусь – все равно не надо. Будет хуже, поверьте мне, пожилому человеку.

Антон почувствовал жалость. Этот старый обаятельный мошенник, неловко мнувший рукав его рубахи, боялся – боялся за всех: и за себя, и за Сему, и за Яшу, и за Майю. «Только на меня ему плевать, – подумал Белов. – Но ведь и мне на него тоже».

И все-таки чертова жалость – ненужное, лишнее чувство –

подобралось откуда-то изнутри, когда Антон смотрел на постаревшего Моню. Он понимал, что тот хочет сказать. «Если я погибну, вы ничего не сможете изменить. Не пытайтесь убрать Хрящевского, просто бегите».

Антон заставил себя улыбнуться и похлопал Вермана по плечу.

– Моня, не говорите глупости, – с преувеличенной бодростью сказал он. – С вами все будет в порядке. Хрящевский заинтересован в том, чтобы вы вернулись живым и невредимым с его бриллиантами, поэтому в Цюрихе вас никто не тронет. Наоборот, вас будут беречь и опекать.

Но Моня, вместо того чтобы приободриться, съезжился еще больше. Глядя на него, Белов тоже почувствовал тревогу. Что, если у старика предчувствие? А они отпускают его одного, перепуганного, уставшего... В эту секунду он от души пожалел, что не летит вместе с ювелиром.

– Все равно, – тихо уронил Верман, – мало ли что может случиться. Я уже немолодой человек, у меня слабое сердце...

Он отвернулся, ссутулился и стал похож на несчастного пингвина в нелепом сюртуке. Куда делся его победительный взгляд и напор, куда пропала готовность высмеивать всех вокруг? «Если Верман апеллирует к слабому сердцу, значит, дело совсем плохо», – подумал Антон.

– Ну вот что, – решительно сказал он. – Вы никуда сейчас не полетите. То есть полетите, но следующим рейсом, и я вместе с вами. Вас нельзя отпускать одного в таком состоянии, вы совсем расклеились.

– Слабое сердце, печень ни к черту, – продолжал трагически перечислять Моня, не слушая его, – отит хронический, гайморит и все зубы в пломбах... Даже «шестерка»! Знали бы вы, какие в нашем роду у всех крепкие «шестерки»... А что у меня?

Белов пристально поглядел на него.

– И еще по вечерам меня мучают газы, – понизив голос, поделился Верман. – Вас не мучают? Я так и думал. Вы молодой человек, вам рано. Вот доживете до моих лет...

– Черт бы вас побрал, Моня! – Антон испытал смесь злости и облегчения. – Ну и шуточки у вас! Идиотские, честное слово. А ведь я уже собрался бежать за билетами!

Ювелир выпрямил спину и потянулся.

– Ну и побежали бы, – нормальным голосом сказал он. – Бег – он для суставов полезен.

– Идите к черту, Верман! – Антон рассердился не на шутку. – Для чего вам понадобился этот спектакль? Хотели убедиться в своей способности вызывать сочувствие?

Моня с серьезным видом покачал головой, но в глазах у него играли

плутовские огоньки.

– Хотел убедиться, есть ли у вас что-нибудь здесь, мой мальчик.

Верман быстро приложил руку к его груди, слева. В следующую секунду Антон отшатнулся с негодованием, и рука Мони осталась в воздухе.

– И я таки думаю, что еще что-то осталось.

Он с легкостью подхватил чемодан и молодецковой походкой двинулся к окошкам таможни.

Вернулся Моня через три дня. За это время в салоне извелись все, кроме Антона. Белов умел ждать, и к тому же в глубине души был убежден, что с Верманом ничего дурного не случится.

Но когда ранним утром щегольски одетый Моня с кейсом в руке вошел в салон, Антон обрадовался. И сам удивился своей радости. За дядей тащился долговязый Яша, встречавший его в аэропорту, ныл, что утренние рейсы – это издевательство над растущим организмом и предлагал немедленно устроить выходной день.

– Ша, Яков! Держите себя в руках, – приструнил его Сема. Он обнял друга, но тут же отстранился и окинул его испытующим взглядом.

– Сема, вы смотрите не на то, – ухмыльнулся Верман. – Хотите полюбоваться, что я привез? Яша, не стой столбом – проверь, закрыты ли двери.

Все сгрудились вокруг стола. Моня открыл кейс, порылся в нем и выложил на стол продолговатую коробочку. В таких коробочках продаются качественные перьевые ручки в отделах канцелярских принадлежностей.

Но когда Моня Верман открыл ее, внутри оказалась вовсе не ручка. В маленьких углублениях, по шесть в каждом ряду, лежали бриллианты.

Яша громко вздохнул. Он навис, как жираф, над Антоном, перегнулся через его плечо и восхищенно взирал на камешки в ямках.

– Что ты вздыхаешь, Яков? – укорил его Верман. – Ты же наследник нашего ювелирного дела, должен понимать немного в этих вещах. Дворкин, вы здесь?

Сема уже ждал с инструментами наготове. Он уселся за вермановский стол и по очереди изучил каждый из камней. Остальные застыли в почтительном молчании.

Отложив последний бриллиант, Сема вынес вердикт. Вердикт звучал кратко:

– Плохо.

– Что, совсем плохо? – не поверил Яша. – Дядя Сема, дайте я!..

Но, посмотрев, быстро приуныл и признал правоту дяди. Да, бриллианты не стоили и половины той суммы, которую отдал за них Аман Купцов руками Мони Вермана.

– Чистота – на си два по их заграничной шкале, – сокрушенно покачал головой Дворкин. – Поверхностных дефектов нет, но внутри – сплошные включения. В основном, трещины... Вот здесь несколько точек. Если по нашей шкале, то уверенная восьмерочка. М-да, камешки не очень. Структурных микротрещин много. Некоторые даже без лупы видны. Куда это годится?

– Я думаю, они бразильские, – подал голос Верман. – Помните, Сема, пару лет назад шли похожие камешки, один за другим?

– Может быть, может быть, – согласился тот. – Но нам с этого знания ни горячо, ни холодно. Яша, голубчик, надо увезти их в банк. Неровен час, кто-нибудь вздумает ограбить двух бедных ювелиров, и будет совсем не смешно.

Верман не сообщил Амону Купцову о своем возвращении, и все отлично понимали, по какой причине. Возвращение означало, что бриллианты без лишних проволочек отправятся к медиа-магнату Коржаку, и к цепочке, придуманной Хрящевским, присоединится последнее звено.

Теперь с часу на час они ожидали приезда человека, от которого зависел успех их «операции».

И это случилось.

Во вторник Антона и Майю встретил подпрыгивающий от возбуждения Верман.

– Он звонил! – торопливо сообщил Моня. – Звонил, вы можете себе представить?! Он уже здесь!

Ювелир схватил Белова за руку и потащил за собой в кабинет. Захлопнул дверь, едва не пришибив бедного Дворкина, а на сунувшегося следом Яшу грозно цыкнул.

– Генрих, Генрих Краузе, – горячо шептал Моня, точно заклиная какого-то демона. – Краузе, слышите? Слышите?!

– Мальчик мой, дайте ему успокоительного или по лысине, – невозмутимо посоветовал Дворкин. – Я жалею всем сердцем, но не вижу другой возможности привести этого шлимазла в чувство.

Моня остановился и с достоинством вскинул голову: маленький полководец перед битвой.

– Лысина, Сема, это у вас. А у меня – проталина ума! И мой ум подсказывает мне, что близок миг решительных действий.

Антон опустился в свое кресло, стараясь оставаться спокойным.

– И когда вы увидите с Генрихом?

– Сегодня в «Набокове», в семь. Деловой человек, не хочет терять времени зря.

– Это правильно, – сказал Антон, думая о своем. – Это очень правильно...

Полчаса спустя он улизнул из салона и позвонил Дымову.

– Приехал покупатель, – сообщил Белов, не здороваясь. – Он здесь, в Москве. В семь у них назначена встреча.

Глава 9

Ровно в шесть часов вечера из гостиницы «Метрополь» вышел сухопарый подтянутый человек с военной выправкой. Несмотря на генеральскую осанку, одет человек был небрежно, по-европейски: светлые льняные брюки и невнятная мятая рубашка навывпуск. Невнятность ее, впрочем, была той категории, которая обходится владельцу очень дорого и ценится выше, чем прекрасно отутюженная индивидуальность.

Язык не повернулся бы сказать о сухопаром, что он старик. А между тем это был именно старик, лет семидесяти с небольшим. Прекрасный естественный загар, белоснежные зубы и здоровый вид лучше прочего говорили о том, что сухопарый ведет правильный образ жизни, несовместимый с проживанием в столице.

К тому же лицо его закрывали очки-«стрекозы», которые невозможно было представить на российском пенсионере, а за плечом болтался совсем уж нелепый рюкзак из желтой замши, обвешанный сбоку значками, как елка игрушками.

На старике был такой густой налет чужеродности, что даже невнимательный прохожий определил бы с одного взгляда: иностранец, причем из чудаков. То ли англичанин, то ли немец – кто их разберет! Впрочем, точно не француз, и уж подавно не бельгиец: у того в придачу к круглому животу имелись бы тараканьи усы, как знает любой, знакомый с фильмами о Пуаро.

Незнакомец же был чисто выбрит, буквально выскоблен. Он постоял возле отеля, потирая подбородок, и весь вид его выражал сомнения. В конце концов, сверившись с картой, придирчиво осмотрев небо и не обнаружив на нем ни единого облака, старик решил и двинулся прогулочным шагом в сторону шумной Тверской.

Генрих Краузе по паспорту был немец, однако охотно рассказывал про отца, бежавшего в восемнадцатом году из огромной страны, охваченной революцией. В Гамбурге, где молодой Александр Красин завербовался на корабль, он встретил совсем юную девушку, говорившую, как и он, по-русски. Девушка полгода назад уехала с родителями из Киева, но в Гамбурге очутилась уже одна: родители умерли в пути от страшной болезни, скосившей треть экипажа и больше половины пассажиров.

Через двадцать лет у этих двоих, уже не рассчитывавших на божью милость, родился поздний ребенок – мальчик, которого назвали Генрих.

Все это Генрих Краузе с удовольствием рассказывал портье, официанту в отеле, случайному собеседнику в холле, и было видно, как он гордится своей биографией. По-русски немец говорил хорошо: запас слов у него был небольшой, зато выговаривал он их чисто, хоть и безбожно путая ударения.

Генрих прошел мимо ЦУМа и даже остановился, восхищенно прищелкнув языком, миновал Большой Театр, вертя головой по сторонам, и едва не свернул к Кремлю, зачарованный видом башен. Но вовремя спохватился и повернул вверх, на Тверскую, то и дело оглядываясь назад и любуясь перспективой.

Он не замечал, что за ним в отдалении следует неприметный серый парень из тех, что сливаются с любой толпой. Генриху нравилась весенняя Москва, он развлекался, рассматривая витрины и людей, а мысли о деле, которое привело его сюда, заставляли немца весело насвистывать. На косые взгляды прохожих он не обращал внимания. Краузе мог позволить себе быть немного эксцентричным.

Без пяти семь он остановился возле ресторана, где была назначена встреча, и взглянул на часы. Часы у Генриха были старые, дешевенькие, и к тому же с треснувшим циферблатом. Но ни один из тех людей, которые привыкли оценивать человека по часам, не рискнул бы назвать старика бедняком. Эти разбитые часы воспринимались исключительно как милая прихоть очень состоятельного человека.

Человека, следившего за ним, Генрих не заметил. Но как только он вошел в ресторан, серый парень нырнул за угол и тихо сказал:

– Ну все, он на месте.

Моня уже ждал внутри. Увидев вошедшего, он вскочил, и по лицу его расплылась радостная улыбка.

– Генрих!

Официант провел Краузе за столик. Генрих и Моня, видевшие друг друга первый раз в жизни, поздоровались как хорошие приятели: долго пожимали друг другу руку, и лица их сияли. Верман про себя отметил, что у Краузе зубы не в пример лучше его собственных, и улыбка его слегка померкла.

Наконец оба уселись, присматриваясь друг к другу.

– Я в первый раз прилетел в Москву весной, – сказал Краузе по-русски, со смешной тщательностью выговаривая слова. – Очень красиво. Мне нравится.

– Вы часто бываете в России?

– Редко, – вздохнул Генрих. – Но она становится хорошей... Как это сказать?

– Хорошеет, – подсказал Верман.

– Да! Хорошеет. Люди, – подумав, добавил он, – люди на улице немножко дикие. Но это потом пройдет. Пятьдесят, сто лет, я не знаю... И пройдет.

Официант принес меню, и Генрих замолчал, придирчиво выбирая блюда.

– О! – обрадовался немец, увидев знакомое название. – Гречневая каша! Это обязательно надо есть.

Моня, который терпеть не мог гречку, заказал ее же, и оба попросили суп.

– Что вам еще понравилось? – с улыбкой спросил он.

Генрих сосредоточенно расправил салфетку, чтобы не осталось ни одного смятого уголка.

– Машины, – наконец сказал он. – Как они едут... Такая свобода! В Мюнхене ты на секунду припарковался в плохом месте, и к тебе уже идет полицейский. В Москве можно парковаться на голове у полицейского. Он не будет рад, но вы можете заключить договор.

– Договориться.

– Да! И ты снова едешь как хочешь – вперед, назад, поперек. Нет ограничений.

– И вам это нравится? – удивился Верман. – После ваших строгих правил? Не могу поверить.

Генрих Краузе торжественно постучал себя кулаком в грудь:

– В душе я русский! А какой же русский не любит быстрой езды, как сказал великий Пушкин! Пушкина я тоже люблю. О, вы смеетесь, герр Верман!

Но и сам тоже рассмеялся, с комическим видом разводя руками.

– Прошу вас, никаких герров! – запротестовал ювелир. – Коли уж я называю вас Генрихом, то и вы зовите меня Моней.

Принесли салат, а за ним суп. Посередине стола официант величественным жестом поставил глиняный горшок и ловко снял крышку. Из горшка дохнуло умопомрачительно. Официант с длинными пальцами пианиста виртуозно разлил суп по тарелкам, и Генрих взмахнул ложкой, как смычком, приглашая Моню приступать.

Приступили. Обжигаясь, дуя на ложку с багрово-золотистым, хором съели суп, не говоря ни слова, и одновременно откинулись назад.

– Песня, – выдохнул Генрих Краузе.

Моня лишь кивнул, сыто отдуваясь.

– Этот повар – он тот, кто делает чудо... – Краузе щелкнул пальцами, вспоминая слово. – Как это по-русски...

– Волшебник, – выручил Моня. И тут же добавил на прекрасном немецком: – Генрих, если хотите, давайте говорить на вашем языке. Или мне лучше называть вас герр Краузе?

– Ну мы же договорились, – обиженно протянул старик, переходя на баварский диалект. – Никаких герров. Вы правы, на немецком будет удобнее. Я давно не практиковался в русском, к сожалению, забыл половину слов. Но этот суп – он не требует слов, он требует музыки. Без ложной скромности скажу, что я умею слышать музыку в прекрасном, что бы это ни было: суп, женщина или бриллианты...

Повисла крошечная пауза. Верман сцепил пальцы на животе и подобрался: вот теперь начинался разговор.

– Счастливая способность, – согласился он. – Надеюсь, у вас будет возможность оценить «Голубого Француза» и послушать, как он звучит. Думаю, это соната!

...Генрих Краузе вернулся в гостиницу «Метрополь» поздним вечером. Таинственно улыбаясь, взял у портье ключи и поднялся наверх, насвистывая старинный ригодон. Номер, по его мнению, был слишком вычурным, но это искупал прекрасный вид из окна: на многолюдную площадь, обрамленную деревьями.

– Чудесно, чудесно, – пробормотал по-русски довольный Краузе, ставя ударение на «у».

Пока все шло замечательно. Этот город, в котором Генрих не был так давно, очаровывал его, как и прежде. И с Моней Верманом все складывалось более чем удачно, хотя Генрих, что уж скрывать, заранее настроился на неприятные сюрпризы.

– Голубой Француз! – пропел Краузе на мотив ригодона. – Голубой, голубой, голубой француз!

Лег в кровать и через пять минут уже спал, мечтательно похрапывая.

На следующее утро Валентин Дымов докладывал Хрящевскому:

– Вот что о нем известно: он миллионер, владелец сети гостиниц в Германии. Старикан со странностями. Всегда путешествует один, хотя его уже два раза пытались похитить, везде ходит пешком, при этом панически боится дождей.

– Каких еще дождей? – раздраженно осведомился Хрящевский. –

Дымов, ты по делу, по делу давай!

Николай с утра был сердит, но не из-за Краузе. Дымов знал, что еще полгода назад к шефу просочилась информация: китайские умельцы освоили технологию заполнения пустот в драгоценных камнях. Услышав об этом, Хрящевский загорелся и решил во что бы то ни стало выкупить ее. Однако столкнулся с неожиданными трудностями – то ли изобретатель сбежал, то ли китайцы хитрили, но только ничего не получалось. Переговоры с узкоглазыми окончательно зашли в тупик, и Хрящевский злился, не получив желаемого.

– Что там с дождями? – недовольно повторил он.

– Так в статье написано, – оправдался начальник службы безопасности, – вот, мне ребята с немецкого перевели. На самом деле про немца толком ничего не известно. Гостиницами этот Краузе давно уже сам не управляет, в основном путешествует по миру.

Хрящевский фыркнул:

– Не посмотрелся еще на мир-то, лось немецкий?

– Он не немецкий, – внезапно заступился за Генриха Дымов. – У него корни русские. И он не просто так ездит, а выискивает редкие камни. Коллекционирует он их.

– Вот это уже ближе к делу, – похвалил Николай. – А то начал с дождичка.

– Коллекция у него непонятная: толком ее никто не видел. Один журналист был у Краузе в гостях и рассказал, что у того в подвале что-то вроде бомбоубежища. А в нем комната с драгоценностями. Якобы он даже видел своими глазами.... – Дымов сверился с записями и прочел по бумажке: —...два изумруда Лепре и белый алмаз «Конкистадор». Но Краузе позже объявил, что журналист все придумал и никакого бомбоубежища у него под домом нет, а камней и подавно. Чуть было до судебного процесса не дошло, но потом журналист взял все слова обратно, и на этом заглохло.

– «Конкистадор»! – Хрящевский уважительно присвистнул. – Если журналюга не соврал, то старикан непрост, ой как непрост!

– Наоборот, если он соврал, – поправил Дымов. – Ну, потом соврал. В смысле, не сначала соврал, а потом сказал правду, а наоборот.

Николай холодно смотрел на него, и Валентин Петрович смешался и замолчал. Пауза угрожающе затянулась.

– Ладно, – сжалился Хрящевский. – Что там еще у тебя?

– В общем, больше ничего, Николай Павлович, – признал Дымов. – Есть еще про семейное положение: был женат, развелся двадцать лет назад,

детей нет. В сорок лет получил образование геммолога, еще слушал курс лекций по истории драгоценных камней.

– Увлеченный мужик.

– По-русски говорит, но не очень хорошо. Последний раз приезжал в Россию пять лет назад, был в Питере и, по слухам, уехал с каким-то редким аметистом. Этот аметист ему сосватал питерский приятель Вермана, тоже ювелир. Через него Верман и вышел на Краузе. Это нам Белов рассказал. Кстати, Николай Павлович, что с перевозчиком-то будем делать?

Хрящевский раздраженно махнул рукой.

– Потом, Дымов, все потом. Перевозчик никуда не денется. А вот Верман, сука, сейчас провернет сделку и будет сидеть при деньгах, как пахан на общаке. Не для того я Алину к нему подсылал, чтобы он мне все сорвал и сухим из воды вышел.

Дымов осмелился заметить:

– Сухим-то все равно не выйдет.

– Выйдет, не выйдет – какая разница?! – вспыхнул Хрящевский. – Мне нужно, чтобы он свое дело сделал, лег под Амана с нашими камушками! А он, карась жирный, с крючка пытается сорваться, извивается, хвостом бьет... Где сейчас Белов? А?!

Дымов облизнул пересохшие губы:

– С ними, Николай Павлович. Обо всех их делах докладывает, как и договаривались. Четкий мужик, ничего не скажешь: без него мы проворонили бы вермановские шашни за нашей спиной.

– Не «мы», а «ты», – зло поправил Хрящ. – Ты проворонил бы! Ладно, расслабься... На какое время назначена сделка?

– Белов сказал, что Верман успел вчера до закрытия банка отвезти немца в хранилище, – заторопился начальник службы безопасности, – и тот убедился, что бриллиант настоящий, не подделка.

– Вдвоем ездили?

– Да, больше никого не было. За ними наш человек следил на улице, а потом в банк зашел. Уверяет, что в хранилище они спускались вдвоем.

Хрящевский поразмыслил немного, пощипывая толстую губу. Вдвоем? Без эксперта? Как же Краузе определил, что Верман подсовывает ему не подделку, а настоящего «Голубого Француза»? Неужели сам?

– Ну да, все верно, – пробормотал он. – Старикан ведь геммолог, у него наверняка и инструменты с собой были.

Дымов подтвердил, что немец действительно таскал за собой довольно объемный рюкзак.

– Значит, проверил... Кстати, Дымов, ты отправил людей к

Ольховской, как я говорил?

Валентин Петрович не отправил людей, а лично съездил к старенькой Анне Андреевне. После случая с курьером он не рискнул полагаться на своих помощников. Тем более, что за провал в таком важном деле Хрящевский снял бы с него голову.

Старушонка оказалась доверчива, как ребенок, и преспокойно пустила представительного Валентина Петровича в свою квартиру. Она обитала в четырехкомнатной «сталинке» с длинным коридором, по которому бесшумно шныряли дымчатые коты. В просторных комнатах с высокими потолками крошечная старушка смотрелась как музейный экспонат или восковая кукла – уменьшенная копия живой женщины.

Дымов ожидал, что попасть в обитель Ольховской будет не так-то просто, и поразился старухиному легкомыслию. Но из беглого осмотра квартиры стало понятно, в чем причина ее беспечности: ни янтаря, ни других ценностей в доме не было видно и следа – лишь шкафчики с фарфоровыми статуэтками и старыми фотографиями. Поскольку Дымов представился работником службы социального обеспечения, старушка предложила ему чаю и разоткровенничалась.

Тут-то и выяснилось, что все ценные вещи она по совету Мони Вермана хранит в банке. Пронырливый ювелир лично арендовал для нее ячейку, оплатил, научил ею пользоваться, и этим окончательно завоевал расположение и благодарность Анны Андреевны.

– Он такой чудесный человек, – с улыбкой рассказывала она Дымову, – так трогательно заботится обо мне. Сейчас подобная бескорыстность, к сожалению, очень редко встречается. Прошу вас, берите конфеты, не стесняйтесь!

Старушка взяла чашку, и Валентин Петрович заметил, что ее тонкие морщинистые ручки дрожат. Поднося чашку к губам, Ольховская едва не расплескала чай.

– Снова трясет, – огорченно заметила она и поставила чашку на блюдце. – Я давно заметила: землетрясения участились! Все врут, что в Москве безопасно. Уверена, что мы сидим на вулкане. Пейте чай! Это тибетский...

«Плохо дело», – подумал Дымов, услышав о землетрясении.

Перед ним на столе красовался белый фарфоровый чайник с птичкой на крышке, у которой был отломан кусочек хвоста. Ольховская приготовила все для чаепития с большим тщанием: и чайник ополоснула дважды, прежде чем заварить чай, и достала корзинку с конфетами, и поставила перед Дымовым прелестную белую чашку, тонкую, как бумага.

Над чашкой поднимался ароматный пар. Дымов, любивший чай, отпил глоток... И глаза у него полезли на лоб.

Напиток оказался горьким и невероятно противным. «Да эта карга его заварила на протухшей рыбной чешуе! На портянках тибетских монахов!» – про себя завопил Дымов, в котором от потрясения проснулось воображение. Чай действительно пованивал рыбой и чем-то еще, смутно знакомым и меньше всего ассоциирующимся с чаем. Валентин Петрович решил для собственного спокойствия не вспоминать, чем именно.

– Пейте-пейте! – подбодрила его Ольховская. – Полезный чай, очень! Моя подруга привозит мне его из Тибета. Я верю, что беседа у людей только тогда идет хорошо, когда их объединяет совместная трапеза или чаепитие.

Дымов с трудом сделал еще один глоток, прилагая колоссальные усилия, чтобы «держать лицо». Старушка наблюдала за ним с блаженной улыбкой.

– Редко кто в наше время ценит хороший чай, – поделилась она. – А ведь он продлевает жизнь, вы знали? Прошу вас, пейте, пока не остыл.

Валентин Петрович задержал дыхание, отхлебнул чай и судорожным глотком протолкнул его в пищевод. У него появилось устойчивое ощущение, что вместо продления жизни он только что сократил ее лет на десять. Единственное, что утешало Дымова – это благосклонный взгляд Ольховской, похоже, зачислившей его в кружок любителей тибетской отравы.

Решив ковать железо пока горячо, Валентин Петрович издалека приступил к расспросам. Перед ним стояла сложная задача: навести старуху на разговор о «Голубом Французе», не вызвав подозрений. «С чего бы работнику мэрии проявлять интерес к чужим драгоценностям? Не дай бог, бабулька что-нибудь заподозрит и выставит меня из квартиры, – думал Дымов, поддакивая рассказам о благородном ювелире. – Попробую-ка вспомнить что-нибудь про наследство от дальнего родственника».

И тут же, не сходя с места, выдумал себе богатого двоюродного деда, завещавшего внуку ценный перстень.

Его затея имела успех: хозяйка воодушевилась и с удовольствием подхватила тему наследства. Видя, что Ольховская забывает то, о чем только что говорила, Дымов настроился услышать старческий бред пополам с фантазиями. Но старушка удивительно внятно рассказала ему историю аквамарина, который она продала знакомому ювелиру Моне Верману. («Не помню, говорила ли я вам, какой это удивительный, понимающий, воспитанный молодой человек?») «Аквамарин» достался ей

от маменьки. Маменьке же он перешел от ее царственной воспитанницы, у которой таких камешков было много.

– Маменька очень его любила, – поведала Ольховская, радуясь, что нашелся слушатель, – берегла как память о семье. Вы понимаете меня? О той семье.

Она понизила голос и испуганно оглянулась, как будто опасалась, что ее подслушивают. Дымов ободряюще кивнул.

– Но послушайте, угощайтесь же конфетами! – перебила сама себя Анна Андреевна. – Это чудесная карамель, моя любимая.

Валентин Петрович, сладко улыбаясь, развернул фантик и положил липкий шарик в рот в надежде заесть омерзительный привкус чая. Попробовал прожевать – но не тут-то было! Карамель оказалась твердой, как камень. К тому же Дымов учуял слабый, но вполне явственный кисловатый запах, который показался ему несвойственным свежей карамели.

– Вкусно, не правда ли? – обрадовалась Ольховская. – Так о чем мы? Ах да, аквамарин! Маменька любила его, но мне, признаться, он был ни к чему. Я не ношу прозрачный голубой. Моя душа склоняется к золотистым оттенкам, к теплу янтаря. Поэтому я отнесла его господину Верману, и тот очень обрадовался.

«Еще бы не обрадовался! – Дымов даже зубами скрипнул от злости. – Когда ты, старая кошелка, своими руками ему такой подарочек сделала! Сколько там, по словам Белова... Десять миллионов долларов? Даже если пять. Ха-ха, неплохой кусочек!»

Но вслух он сказал, сделав проникновенное лицо:

– Вам действительно больше пойдет желтый!

Ольховская расцвела.

– Так приятно иметь дело с понимающим человеком. Господин Верман сказал то же самое, когда пришел в себя. Берите еще карамель, прошу вас.

– Спасибо, я уже... – попытался отказаться Дымов, но старушка закапризничала:

– Берите же, я настаиваю!

Шеф безопасности послушно взял вторую конфету. Ольховская поощрительно кивнула.

Стараясь не морщиться от запаха, Дымов сунул и эту карамельку за щеку. Зубы у него были плохие, запломбированные, и они тотчас заньли, предупреждая, что больше сладостей им не вынести.

– Пришел в себя? – переспросил Валентин Петрович.

Из-за карамелек у него получилось: «прифол».

– Что-что?

– Вы сказали, когда господин Верман прифол в себя...

– Ах, поняла! Как вы смешно шепелявите... Пустяки: ему стало дурно от духоты.

– Наверное, когда вы показали аквамарин, – уточнил Дымов, догадываясь о подоплеке случившегося.

– Да-да, именно так! Бедный господин Верман даже вынужден был позвать своего помощника, лишь бы не задерживать меня.

Начальник службы безопасности представил, как два ювелира, трепеща, склонились над голубым камнем. Должно быть, Верман не поверил своим глазам и потому призвал на помощь Дворкина. «Нет, вовсе не о тебе они заботились, глупая ты букашка! Они хотели убедиться, что перед ними действительно бриллиант».

– Я волновалась, что мой аквамарин окажется им не нужен, – трогательно призналась старушка, прижимая обезьяньи ручки к груди. – Но Монечка согласился его взять. У него есть знакомая дама, которая увлекается аквамарином, и он уверял меня, что она с радостью купит мой экземпляр.

Она грациозно поднялась, собираясь долить Дымову чай из белого чайничка с птичкой на крышке. Валентин Петрович вжался в спинку стула.

– Спасибо, – проблеял он. – Достаточно чая!

– Да?

Ольховская растерянно замерла, не зная, чем же в таком случае порадовать гостя. Но тут же спохватилась:

– Тогда – конфеты!

И добавила с укоризной:

– Вы ведь еще ни одной не попробовали...

Прежде, чем гость успел сбежать, в него буквально силком впихнули одну за другой пять карамелек. Дымов превратился в хомяка: за каждой щекой у него хранился запас конфет. Зубы во весь голос кричали о непереносимости сладкого, приторная слюна с гадким привкусом мешала говорить, к тому же карамельки начали постукивать друг об друга, стоило Дымову открыть рот.

– Брофь! – попытался он объяснить напоследок Анне Андреевне. – Ваф аквамарин флучайно не был оправлен в брофь?

Ольховская недоуменно посмотрела на него.

– Бровь? Что вы хотите сказать?

Валентин Петрович перегнал стадо карамелек за левую щеку и выговорил, мученически улыбаясь:

– Ваш аквамарин не был оправлен в брошь?

– А-а-а, в брошь! Нет, кажется, не был. Впрочем, не знаю. Нет, все-таки не был, я точно уверена. Маменька что-то говорила о броши, но куда делась оправа, я совершенно не помню. Должно быть, потерялась при переездах.

Вот теперь Дымов понял, что его миссия выполнена. Он узнал, откуда у Ольховской появился камень, и даже выяснил, что старушка смутно помнит об оправе.

Большого нельзя требовать, подумал он.

– А ведь Моня Верман тоже интересовался оправой! – вспомнила Анна Андреевна, цепляя гостя за рукав. Гость мычал и пытался вырваться, но она ничего не замечала, поглощенная воспоминаниями. – Все-таки он поразительно галантен! Вы обязательно должны с ним познакомиться – поверьте, он вас очарует, очарует!

Валентин Петрович наконец освободился и, еле двигая челюстями, сообщил, что ему срочно пора убежать. Ольховская поблагодарила его за приятно проведенное время, а затем приподнялась на цыпочки и участливо осведомилась деликатным шепотом:

– А что с вашими зубами, голубчик? Они у вас как-то странно стучат...

Дымов вылетел из подъезда «сталинки» и навис над палисадником, сплевывая карамельки.

– Тьфу ты, пропасть!

Во рту все равно оставался мерзкий привкус.

– Позорище какое! – возмутился за его спиной женский бас.

Обернувшись, Валентин Петрович увидел дворничиху в обнимку с метлой. Дворничиха была как две капли воды похожа на статую колхозницы работы скульптора Мухиной.

– Ты что же свинячишь, перекошенная твоя рожа? – угрожающе осведомилась женщина.

Дымов, привыкший, что московские дворы метут безропотные кроткие таджики, спасовал перед ее напором. Он отступил и поискал глазами машину.

– Убираешься здесь, убираешься, а придут и все равно нагадят, – с нарастающей ненавистью предсказала дворничиха. – Все засрут! Заплюют, загадят и кучами обложат!

– Ничего ж плохого не случилось, – попытался Дымов урезонить грозную бабу. – Что вы, ей богу... Подумаешь, карамель! Перегниет, польза будет.

И тут же понял, что сказал он это зря.

– Я щас эти карамельки подниму и в пасть твою засуну, чтобы в другой раз знал, где плевать! Вот тогда польза будет, – пообещала дворничиха, приближаясь к нему.

И Валентин Петрович позорно бежал. Вслед ему доносились ругательства, из которых самым мягким было «жирное рыло», а он мчался, переваливаясь, через двор, проклиная и Хрящевского, и Ольховскую, и всю эту затею.

Рядом притормозила машина.

– Валентин Петрович, я вас звал-звал, – сконфуженно сказал водитель. – Садитесь скорее. А что это за мегера за вами бежит?

– Езжай давай! – заорал Дымов. – Вопросы он еще задает...

Когда двор Ольховской остался позади, а Валентин Петрович осушил бутылку минералки, он немного пришел в себя. Теперь можно было спокойно обмозговать то, что сказала старушонка.

«Очарует, очарует», – передразнил Дымов Анну Андреевну. – «Отдала даром „Голубого Француза“ и сидит вся очарованная. Тьфу, дура!»

– Я с ней лично побеседовал, Николай Павлович, – отчитался он перед Хрящевским. – Бабулька не совсем еще в маразме – помнит, что камушек ей передала мамаша.

– Мамаша, мамаша, родная ты душа... – пропел Хряц и больно ткнул Дымова пальцем в грудь: – С бабулькой разобрался, м-м?

Начальник службы безопасности растерялся.

– А надо было, Николай Павлович? Вроде указаний не поступало.

– Да шучу я, шучу! Зачем ее трогать? Пускай живет, старая, небо копит. Считай, она свою историческую роль выполнила. Теперь дело за нами.

Дымов понял, что шеф уже выработал стратегию и тактику. Хрящевский всегда принимал решения очень быстро, а в этот раз тянуть было нельзя: слишком уж гладко все складывалось у Вермана и Генриха Краузе.

– Звать моих ребят на инструктаж? – понятливо спросил он.

– Зови. Тех, кто поумнее. Дельце-то, можно сказать, ювелирное!

И затрясся от хохота, довольный получившимся каламбуром.

Но в итоге вышло все вовсе не ювелирно. Хрящевский даже не стал дожидаться вечера, чтобы тихо провернуть все возле дома Семы Дворкина. А на помощника, благоразумно предложившего не рисковать, наорал так, что в кабинете стены дрожали.

– Пока мы ждем и коту яйца крутим, Верман двадцать раз успеет передать Краузе «Француза»! Тебя перевозчик о чем предупредил? Что у них все решено, осталась ерунда – документы подготовить! Так какого хрена нам выжидать?! Верман сейчас сидит у юриста, его придурковатый рыжий племянник второй день не появляется в салоне, значит, там сейчас только Дворкин и эта баба, Марецкая!

– И Белов.

– Так Белов-то вам не помеха, идиоты! Отправляйтесь туда и выполняйте все, как договаривались! Живо, живо, живо!

Хрящевский упал в кресло и крикнул в спину Дымову:

– Только перевозчика предупреди, что вы нагрнете! Пускай отрепетирует свою роль заранее!

В «Афродите» было тревожно и безлюдно. То ли покупатели что-то чувствовали, входя в опустевший магазин, то ли день выдался необычный, но только все поспешно разбежались, едва пробежав взглядом по полупустым витринам.

Моня с утра даже не появился в салоне: исчез по своим таинственным делам. Яшка, к удивлению Майи, и вовсе пропал. Когда она спросила о нем у Семы, тот отделался невнятным бормотанием, и Марецкая решила, что все-таки Верман отправил племянника подальше, с глаз долой.

«И правильно, – думала она, – нечего мальчишке здесь делать. Слишком серьезная пошла игра».

Но без Яшки стало совсем грустно. Они с Дворкиным остались в салоне одни. Правда, еще был Антон, но тот оккупировал кабинет Вермана и в самом магазине не показывался. Так что его словно и не было.

Сема забросил свою работу: слонялся по салону без дела, вздыхал и поглядывал в окно – не идет ли Верман. Но устрашающе огромный черный джип с затонированными стеклами, остановившийся напротив входа, первым заметил не он, а Майя.

Джип и джип – мало ли машин ищет стоянку на оживленном проспекте, где в каждом доме по два магазина! Но ей стало не по себе. С заднего сиденья выбрались двое широкоплечих мужчин в костюмах, одернули пиджаки, синхронно посмотрели налево-направо и стали подниматься по ступенькам.

Моня Верман не держал в штате охранника. В соседнем здании очень удачно находился пункт вневедомственной охраны, и после нажатия кнопки бравые ребята с автоматами прибывали в течение двух минут. Майя и сама не знала, что заставило ее встать поближе к одной из «тревожных»

кнопок и спрятать руки под витрину. Был бы рядом Моня – непременно сделал бы ей замечание. Руки консультанта должны быть видны посетителю!

Двое в пиджаках вошли в салон. Один придержал рукой тревожно зазвонивший колокольчик, второй направился к Семе.

– Семен Львович, вас просит подъехать один ваш знакомый, – без выражения произнес он.

Станный посетитель стоял к Майе спиной, и ей была видна только широкая спина, распиравшая тесный пиджак, и вытянутая, как баклажан, голова.

– Какой знакомый, голубчик? – удивился Дворкин. – Вы о чем?

– Семен Львович, ну не надо, – попросил мужчина.

Майя, стоявшая напротив, заметила, как Сема изменился в лице. Визитер что-то держал в руке, и это «что-то» было хорошо видно Семе, но совсем не видно ей.

– Ваш хороший знакомый, – с напором повторил мужчина. – У вас встреча, вы забыли?

Второй так и стоял у дверей, перегораживая вход. Дворкин, точно под гипнозом, вышел из-за прилавка и двинулся вперед, не бросив на Майю и взгляда.

Он ступал очень странно, словно ноги у него не сгибались в коленках. Казалось, что каждое движение дается Семе с трудом – он едва отрывал подошвы от пола. «Шарк-шарк-шарк-шарк», – раздавалось в салоне. Снаружи сигналили машины, в приоткрытую дверь врвался яростный шум проспекта, но Майя ничего не слышала, кроме этого страшного старческого шарканья.

Визитер крепко держал Сему под локоть одной рукой. Вторую он сунул под пиджак, будто у него там что-то болело. Не доходя до Майи двух шагов, мужчина бросил на нее взгляд, от которого у Марецкой по спине побежали мурашки.

Этот взгляд даже нельзя было бы назвать предостерегающим. Так смотрит с прилавка замороженная рыба мертвыми, ничего не выражающими и все равно пугающими глазами.

Пальцы Майи нащупали гладкую квадратную кнопку, и в ту же секунду сзади кто-то крепко перехватил ее за обе руки, стянул их назад. «Антон»!

Майя даже не могла пошевелиться. Она все-таки попыталась дернуться, но без всякого толка.

– Тихо, – шепнул ей на ухо Белов, удерживая ее стальными

пальцами. – Не надо.

Сема рядом со своим провожатым прошаркал мимо них. Около дверей он оказался зажат между двумя громилами. Конвоируя ювелира с двух сторон, они очень быстро спустились к машине, посадили Дворкина внутрь – и джип сорвался с места раньше, чем успела захлопнуться задняя дверца.

Только тогда оцепенение спало с Майи. Она обернулась к Антону, который разжал руки и отошел в сторону.

– Ты что?! С ума сошел?! Это же грабители!

Он покачал головой.

– Это не грабители. Это люди Хрящевского.

– Какая разница?! Они его увезли!

Антон поднял голову и посмотрел ей в глаза.

– Да, – резко сказал он. – Они его увезли. А ты хотела бы, чтобы они устроили здесь бойню? Если ты не заметила, тот, у двери, держал тебя под прицелом!

– Что они с ним сделают?!

Белов помолчал.

– Что?!

– Ничего не сделают, – неохотно уронил он. – Подержат у себя и завтра привезут.

Секунду Майя смотрела на него расширенными глазами, затем схватилась за телефон:

– Я звоню Верману.

– Не имеет смысла. Ему уже позвонили.

Верман появился в салоне час спустя. При виде его Майя ахнула:

– Господи, Моня, что с вами?

Верман захлопнул дверь, не обращая внимания на растерянные лица двух женщин, собиравшихся зайти в магазин, и опустил жалюзи. Его жилет расстегнулся, из-под жилета торчала рубашка, волосы на голове стояли дыбом. Цвет лица у Вермана стал такой, будто его вот-вот хватит удар.

– Моня, сядьте, выпейте воды!

Антон и Майя усадили ювелира на стул, Белов принес стакан с водой. Верман глотнул, закашлялся и долго не мог прийти в себя – все кашлял и кашлял, держась за горло и выпучив глаза.

– Мне позвонил Хрящевский, – наконец прохрипел Моня. – Дворкин у него.

– Мы знаем, – взволнованно сказала Майя. – Моня, вы звонили в милицию? Звонили?

Верман покачал головой.

– Так чего же вы ждете?! – поразилась Майя. – Я звоню им сейчас же! Она дернулась, чтобы встать, но Моня положил ей руку на плечо.

– Марецкая, не вздумай никуда звонить, – проговорил он, тяжело дыша. – С ума сошла? Хочешь потом Дворкина опознавать по зубам?

Майю передернуло.

– Так что же, это похищение? – тихо спросила она.

Верман кивнул и снова схватился за стакан с водой. Зубы его с отвратительным звуком клацнули по стеклу, так что Майю передернуло.

– Но зачем Хрящевскому понадобился Сема?! – ужаснулась она.

– Может быть, он хочет держать его у себя в качестве гарантии, что с передачей бриллиантов Купцову все пройдет нормально? – предположил Антон. – И Дворкин его страховка?

Но Моня отрицательно покачал головой.

– Сейчас... – пробормотал он и сунул Белову стакан. – Вы же ничего не знаете! Сейчас...

Он вскочил, добежал до кабинета и скрылся за дверью. Майя вопросительно посмотрела на Антона. Белов пожал плечами.

Через минуту Верман вышел в одной рубашке, без пиджака и жилета, утирая лицо платком. Он забросил в рот две таблетки, вырвал у Антона стакан и судорожно глотнул воды. По подбородку потекли две струйки.

Выпив таблетки, Моня плюхнулся на стул и застыл, обхватив голову руками. Некоторое время Майя выжидала, не начнет ли Верман говорить, но тот молчал, и она не выдержала:

– Моня, все совсем плохо? Скажите хоть что-нибудь! Что случилось?

Моня качнулся на стуле.

– Нас кто-то сдал, – простонал он. – Хрящевский узнал, что я купил «Голубого Француза»!

– Вот черт, – упавшим голосом сказала Майя.

– Да! – Верман внезапно вскочил и потряс кулаком. – Именно черт, а не кто-то другой! Боже мой, боже мой... Я все поставил на этот бриллиант! Такая невероятная, счастливая случайность, что он достался именно тогда, когда был нужен... Я решил, это знак судьбы! Само провидение желает, чтобы мы спаслись! Разве появление «Француза» можно было истолковать как-то иначе?! Ведь он пришел сам, когда его не ждали, и достался нам буквально даром! А Краузе? Он как будто предчувствовал, что я сообщу ему о бриллианте – сразу сорвался и прилетел сюда. Волна успеха, вот как это называется! Нас бы вынесло этой волной так далеко от Хрящевского, что он мог бы лишь кусать себе локти, но Вермана с Дворкиным ему было

бы уже не достать! И проиграть – сейчас, в двух шагах от победы?!

Моня в отчаянии ударил пухлым кулаком по витрине и сам взвыл от боли.

– Это Краузе, Краузе, больше никому! – тряся ушибленной рукой, приговаривал Верман. – Больше никто не знал. Проклятый немец! Фашист! Мерзавец! Не зря он вчера старался вытянуть из меня все подробности! О-о-о, если бы я только догадывался! Я бы прикончил его там, в кафе, этими же руками!

Моня потряс перед собой короткими толстыми ручками. Это выглядело смешно, но ни Антон, ни Майя не улыбнулись.

Ювелир забегал кругами по салону в лихорадочном возбуждении.

– Краузе, Краузе, Краузе... – твердил он, словно ненормальный. – Вот кто во всем виноват! Когда мне позвонили и сказали, что Сема у них, я сразу все понял! Моня Верман совсем не такой глупец, как думают некоторые. Нет, черт возьми, он вовсе не такой глупец! Он гораздо хуже, чем глупец! – закончил Верман упавшим голосом.

Он резко оборвал свой бег, встал как вкопанный и закрыл глаза.

– Моня, – робко позвала Майя. – Моня, скажите... Что хотел от вас Хрящевский?

Верман криво улыбнулся:

– А как ты думаешь?

– Перекупить камень?

Ювелир открыл глаза, убедился, что Майя спрашивает всерьез, и демонически расхохотался.

– Перекупить?! *Перекупить?! Господи, Марецкая, в каком мире ты живешь?! Я тоже хочу в эту волшебную страну, где бандиты покупают драгоценные камни у бедных ювелиров! Как бы счастливо мне жилось там...*

Он доплелся до стула и мешком осел вниз, повторяя: «счастливо, счастливо».

Антон подал голос:

– Хрящевский не покупает то, что можно взять.

– Вот именно, – с горечью подтвердил Моня. – Поэтому он хочет, чтобы я просто отдал камень ему.

– Как – отдал... – обескураженно проговорила Майя. – А что взамен?

– А взамен он выпустит Дворкина целым и невредимым.

Майя уставилась на него в надежде, что это была глупая шутка. Но Верман и не думал шутить.

– И вы сидите и ждете? – поразились она. – Вместо того, чтобы уже

писать заявление в прокуратуру?! Моня, вы что! Надо действовать, немедленно! Вашего Хрящевского прижмут к ногтю как обычного уголовника, которым он и является! Это серьезное преступление, и на этот раз он не отвертится.

Верман с надеждой поднял голову.

– Записи с камер наблюдения, наши показания, – воодушевленно продолжала Майя. – Этого будет вполне достаточно, чтобы завести дело и найти похитителей. Послушайте, ваш великий и ужасный Хрящевский сам себя подставил!

– И как же он себя подставил? – скептически хмыкнул Антон.

Майя осеклась.

– Мы ведь с тобой видели... – пробормотала она.

– Мы с тобой видели, как два человека увели Семена Львовича с собой. То же самое видели и камеры наблюдения. Сема шел сам, его не волочили силком. Но даже если бы и волочили – при чем здесь Хрящевский? Как ты собираешься связать похищение с ним лично? Допустим, следственная группа быстро выяснит, кто были те двое, что увезли Сему. Только предположим, хотя выяснить это не так-то просто – номера на машине наверняка липовые. И что потом?

– Но ведь Моне звонил Хрящевский и предложил камень в обмен на Сему! Что это, как не требование выкупа?

Майя посмотрела на Вермана, ожидая подтверждения своим словам. Но, к ее ужасу, Моня печально покачал головой.

– Конечно, вам звонил не сам Хрящ, – утвердительно сказал Антон.

– Конечно, нет, – вздохнул тот. – Понятия не имею, кто разговаривал со мной. Но точно не он.

Антон пожал плечами:

– Я так и думал. Хрящевский никогда бы не подставился так глупо.

– Но это наверняка его помощники!

– Ну и что? Он заявит, что впервые слышит о похищении, а инициатива его подчиненных не имеет к нему никакого отношения. Так уже было, когда установили, кто застрелил Севу Алмазного. Исполнителя-то нашли и даже взяли живым, но связать его с Хрящом не удалось – не набралась доказательственная база.

Майя не нашлась что ответить.

– А Сева между тем остался лежать с дыркой в голове, – со значением добавил Белов.

Верман вздрогнул.

– Вы хотите, чтобы Сему ждала такая же судьба? – безжалостно сказал

Антон. – Хрящевский решил нас наказать, а заодно извлечь выгоду. Мы взбесили его, попытавшись послушаться! Могу поклясться, теперь он пойдет на все, но проучит нас. Можем заключить пари: как долго проживет Дворкин после того, как на стол прокурора ляжет заявление о его похищении. Хотите опознавать Сему по разложившимся останкам? Может, Хрящ и не получит камня, но Дворкина он вам не отдаст. Поймите вы оба – Хрящевский только что объявил вам войну и захватил первого военнопленного. Будете сражаться? Рискуя его жизнью?

Ответом ему было гнетущее молчание.

Наконец Моня сдался:

– Нет. Конечно же, нет.

– Тогда у вас нет выбора. Нужно передать «Француза» Хрящевскому.

– Подождите! – воскликнула Майя. – Где гарантия, что, получив бриллиант, Хрящевский не убьет Сему?

– Нет такой гарантии, – отрезал Белов. – Никто тебе ее не даст. Зато я могу дать гарантию, что если Хрящевский не получит бриллиант, он совершенно точно убьет его. Моей гарантии тебе будет достаточно?

Верман совершенно сник. Майя сползла на пол рядышком с его стулом, обхватила колени руками. Белов стоял над ними – прямой, бесстрастный – и молча ждал.

– Звоните сейчас, – поторопил их Антон. – Звоните и соглашайтесь. Каждая минута промедления – это дополнительные страдания для Семы. Думаете, с ним будут хорошо обращаться? Я сомневаюсь.

Его слова окончательно решили дело. Моня тяжело поднялся, достал телефон и набрал номер.

– Я согласен на ваше предложение, – глухо сказал он в трубку, когда ему ответили. – Говорите, где и когда состоится передача.

Три часа спустя возле банка остановилась длинная серебристая «ауди», из которой выбрались трое: охранник, за ним низенький пожилой человечек с круглой лысиной и представительный полный мужчина барственного вида. Дымов, а это был именно он, ухватил за рукав человечка, покорно стоящего на тротуаре, и предупредил:

– Верман, чтобы без глупостей!

Моня открыл рот, чтобы возразить, но промолчал. Он казался совершенно раздавленным.

Телохранитель оглядел улицу, плотно заставленную машинами, и мрачно пробасил:

– Валентин Петрович, нехорошее местечко. Слишком много тачек,

половина – темные. Кто в них сидит, не разберешься.

Дымов на секунду задумался, испытующе взглянул на Моню:

– Ты кому-то говорил о том, что должен передать нам? Говорил?

– Вы с ума сошли, – пробормотал Верман. – Кому я мог об этом сказать?

– Смотри, Моня-шмоня, если на нас нападут, твоему Дворкину сделают обрезание головы, – предупредил Дымов.

Верман не отреагировал. Он бессмысленно смотрел перед собой, поджав губы.

– Вот что, Цепов, – вполголоса сказал Валентин Петрович телохранителю, – оставайся здесь и вызови-ка бригаду на всякий пожарный. Пускай ребята рассредоточатся там, там и там. – Он показал рукой. – Мало ли какая сволочь задумала нас здесь дожидаться. Все-таки не пакет молока повезем, а деньги.

Никто, кроме Хрящевского и Дымова, не знал, что должен забрать Верман из ячейки, и начальник службы безопасности не собирался посвящать подчиненных в подробности операции. «Повезем бабки», – сообщил он, и этого было более чем достаточно.

Но хмурый Цепов был прав, Валентин Петрович не мог с ним не согласиться. Они все делали быстро, слишком торопились, и совершенно упустили из виду, что не они одни могут охотиться за «Голубым Французом».

Конечно, Вермана обыскали с головы до пят перед тем, как ехать в банк. Дымов лично руководил осмотром и испытал садистское удовлетворение, наблюдая, как два здоровенных парня осматривают голого, красного, как из бани, ювелира. Он не отказал себе в удовольствии заставить старика наклониться, чтобы показать задний проход, и даже очень смешно пошутил насчет газовой камеры, что вызвало веселье у его ребят.

Никакой аппаратуры, никаких жучков на ювелире не оказалось. Одежду исследовали так тщательно, что нашли бы и вошь, вспороли и пересмотрели подкладку, даже в подошву ботинок Вермана пытались заглянуть. Каблук открутить не смогли, и Дымов не поленился, сгонял помощника в обувной магазин за новой парой обуви.

– Вот тебе и подарочек от нас, – ухмыльнулся он, глядя, как потный Верман пытается запихнуть ногу в ботинок не по размеру. – Считай, бонус за хорошее поведение.

Он потрепал ювелира по щеке.

– А будешь хорошо себя вести, получишь еще что-нибудь!

Верман даже не отшатнулся – только глаза у него стали как у побитой собаки. Но Дымов не собирался останавливаться. Из-за этого паршивого еврея он натерпелся унижений от Хрящевского и теперь мстил, мстил от души.

Перевозчик подтвердил, что Верман не обращался в прокуратуру. Слишком испугался за жизнь своего приятеля. И правильно! Потому что Хрящевский и в самом деле впал в бешенство и приказал замочить старого козла, если что-то пойдет не так.

И все же нельзя было исключать, что кто-то еще, кроме них, охотится за «Голубым Французом». Темная лошадка, Генрих Краузе, мог захотеть сыграть свою собственную игру. Верман клялся, что они обо всем договорились: восемь миллионов – и Краузе забирает бриллиант, а еврей остается при деньгах. Но вдруг, вдруг...

Поэтому Дымов внимательно оглядел переулок, поднял голову, изучая окна жилого дома напротив. Крыши, подъезды... Да, здесь было где спрятаться. Если бы кто-то решил перехитрить всех, включая Хрящевского, и забрать бриллиант у Дымова, лучшего места для нападения и не придумать. Выстрелить в них с Верманом, когда они выйдут из банка, забрать бриллиант и сбежать. Дерзко, конечно, но при должной сноровке займет не больше сорока секунд.

«Пускай только попробуют, – подумал начальник службы безопасности, – сейчас Цепов расставит наших ребят по местам, и если здесь кто-то прячется, он не посмеет напасть при них. Можно убить меня, но зачем? Бриллиант-то ему все равно не забрать!»

Успокоившись, Дымов взял Моню под руку и повел его в банк.

Валентин Петрович мог бы и не подстраховываться, расставляя своих людей по стратегически важным точкам: ни на крышах, ни в машинах, ни за окнами, выходящими на банк, никто не прятался. Моня Верман не солгал: он действительно никому не говорил о том, что собирается забрать бриллиант. Но Дымов этого не знал.

В банке Верман, казалось, совсем растерялся. Он ткнулся в одну сторону, в другую и не сразу сообразил, куда его приглашает миловидная девушка-менеджер.

– Да-да, – бормотал он, – сейчас... – и испуганно оглядывался.

Верман стал похож на крота, вытащенного из норы на белый свет. Дымов поймал недоуменный взгляд менеджера и понял, что нужно брать дело в свои руки.

– Слушай, ты, сука, – с нежной улыбкой сказал он на ухо еврею. – Перестань дергаться как припадочный. На тебя и так смотрят как на

больного. Иди вперед и веди себя солидно, иначе сорвешь весь обмен.

Верман порывисто выпрямился, точно ему в спину вонзили иглу.

– Я что-то немножко растерялся, – извиняющимся тоном сообщил он девушке-менеджеру, – перепутал два офиса и забыл, куда идти.

– Ничего страшного, я вам все покажу, – улыбнулась та. – Пожалуйста, сначала в третье окошко, а потом вас проводят.

Моня даже сумел выжать из себя ответную улыбку.

– Вот и молодец, – тихонько похвалил его Валентин Петрович. – Вот и умница.

Когда с бумажными формальностями было покончено, Моня зажал в кулаке ключ от ячейки и пошел за провожатым. Дымов держался рядом. Он вдруг почувствовал, что волнуется – здесь, в банке, где их не могли подстергать никакие неожиданности. Разве что Верман привлек бы к себе внимание служащих... Но ювелир уже взял себя в руки. Откуда тогда это волнение?

Они спускались по лестнице друг за другом: менеджер, Верман и Дымов. Перед Валентином маячила лысина ювелира, покрытая бисеринками пота, точно полянка росой. И этот жалкий трусливый пень задумал перехитрить Хрящевского! Валентин Петрович не сдержал улыбку. Но зато именно Верману, а не кому-либо другому, удалось заполучить бриллиант.

И тут Дымов понял. Он волновался перед встречей с камнем! «Голубой Француз»... До сих пор эти слова ничего не значили для Валентина, он только смеялся над «нетрадиционной ориентацией» бриллианта. А сейчас вспомнил, что Верман договорился продать его Краузе за восемь миллионов долларов, и эта сумма внезапно ошеломила его. Не восемь миллионов сами по себе, а то, что есть на свете люди, готовые платить их за прозрачные камушки размером с фундук. И то, что бывают на свете такие камушки.

Они сошли вниз и остановились.

– Прошу вас, – сказал сопровождающий, отпирая дверь хранилища.

Моня с Валентином Петровичем вошли в комнату, похожую на камеру хранения на вокзале: сплошные серые ящики от пола до потолка. Посередине – гладкий металлический стол. Провожатый вставил свой экземпляр ключа в ячейку, неслышно удалился, и Верман с Дымовым остались одни.

Ювелир разжал кулак и посмотрел на ключ, словно недоумевая – что это такое и как оно оказалось в его руке?

– Чего стоишь? – процедил Дымов. Волнение его достигло предела: он

с неожиданной отчетливостью вдруг представил, как Верман открывает ячейку, выдвигает ящик, а внутри ничего нет. Картина эта обожгла его холодом.

– Открывай!.. – повторил он, и присовокупил для крепости еще пару ругательств.

Верман подрагивающими пальцами вставил ключ, провернул. Дверца распахнулась, и из шкафа легко выкатился узкий длинный ящик. Из ящика ювелир вынул коробку-пенал, перенес ее на стол и открыл.

В коробке оказался лишь маленький бумажный пакетик размером с ладонь Валентина Петровича. Он был свернут явно на скорую руку, небрежно. Сквозь тонкую бумагу просвечивало что-то маленькое, синее.

Верман протянул руку, но Дымов не выдержал: отпихнул ювелира и сам схватил сверток. Вытряхнул его содержимое на ладонь – и замороженно уставился на камень, не веря своим глазам.

Это был бриллиант ошеломляющей, немислимой красоты. Невозможно было объяснить это с точки зрения логики, но Валентин Петрович сразу понял, что перед ним камень огромной редкости. Должно быть, все дело в цвете: сплюснутый с обоих концов, точно зернышко, бриллиант искрился такой сказочной синевой, что она слепила глаза. Это был не голубой, а чистейший светло-синий: тот оттенок, что рождается на границе слияния неба и моря в ясный солнечный день.

«Француз» оказался меньше, чем ожидал Валентин Петрович – не больше двух сантиметров в длину. Он благоговейно поднял его, сжимая двумя пальцами, и над гранями вспыхнули и заискрились крошечные радуги.

В эту секунду, глядя на прозрачный синий бриллиант, Дымов поверил во все, что прежде казалось ему легендами: и в огромные алмазы Индии, и в охотников за драгоценностями, и в короля Людовика, который до сих пор представлялся ему в большей степени персонажем романов Дюма, чем реально существующим человеком, и в императрицу, жену Николая Второго, про которую Валентин Петрович забыл, как ее звали. Помнил только, что она спала с Распутиным.

Все эти люди вдруг ожили и прошли перед его глазами, пугающе реальные. Вызвал их к жизни синий бриллиант, который Дымов крепко сжимал в пальцах. Цепочку хранителей драгоценности завершала маленькая благожелательная старушка, угощавшая Валентина Петровича чаем и конфетами в своей слишком большой квартире.

«Безмозглая бабка, – пораженно думал Дымов, рассматривая бриллиант. – Как же она могла своими руками отдать такое чудо? Как ей в

голову пришло, что это аквамарин?!»

Валентин Петрович не интересовался драгоценными камнями и никогда не рассматривал аквамарины. Но ему было понятно, что никакой аквамарин не может так выглядеть. «Да, ради такого камня можно убить», – вдруг подумал он и сам озадачился от собственных мыслей. Кого убить? Зачем?

– Что? – тихо спросил Верман.

Оказывается, последние слова Дымов произнес вслух.

– Ничего, – отмахнулся он. – Это не тебе.

В эту секунду ему хотелось, чтобы ювелир исчез, растворился, и они остались бы с камнем вдвоем. «Вот черт! Как он действует на меня, этот „Француз“! – с изумлением осознал Валентин Петрович. – Значит, правду говорят о том, что такие камни обладают особой силой».

Восемь миллионов долларов! Теперь ему было понятно, за что богачи готовы платить огромные деньги. Бриллиант стоил и больше! Десять миллионов, двенадцать... Да черт бы с ними, с миллионами! Где-то в глубине сознания Дымова зрела странная, непривычная для него мысль, что такая красота бесценна. За обладание ею можно заплатить жизнью – но не деньгами.

Он медленно повернул бриллиант в пальцах. Даже под мертвым светом хранилища его прозрачная синева казалась живой, будто глубоко внутри камня невидимый источник излучал небесное свечение. Первый раз в жизни Дымов понял, что значит «совершенный».

«Голубой Француз», творение природы и детище гениального огранщика, был совершенен. Дымов вспомнил, что Хрящевский рассказывал о втором бриллианте такого же цвета, «Большом Французе», но воображение отказывалось представлять его. Он осознал, отчего люди сходили с ума, увидев эти драгоценности, и готовы были пойти на все, лишь бы сохранить их у себя.

Верман отошел на шаг в сторону и даже отвернулся – то ли не желал смотреть, как заберут его сокровище, то ли уловил состояние Дымова. Валентин Петрович нехотя положил бриллиант в заранее припасенную коробочку и спрятал в потайной карман пиджака.

– Закрывай! – скомандовал он. – Чего стоишь?

Моня вздрогнул и бросился исполнять приказ.

– Значит, слушай сюда, – сказал Дымов, когда ячейка была закрыта. – Нам осталось совсем немного: выйти отсюда и доехать до офиса. Если все пройдет нормально, считай, твой приятель к ночи будет дома. Поэтому лицо сделай попроще и расслабься, чтобы не привлекать внимания. Все

понятно?

Верман молча кивнул.

– Ты какой-то неразговорчивый стал, – посетовал Дымов. – А раньше трепался, соловьем разливался... Все, не поется больше пташечке?

Ювелир молчал. А на Дымова напала словоохотливость. Теперь, когда «Француз» лежал у него в кармане, он ощущал себя легко и свободно. Валентин чувствовал что-то вроде опьянения и, как бывает при опьянении, у него развязался язык.

– Зря ты все это затеял, – добродушно пожурил он Вермана, когда они вышли из хранилища. – Сидел бы тихо, не сердил бы Колю... Ты не думай, он не злой человек. Злой – это когда для своего удовольствия гадости делает, потому что душа просит. А Коля не для души, он только по необходимости.

– По необходимости – это, конечно, не гадость, – покладисто согласился ювелир.

Дымов подозрительно покосился на него и умолк. «Вот ведь гнида какая, – подумалось ему, – даже если с ним по-хорошему, как с человеком, он все равно отвечает с подковыркой».

Они поднялись наверх. Верман подошел к окошку, а Дымов, не выпуская ювелира из поля зрения, позвонил заместителю.

– Ребята на местах? У меня все готово.

– На местах, Валентин Петрович, – отчитался Цепов. – Здесь тихо, можете выходить.

– Машину подгони.

– Так уже, Валентин Петрович.

Дымов прижал руку к груди, нащупал коробочку. Ну, с богом, братцы!

Они вышли из банка: Верман впереди, Дымов в полушаге за ним. Начальник службы безопасности рассудил, что, если начнут стрелять, первым разумно пустить ювелира. Как ни крути, он все равно не жилец. Конечно, Хрящ будет в бешенстве, но своя шкура дороже. «Сверлить в ней дырки пока рановато».

Но Дымов беспокоился напрасно: десять шагов от банка до машины они преодолели без всяких неожиданностей. Охранник уже ждал их возле открытой дверцы. Моню подтолкнули, Дымов с достоинством сам забрался на заднее сиденье.

Эйфория его уже улетучилась, страх прошел, и теперь он ждал только одного: как можно скорее покончить с этим делом. Убранный с глаз, камень не оказывал на Дымова такого магического воздействия, которое Валентин Петрович испытал в хранилище.

Вот разве что расставаться с «Голубым Французом» было жалко.

Глава 10

Когда стало очевидно, что машина едет к Новому Арбату, Верман вжался в угол и, кажется, даже пискнул от ужаса. Дымов бросил на него насмешливый взгляд. «А чего ты ожидал, голубчик? Что тебя любезно подвезут до твоего салона? Нет уж, напортачил – так будешь лично отвечать перед Хрящевским! Не на мне одном ему срываться, пускай и тебе достанется».

Валентин Петрович позвонил боссу, как только они отъехали от банка. Две машины сопровождения летели впереди и сзади, и теперь-то было совершенно ясно, что операция завершилась успешно.

– Николай Павлович, груз у меня, – отрапортовал Дымов, довольно похлопывая себя по животу. – Едем! Все прошло нормально, Верман со мной.

– Тащи его сюда, сволочь обрезанную, – приказал Хрящ. – Как он в банке себя вел?

– Да вроде без эксцессов, – Дымов покосился на съездившегося ювелира.

Всю дорогу тот молчал, но когда «ауди» подъехала к серому офису Хрящевского, Верман бессознательно вцепился в ручку дверцы. В подземном гараже шум улиц стих, и в машине стало отчетливо слышно его тяжелое прерывистое дыхание.

«Как улитку придется его выковыривать, – озабоченно подумал Дымов. – Чего доброго, обгадится с перепугу, вонючка...»

Он с отвращением зыркнул на Вермана, и тут его осенила новая мысль. «Полбеда – обгадится, как бы не помер!»

Дымов отлично умел орать, угрожать, втаптывать в грязь чужое достоинство и издеваться. Успокаивать и утешать – гораздо хуже.

– Слушай, Верман! Хрящ хочет поговорить с тобой о Генрихе Краузе, – неуклюже соврал он. – Выложишь все по-быстрому – и отправишься на встречу со своим Дворкиным.

Фраза про встречу с Дворкиным отчего-то возымела ровно противоположный эффект: Верман уставился на Валентина Петровича с ужасом, беззвучно шевеля губами.

– От черт! – выругался Дымов, сообразив, что ювелир понял его превратно. – Да жив твой Дворкин, жив! Везут его к тебе в целости и сохранности.

Насчет «везут» Валентин Петрович, положим, соврал. Ему было отлично известно, что Сему Дворкина по-прежнему держат в подмосковном коттедже. А если быть точным, то не в самом коттедже, а в подвале. В последнее время небольшой поселок разросся, и, хотя дом окружал двухметровый забор, Дымов решил подстраховаться. Мало ли, что взбредет в голову пленнику – вдруг начнет орать или подавать знаки «SOS» в окно! А людишки нынче пошли бестактные, любопытные, готовые сунуть нос не в свое дело. Зачем рисковать? Пусть орет в подвале, там его точно никто не услышит.

Но Верман об этом не знал и немного приободрился. «Должно быть, сперва испугался, что его на расстрел ведут, – усмехнулся Дымов, но тут же помрачнел. – Хотя с Хряща станется, честное слово...»

У входа в кабинет Хрящевского ювелир вдруг встал как вкопанный.

– Э-э, ты чего, – прикрикнул Дымов. – Давай!

Он подтолкнул несчастного внутрь. Из малинового кресла навстречу им поднялся хозяин кабинета.

Хрящевский широко улыбался. От этой улыбки Моня скакнул назад, как перепуганная лошадь, но уперся в Дымова.

– Заходи, заходи! – дружелюбно пригласил Николай. – Что глаза прячешь? Хотел кинуть Колю, а? Хотел, хотел! – он удовлетворенно засмеялся. – Думал, ты самый хитрый. Думал, сука, а?

Хрящевский занес над Верманом растопыренную пятерню.

Моня вжал голову в плечи и зажмурился, ожидая удара. Но Хрящ не ударил: он вlepил пятерню в лоб Моне и с силой толкнул его. Верман быстро-быстро попятился назад, смешно перебирая ножками и взмахивая руками, чтобы не свалиться на спину.

Дымов расхохотался – до того нелепо выглядел ювелир. Ну точь-в-точь жук, который боится, что шмякнется и больше не встанет. Так и будет лежать, дрыгая лапками, до тех пор, пока не переедет велосипед или не раздавит тяжелая подошва. Хрусть – и нету Вермана! То есть жука.

– А я ведь, Моня, хотел посмотреть в твои бесстыжие глаза, – приговаривал Хрящевский, кругами ходя вокруг ювелира. – Спросить, есть у тебя совесть? Теперь вижу, что нету. Дымов, скажи, как после такого верить людям?

Валентин Петрович был уверен, что Хрящевский будет измываться над ювелиром до последнего. Но босс обошелся с Верманом нежно: всего лишь сгреб его за грудки, подтащил к себе и внушительно сказал:

– Завтра же отвезешь мои бриллианты Купцову. Ты уже неделю как вернулся, ни к чему тебе у себя его товар держать. А про амстердамский

аукцион забудь, нечего там делать. Все ясно?

Моня часто закивал.

Хрящевский стряхнул его на пол и кивнул Дымову:

– Пускай проводят его. Он здесь больше не нужен.

Верман выскочил из кабинета с проворством кролика. «Радуется, что легко отделался!» – подумал Дымов и спросил у шефа:

– Николай Павлович, с этим что делать, с Дворкиным?

– Да отпустить и все. Зачем он нам?

– Может, поддержать его, пока Верман не передаст бриллианты? – предложил Дымов. – Чтобы больше осечек не было. А то мало ли...

Но Хрящевский не оценил его идею.

– Да куда Верман денется, с подводной-то лодки? Купцов своими руками вытряхнет его из шкуры, если Верман не принесет ему заказ. А если его напарника оставить у нас, то еще неизвестно, не съедет ли наш Моня крышей и не решит ли воевать до победного. Нам ведь лишние проблемы тоже не нужны, так?

Дымов согласился, что именно так.

– Ну и все. Позвони ребятам, чтобы освободили еврейчика. Да предупреди, чтобы не били – нам они оба пока нужны живыми! Я сегодня как взглянул на Вермана, сразу подумал, что он, того гляди, сыграет в ящик.

Теперь Валентину Петровичу стала ясна причина удивительной снисходительности Хрящевского. Точно так же, как и он сам, босс испугался, что доведет трусливого ювелира до инсульта.

– Черт с ним, с Верманом, – заторопился Хрящевский. – «Француз» у тебя?

Глаза его жадно блеснули, когда Дымов осторожно достал из кармана коробочку. Валентин Петрович собирался торжественно объявить название камня, но Хрящ не дал ему этого сделать: он выхватил коробочку из его рук и одним щелчком откинул крышку.

Оба так и впились глазами в камень.

Но на этот раз чуда не случилось. В бордово-золотом кабинете бриллиант отчего-то не захотел проявлять своих свойств. В тусклом хранилище он был единственным ярким пятном, как всплеск моря, а здесь потерялся на фоне портьер, часов, бюстов... Бриллиант как бриллиант, разве что необычного цвета и довольно крупный. Но ничего исключительного.

– Надо его в другое место, – посетовал Дымов. – Чтобы засверкал во всю мощь!

Хрящевский взял «Француза» и посмотрел через него на свет.

– Точно, голубой! Неплохой камешек, что говорить...

– Не хотите себе его оставить, а, Николай Павлович? – осторожно предложил Дымов.

Николай оторвался от камня и в изумлении воззрился на него.

– Я что, идиот?! Если у меня покупатель сидит под боком, спит и видит, как заполучить этот камушек в свою коллекцию! Думаешь, я десятку не выжму из Краузе? Выжму, не сомневайся! А то и побольше!

– Полагаете, одиннадцать миллионов даст? – усомнился Валентин Петрович.

– Даст все двенадцать! – захохотал Хрящевский. – Куда он денется!

Он радостно хлопнул помощника по плечу, и Дымов охнул.

– Ну и рука у вас, Николай Павлович, – поморщился он, потирая плечо. – Как вы думаете, может, его в оправу, а? Чтобы смотрелся в историческом обрамлении?

Но Хрящевский снова поднял бриллиант и смотрел на него, не отрываясь. Казалось, он не слышал помощника.

«Неужели проняло?» – подумал Дымов.

Хрящ обернулся к нему. Но на лице его не было и следа восторга, который испытал сам Дымов, увидев «Голубого Француза».

– Слушай, Валя, а ты уверен, что это не подделка?

У шефа безопасности отвисла челюсть. Он ни на секунду не усомнился в том, что бриллиант настоящий.

– Да вы что, Николай Павлович, – выдавил он наконец. – Вы посмотрите на него! Невооруженным глазом же видно...

– Мне ничего не видно, – отрезал Хрящ, – а тебе и подавно не может быть. Давно ли ты в минералах начал разбираться?

– Неужели вы думаете, что немец решил восемь кислых отвалить за фальшивку?! – нашелся Дымов. – Он, конечно, чудака, но не настолько же!

Хрящевский бережно положил бриллиант на место и в задумчивости провел ладонями по зализанным волосам от лба и назад.

– Чудака, но не настолько же, – медленно повторил он за помощником. – Это ты верно сказал, Валя. Немец камень проверил, не мог не проверить!

Валентин перевел озадаченный взгляд с шефа на бриллиант и обратно.

– Тогда в чем дело, я не пойму, Николай Павлович?

– А ты уверен, что брильянтик тебе не подменили? Например, Верман положил в ячейку фальшивку? Или в хранилище лежал один камень, а Верман подсунул тебе другой! А? Может такое быть?

Дымов слегка побледнел. Он торопливо прокрутил в памяти все, что

случилось в банке, и облегченно выдохнул:

– Нет, Николай Павлович, совершенно точно – нет! Я ни на секунду от еврея не отворачивался. Он только выдвинул ящик, а бриллиант я сам взял.

– Уверен?!

– Уверен!

Дымов был тверд и стойко выдержал тяжелый, подозрительный взгляд Хряща. Но начальство следовало успокоить, и он предложил:

– Давайте его отправим на экспертизу, если сомневаетесь. Пускай вам геммологи наверняка скажут.

– Вот уж нет! – отказался Хрящевский. – Людишки все болтливые: если кто-нибудь узнает камень, у нас с тобой могут быть большие проблемы. Не мы одни за ним охотились.

– А никто не узнает! – заверил Дымов. – Лабораторную экспертизу мы делать не станем. Достаточно убедиться, что это и в самом деле бриллиант. Наш геммолог из «Падишаха» может это проверить. Если он скажет, что бриллиант, то все ясно – это «Голубой Француз». А если...

Тут он споткнулся.

– А если это стеклышко красивого синего цвета, – продолжил за него Хрящевский очень спокойным голосом, – то кое-кому мы это стеклышко вставим вместо глаза.

Геммолога доставили быстро. Молодой широкоплечий парень, больше похожий на футболиста, чем на геммолога, выслушал задание, понятиливо кивнул, разложил инструменты и вежливо попросил ему не мешать.

За пятнадцать минут, что он изучал «Француза», Дымов весь извелся. Он раз за разом прокручивал в голове тот момент, когда ячейка в хранилище банка сама выехала из шкафа и он своими собственными руками достал бриллиант из свертка. От бесконечных повторений ему начало казаться, что он и в самом деле отвернулся, и по спине Дымова тонкой струйкой побежал холодный пот.

Хрящевский сидел в кресле, пощипывая нижнюю губу. Она распухла, покраснела, и Валентин Петрович избегал смотреть в лицо шефу: казалось, что у того вместо губы полоска сырого мяса.

Наконец из соседней комнаты раздалось деликатное покашливание. Геммолог появился на пороге.

– Ну что? – хладнокровно осведомился Хрящ. – Без предисловий, сразу к делу.

Дымов замер.

– Бриллиант, – констатировал парень. – Огранка «маркиз», вес...

– Стоп, стоп! – Хрящевский поднял ладонь. – Этого уже не надо. Молодец, больше от тебя ничего не требуется.

Геммолог ушел. Хрящ поднялся и снисходительно похлопал Дымова по плечу:

– И ты тоже молодец!

Валентин Петрович выдохнул и обмяк.

– А теперь разыщи мне Краузе! – приказал босс. – Будем с ним делать бизнес по-русски!

Часом раньше Моня Верман вывалился из дверей серого здания, хватая воздух ртом, словно вытащенная из воды рыба. В офисе Хрящевского работали кондиционеры, а снаружи от асфальта поднималось тепло, и прогретый воздух пах жарой и бензином. У Вермана появилось ощущение, что он только что выбрался из ада и понемногу возвращается к жизни. Но ад все еще оставался за спиной, совсем близко – подними голову, и увидишь отблески дьявольского пламени из окон. Кто-то мог бы сказать, что это солнце отражается в стекле – но только не Моня! Моня знал, что за огонь в действительности вырывается с восьмого этажа.

Верман икнул и потрусил прочь от страшного места.

Отойдя как можно дальше и почувствовав, что задыхается, он остановился. Мимо него пробежала девушка в белом платье и нелепых желтых ботинках, бросила недовольный взгляд на застывшего посреди тротуара немолодого мужчину – и неожиданно вернулась.

– Простите, с вами все в порядке? Э-эй! Все нормально?

Моня не сразу понял, что обращаются к нему. Он поднял на нее измученный взгляд.

– Мужчина, вы хорошо себя чувствуете? – настойчиво повторила девушка.

Он заметил, что у нее грубое лицо и очень нежное шелковое платье. Они плохо сочетались друг с другом. Эта мысль вытеснила все остальное из головы Вермана, и он тупо смотрел на девушку, гадая, отчего она так вырядилась. Ведь платье ей не подходит!

– Слушайте, вы немой? – рассердилась девушка.

– Да-да, – невпопад пробормотал Моня. – Со мной все в порядке, честное слово. Спасибо!

– Точно?

Она с подозрением вглядывалась в его красное лицо. На алкаша этот смешной толстячок не был похож. «А даже если бы и алкаш! – подумала девушка. – Что ж теперь, не человек?»

У девушки в белом платье дедушка умер летом, упав на улице с сердечным приступом. Толстячок ничем не напоминал ей деда, но она никогда не проходила мимо людей, вид которых взывал о помощи.

Моня дернул головой и словно проснулся. Некрасивая девица участливо наклонялась к нему и допытывалась, не нужно ли вызвать «скорую».

– Простите! – извинился Верман, с трудом обретая былую галантность. – Я немного не в себе! Но это уже прошло. Со мной все в порядке.

Девица понимающе кивнула:

– На работе проблемы, что ли?

– Именно! – с чувством ответил Моня. – Вы очень правильно поняли.

Спасибо вам!

Она пожала плечами:

– За что спасибо-то? Счастливо, не болейте.

И потопала вперед, громыхая дурацкими ботинками по асфальту.

Моня некоторое время смотрел ей вслед, потом крикнул:

– Девушка!

Она обернулась.

– Девушка, вам очень идет это платье! Вы потрясающе выглядите! Верьте мне, старому человеку!

Издали он видел, как некрасивое ее лицо расцветилось неожиданно прелестной улыбкой. Девушка взмахнула рукой и побежала дальше по своим делам.

А Моня Верман, кряхтя, залез в карман и вытащил телефон. Денег у него не осталось ни рубля: ребята Дымова выгребли все из его карманов, включая мелочь.

– Марецкая? – продребезжал он, когда ему ответили. – Они меня отпустили. Заберите меня!

Когда Антон привез Моню в салон, там его ждали и Яша, и Майя. Яшка, казалось, похудел за те дни, что не появлялся в магазине, и даже волосы у него потускнели. Он бросился к дяде, но на полпути смущенно остановился, и первой Вермана обняла Майя.

– Моня, как вы?! – она отстранилась, рассматривая его.

– Марецкая, ты так смотришь, будто я с войны вернулся, – беззлобно огрызнулся тот.

«Отчасти так оно и есть», – подумал Антон, поворачивая табличку «закрето».

Он нашел Вермана в переулке за Старым Арбатом – тот сидел за

столиком в кафе и покорно ожидал, когда приедет Белов и расплатится за его чай. Посмотрев на ювелира, Антон хотел доставить Вермана домой, но тот объявил, что командный пункт у них в «Афродите», поэтому он поедет только туда и никуда больше.

«Вот же упрямец, – подумал Белов с невольным восхищением. – Побывал в лапах у Хряща, а все равно бодрится».

У него еще свежи были впечатления от собственной встречи с Хрящевским, и он понимал, какво пришлось Верману.

– «Француза» отняли? – спросил он, когда они ехали в машине.

– А как вы думаете? – вопросом на вопрос ответил Моня. – Чуть с руками не оторвали.

Он нахохлился, сунул ладони под мышки и до конца дороги больше не проронил ни слова. А Антон больше ни о чем не спрашивал.

Теперь же Моню забросали вопросами со всех сторон:

– Что с камнем?

– Где Сема?

– Что тебе сказал Хрящевский?

Верман поднял руки, защищаясь.

– Тише, дети, тише! Что сказал Хрящевский, я воздержусь повторять при женщинах и детях. А что касается Семы, то он скоро должен прибыть. Господин Хрящевский пообещал мне, что его отпустят, и он не бросает слов на ветер!

– Они вас били? – тихо спросила Майя.

Моня вскинул голову и презрительно оттопырил нижнюю губу.

– Били? – переспросил он, высокомерно оглядев Майю с головы до ног. – Били?! Меня?! Да будет вам известно, Марецкая, – от возмущения он перешел на «вы», – что единственный способ договориться с Моней Верманом – это убедить его! В нашей семье никто не позволяет издеваться над собой! Все знают: попробуйте пригрозить Верману, и вы получите разъяренного льва! Бешеного быка!

– Неистового кролика, – еле слышно шепнул Яша.

Моня раздулся от возмущения.

– Никто! Никогда! Не смел поднять руку на Вермана! – негодуя воскликнул он. – У нас в крови мстительность обидчикам! Моей тетушке Рае из Одессы однажды угрожал один поклонник. Она отказала ему, хотя это был такой форсовый человек, что он мог купить всю Одессу и перевезти в саквояже на Брайтон-Бич.

– Так-таки всю? – раздался сзади ехидный голос.

Антон обернулся и увидел в дверях Сему.

– Может быть, и не всю, – согласился Верман. Он разливался соловьем и не заметил его появления. – Но за Киевский район могу ручаться. Так этот человек грозился зарезать себя и всю тетю Раю! И что, вы думаете, она ему ответила?

– Она ответила – зарежьте лучше моего племянника Моню, и я буду вся ваша? – предположил Сема.

На этот раз Верман подскочил словно ужаленный и обернулся.

– Дворкин! Боже ж мой, разве можно так пугать людей?!

Все окружили Сему, заговорили хором. На Дворкина, как и на Моню недавно, посыпались вопросы. Антон внимательно оглядел его: ювелир выглядел уставшим, но было непохоже, что над ним издевались.

– Все нормально? – спросил он негромко.

Как ни странно, из всех вопросов Дворкин отреагировал именно на его. Сема посмотрел на Белова и помолчал, словно взвешивая ответ.

– Да, – сказал он наконец. – Если не считать того, что мы остались без «Голубого Француза» и денег господина Краузе.

– Вы еще кое-что не учли. Завтра мы должны отдать двенадцать бриллиантов Хрящевского Аману Купцову, – дополнил Моня.

.....

В номере Генриха Краузе звучал Вивальди. Краузе любил легкомысленную музыку, а «Лето. Аллегро нон мольто» как никогда подходило к его настроению.

Генрих стоял посреди комнаты в одних кальсонах чудесного зеленого цвета, названного производителем «храбрый лягушонок». Он разминался.

Боевая стойка. Атака. Батман с воображаемым противником. Отступление – и немедленная контратака.

Генрих Краузе фехтовал. Только вместо рапиры в его руке была длинная тяжелая трость с резной ручкой. Он походил на танцора – поджарый, мускулистый, легко перемещающийся по комнате. Краузе гарцевал, отскакивал, набрасывался на противника и совершал обманные маневры. Он хитрил, отчаянно защищался и в конце концов безупречным уколом сразил врага.

Сделав выпад, Генрих вернулся в исходную позицию и поклонился. Бой был окончен. Краузе, как обычно, вышел из него победителем.

На бюро заиграл телефон, и довольный немец, утирая лоб, выключил Вивальди.

– Слушаю, – по-немецки сказал он.

– Господин Краузе? – спросил с сильным акцентом нежный девичий

голос. – С вами желал бы поговорить Николай Хрящевский. Вы имеете время?

– Имею, – подтвердил Генрих, которому стало смешно.

– Так я соединяю вас с Николаем? – вопросительно сказала его собеседница, очевидно, не уверенная в том, что правильно поняла.

– Соединяйте, – разрешил Краузе.

В трубке что-то щелкнуло, но вместо одного голоса на линии образовалось два: низкий мужской, выговаривавший слова почти не меняя интонации, и тот же нежный женский. Мужской начинал, женский принимался переводить с середины фразы.

Озадаченный этой стереофонией, Краузе первые несколько секунд не мог сосредоточиться и понять, что ему говорят, тем более, что немецкий у переводчицы был слаб. Но мало-помалу он уяснил, что его собеседник – московский предприниматель и коллекционер.

– Николая Крясчевски, – с трудом выговорил Генрих. – Очень приятно.

Предприниматель перешел сразу к делу. У него есть то, что может представлять интерес для господина Краузе. Эта вещь называется «Голубой Француз». Господин Краузе понимает, о чем идет речь?

Немец осторожно подтвердил, что понимает. Но дело в том, что у него уже есть договоренность относительно «Голубого Француза».

Генриху показалось, что в голосе собеседника зазвучало легкое раздражение. Очевидно, господин Краузе не совсем понял его, предположил тот. Господин Верман больше не является владельцем «Француза». Верман продал его, и теперь владелец – он, Николай.

Генрих Краузе выразил сильное удивление таким поворотом событий. Отчего же господин Верман не соизволил сообщить ему о том, что намеченная сделка не состоится? Продавец пообещал подготовить документы, поскольку они достигли договоренности по всем принципиальным вопросам, и вот теперь выясняется, что их договоренность ничего не значит.

Или значит? Может быть, он плохо понял, и господин Крясчевски выступает как преемник господина Вермана по всем вопросам?

Собеседник заверил бедного немца, что не выступает. Причем был излишне категоричен, по мнению Генриха. А чтобы у господина Краузе не было больше никаких сомнений, предложил ему немедленно связаться с господином Верманом и получить от него подтверждение.

Именно это Генрих Краузе и сделал. Ювелир ответил сразу же, как будто ждал его звонка.

– Простите, Генрих, – устало сказал Моня. – Я должен был

предупредить вас. Хрящевский предложил мне лучшую цену. Поэтому я заключил сделку с ним, а не с вами.

Краузе разволновался. Может быть, он тоже готов был бы предложить другую цену! Но его лишили этой возможности, поскольку он считал, что они обо всем договорились!

– Генрих, мне очень жаль, – повторил Верман. – «Француз» теперь у Хрящевского. Вам придется иметь дело с ним, а не со мной.

Краузе не удержался и наговорил ему резких слов – и о самом Моне, и о способах ведения бизнеса в России. Бросив трубку, он с досадой выругался, схватил трость и воинственно поскакал по комнате, разя противника. Удар, выпад, укол, еще удар! Генрих как раз добивал врага, когда телефон зазвонил снова.

Краузе догадывался, кому он понадобился – и не ошибся.

– Господин Краузе, вас можно соединить с господином Хрящевским?

– Можно, – по-русски буркнул Генрих.

Девушка-переводчик явно растерялась, и инициативу взял в свои руки ее патрон. Краузе ни секунды не сомневался, что тот слышал разговор с самого начала.

– Давайте обсудим все вопросы лично, – любезно предложил Николай. – Нам ведь есть о чем поговорить. Я заинтересован в продаже, вы – в покупке.

Краузе помолчал.

– Хорошо, – сказал он наконец с усиленным акцентом. – Нам действительно есть что обсудить. Приезжайте в отель к пяти часам. Здесь отличный ресторан, мы сможем поужинать и поговорить.

– Договорились.

Повесив трубку, Генрих постоял, постукивая легонько тростью по столешнице. Ему не задали вопроса, в каком отеле он остановился. Что ж, новый хозяин «Голубого Француза» даже не скрывает, что хорошо осведомлен о Генрихе Краузе.

– А я буду хорошо осведомлен о Николае Крясчевски, – вслух сказал немец.

Он достал из своего рюкзака разговорник и с размаху бросил на кровать.

Генрих спустился в ресторан раньше назначенного времени. Огляделся, не торопясь, и выбрал столик в углу возле окна. Краузе сел спиной к окну, про себя улыбаясь детской уловке: Крясчевски вынужден будет сидеть лицом к свету, а в переговорах всегда полезно хорошенько

видеть лицо противника.

Генрих догадывался, что предприниматель придет не один. И не ошибся. Ровно в пять в ресторан вошли двое: крупный, рыхлый мужчина начальственного облика, несущий впереди себя свой живот, и невысокий кряжистый тип довольно странного вида.

Первым делом Генрих обратил внимание на его прическу. Краузе часто бывал в Италии и наблюдал такие, обильно смазанные гелем, волосы на юных геях, женственных и грациозных. Но в этом типе не было ничего грациозного. «Как топором срубленный», – вспомнил Краузе русское выражение. Тип приближался вразвалочку, и нехорошая усмешка на его физиономии, очевидно, должна была означать приветственную улыбку. Глаза у типа не улыбались, сверлили Генриха двумя буравчиками.

Немец поднялся.

– Господин Крясчевски, – уверенно обратился он к набриолиненному типу. – Здравствуйте!

И угадал, конечно же. Представительного спутника предприниматель представил как своего помощника.

– Дымов, Валентин Дымов, – повторил Генрих, словно пробуя имя на вкус, и крепко пожал помощнику руку.

Тот, впрочем, ответил таким же крепким рукопожатием (хотя выглядел тюфяк тюфяком).

– Прошу вас! – Краузе указал на кресла.

Хрящевский поморщился, когда свет упал ему на лицо, но ничего не сказал.

Пока ждали официанта и делали заказ, шел ничего не значащий разговор. Николай сделал Генриху комплимент по поводу владения русским языком. Краузе очень естественно засмутился и поведал, что на русском он не общался уже пять лет. Оба собеседника вновь хором выразили восторг его успехами в таком сложном языке, а Генрих вкратце изложил историю своей семьи, не переставая присматриваться к своим гостям.

Все это напоминало сложный ритуальный танец, в котором танцоры то сходятся, то вновь расходятся, не касаясь друг друга.

Первое впечатление Генриха Краузе от Хрящевского было отвратительным. Но уже через несколько минут он вынужден был признать, что в этом русском предпринимателе есть своеобразное обаяние. Вскоре Генрих уже не замечал ни дурацкую прическу, ни изрытую щербинами кожу.

Хрящевский же с каждой минутой убеждался, что немец далеко не так

прост, как хочет казаться. С виду – отощавший Санта-Клаус, только оленей не хватает, а мешок уже есть – вот он, болтается на кресле за его спиной. Но взгляд острый, как бритва. «Дождешься от тебя подарочков, как же, – поморщился про себя Хрящевский. – Волчара старый».

– Что ж, перейдем к делу? – предложил Николай.

Предварительные танцы кончились. Ходить кругами с немцем было бесполезно, это Хрящевский понимал интуитивно.

– Перейдем, – кивнул Генрих. – У вас – мой «Голубой Француз».

Дымов крикнул про себя. Вот даже как! Его «Голубой Француз»!

Хрящевский в ответ только улыбнулся, показав острые зубы.

– У меня – мой «Голубой Француз», – поправил он. – Верман продал его мне.

– Как вы его сломали? – с любопытством спросил Краузе, но тут же исправился: – Я хотел сказать, уломали.

Дымов не понял, была ли это ошибка или немец владел русским лучше, чем изображал.

– Вы, наверное, не имели прежде дел с Верманом, – спокойно сказал Хрящевский, ничем не показав, что заметил оговорку. – Он всегда ищет свою выгоду. Верман вышел на меня и предложил мне «Француза». Почему я должен был отказаться? Это бизнес. Никого не пришлось уламывать.

– Да, я давно не был в России, – непонятно к чему протянул Краузе.

Он махнул рукой, подзывая официанта, и попросил сигару.

– Вы не возражаете?

Хрящевский и Дымов не возражали.

Генрих раскурил толстую сигару, похожую на красно-коричневую торпеду, и с наслаждением втянул горьковатый дым.

– Отличные кубинские сигары, – поделился он. – Но вы не курите, Николай?

– Завязал.

Немец непонимающе вскинул брови, и Хрящевский «перевел»:

– Бросил.

– А, понимаю. Мой врач тоже советовал мне отказаться от всех радостей. Алкоголь, сигары...

– Кто не курит и не пьет – ровно дышит, сильно бьет, – пробормотал Дымов.

Генрих негромко заухал, как довольная сова. Валентин Петрович не сразу понял, что старикан смеется.

– Фрейд сказал: как только ты берешь в руки сигару, становишься философом. Вы философ, Николая?

– Пожалуй, – согласился Хрящевский. – Материалист.

– А я – идеалист, – вздохнул Краузе. – Вам, материалистам, труднее живется. Сколько вы хотите за бриллиант?

Слушая их светскую беседу, Дымов расслабился, и вопрос немца застал его врасплох. Он ожидал, что старикан затеет философскую дискуссию.

– Верману я заплатил десять, – с полуулыбкой ответил Хрящевский.

Немец сочувственно поцокал языком:

– Невыгодная сделка.

– Не факт, – возразил Николай. – Бриллиант стоит этих денег. Вы же его видели.

Генрих пожал плечами:

– Двенадцать карат. Это смешно. Я собиратель, да, но не готов платить столько за каприз. Вы переплатили.

– За «Француза» нельзя переплатить. Если объявить его на рынке, он вызовет бурю.

Краузе прищурился:

– Так что вам мешает сделать это? Объявите. И подождите покупателя, готового расстаться с десятью миллионами.

Хрящевский пожал плечами:

– А зачем ждать, если у меня уже есть такой покупатель?

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Затем в глазах старика блеснули лукавые огоньки, и оба рассмеялись. Краузе погрозил Николаю пальцем:

– Вы хитрый человек! Но вы предлагаете мне убыточную сделку. Восемь – хорошая цена для «Француза».

Хрящевский грустно покачал головой, как будто Генрих огорчил его:

– Я отдал Верману десять!

– Но это ваши с Верманом дела, – заметил старик. – Как говорят у вас в России, мухи – отдельно, котлеты – отдельно. Вы говорите о вашей сделке так, как будто я должен отталкиваться от нее. Прыгать выше, понимаете?

«Чего ж тут не понять, – хмыкнул Дымов. – Что, жаба душит выкладывать десять лимонов?»

Старик затянулся, пустил вверх густую струю дыма и на секунду будто бы растаял в тумане.

– Пожалуй, я тоже возьму сигару, – неожиданно сказал Хрящевский. – Значит, вы советуете кубинские?

Следующие два часа прошли для Валентина Петровича в сигарном дыму. Босс взял его на переговоры для количественного превосходства, следуя старому правилу давить противника числом. Но на встрече с Краузе Дымов оказался лишним. С каждой минутой он все больше ощущал себя мебелью, которую обкуривают со всех сторон. Несколько раз Валентин Петрович пытался вернуть пару слов, придя на помощь боссу, но Генрих Краузе так откровенно игнорировал его, что Дымов смирился со своей ролью и умолк окончательно.

Краузе и Хрящевский вели бой по всем правилам. Они изматывали друг друга доводами, осаждали аргументами, били вескими доказательствами, резко меняли тактику и заходили с флангов.

К концу второго часа Хрящ чувствовал себя так, будто провел это время на боксерском поединке. Чертов немец измотал его. Не переставая любезно улыбаться, Краузе наносил один удар за другим, логически обосновывая, почему бриллиант не может стоить десять миллионов.

Но Николай держался стойко. Он видел, что старикан до смерти хочет получить «Голубого Француза». В пылу спора они сделали вид, что забыли слова Хрящевского, будто именно эту сумму он заплатил Верману. Оба понимали, что это всего лишь уловка. Не имело значения, сколько в действительности получил ювелир: он сыграл свою роль, и больше о нем не вспоминали.

Генрих Краузе никогда не ощущал себя на свой возраст, но последние полтора часа ему казалось, что его придавливает грузом лет. Он едва держался, чтобы не ссутулиться – он, всегда сохранявший горделивую осанку! Этот Крясчевски оказался сущим вампиром: он вытягивал из Генриха жизненные силы, и Краузе слабел с каждой минутой.

Он должен был раньше разобраться в этом Николае. Непростительно! Но Генрих поддался обаянию, забыв, что вампиры именно так и действуют на людей: сначала кажутся им неприятными, а затем исподволь подчиняют себе, чтобы добиться желаемого.

Сигара несколько защищала Генриха. Выпуская дым, старик мысленно представлял, что он окутывает его, как джина, сидящего в бутылке, и скрывает от недоброго взгляда человека напротив. Это помогало, но ненадолго: стоило дыму рассеяться, и он снова ощущал, как противник пытается залезть в его мысли.

Поняв, что старик слабеет, Хрящевский усилил напор. В конце концов, речь идет вовсе не о десяти миллионах, заметил он. Если Генрих готов был выложить восемь, покупая «Голубого Француза» у Вермана, значит, сейчас они спорят лишь из-за двух миллионов. Всего из-за двух! Разве это

серьезно, когда на кону стоит такой исключительный бриллиант?

Генрих Краузе молчал. И тогда Хрящевский пошел ва-банк.

Он вынул из кармана и положил на стол крошечную шкатулку. Мягко, по-кошачьи придвинул к немцу.

– Что это? – насторожился тот.

– Откройте, – вкрадчиво посоветовал Николай.

Немец протянул руку к коробочке, но замер, не дотронувшись до нее.

– Там – что? – изменившимся голосом спросил он. – Неужели?.. Не может быть! Вы привезли его сюда? Без охраны, без сейфа?

Хрящевский смотрел на немца, наслаждаясь его ужасом.

– Почему бы и нет? – легко спросил он. – Москва сейчас стала вполне безопасна. Откройте, Генрих, откройте!

Искусительные нотки прозвучали в его низком голосе.

– Вы привезли его сюда... – ошеломленно повторил Краузе. – «Француза»!

Он схватил шкатулку – и медленно разжал пальцы.

Дымов недоуменно посмотрел на него. «Да открывай же! – хотелось крикнуть ему. – Открывай, я тоже хочу посмотреть на него!»

– Нет, – хрипло проговорил старик, покачав головой. – Нельзя. Уберите его. Мы будем разговаривать без него.

В речи Краузе снова прорезался сильный акцент, от которого он почти избавился, разговаривая с Хрящевским. Он не сводил глаз с белой шкатулки, скрывавшей в себе сокровище.

Николай перегнулся через стол.

– Откройте, – шепнул он. – Может быть, потом вы всю жизнь будете жалеть, что не посмотрели на него! В конце концов, там всего лишь ограненный минерал редкого цвета. Только и всего.

Словно под гипнозом, Генрих Краузе откинул крышку шкатулки. И тихо вздохнул.

Внутри лежал синий бриллиант. При взгляде на него Дымов вновь испытал то же ощущение ошеломленного восторга, что и в хранилище.

Хрящевский смотрел спокойно, даже снисходительно, как будто не понимал, из-за чего столько шума.

А вот Генриху Краузе выдержка совсем отказала.

Старик больше не владел собой. Он смотрел на бриллиант, и на лице его застыла улыбка, которую Дымов назвал бы полубезумной. Старческая рука, протянутая к бриллианту, дрожала, и на ней отчетливо выступили вены. Будто тело Краузе не подчинялось ему, притягивалось, словно магнитом, к синему зернышку на белой подложке. В глазах полыхали два

синих огонька. Генрих больше был не с ними, а в другом мире, наедине со своим бриллиантом.

Перед Краузе лежала не драгоценность, стоящая миллионы, – перед ним лежала его мечта.

– Я знаю, что вы искали его, – прошелестел Николай. Немец вздрогнул, выходя из транса. – Вы нанимали людей, пытаясь разузнать его судьбу, и были уверены, что искать нужно в России. Вы оказались правы, Генрих. Все эти годы «Француз» оставался здесь. Знаете, где он хранился? У сумасшедшей старухи, которая даже не догадывалась о его ценности. Неужели вы думаете, что это случайность? Нет! Только теперь у него появился шанс обрести настоящего хозяина. Он ведь ваш, Генрих! Все это время он ждал вас.

Дымов бросил взгляд на босса. Произнося всю эту галиматью, Хрящ оставался серьезен, и – странное дело! – его слова действовали на старика подобно шаманскому заклинанию. Краузе даже подался к нему, точно кобра, повинующаяся напевам дудочки.

О том, что Краузе охотился за бриллиантом, им рассказал Белов. А тот выведал это у рыдающего Вермана, оплакивавшего камень и чудесного немца, который мог спасти их от уготованной Хрящом судьбы. Хрящевский узнал об этом всего за час до встречи, и только теперь Дымов оценил, как грамотно босс распорядился этим знанием. Выложи он это раньше, его слова не произвели бы такого поразительного эффекта.

– Так что вы решили, Генрих? – ласково спросил Хрящевский. – Я не хочу давить на вас...

Краузе оторвал взгляд от камня и рассмеялся. Дымов и Хрящ отлично поняли, что немец смеется над последними словами Николая: он раскусил, что проделал с ним его противник... Но этот смех был смехом побежденного.

– Согласен, – выдохнул Генрих, махнув рукой. – Вы правы, он действительно стоит этих денег.

Хотя Дымов и ожидал этого, в первый момент он не поверил своим ушам. «Сделал! Хрящ его сделал! Развел старикана на бабки!»

В глазах его босса засветилось ликование победителя, но умный Хрящевский тут же притушил его. Он широко улыбнулся, поднялся и протянул Краузе открытую ладонь:

– Рад, что мы договорились!

Они потрясли друг другу руки, стоя над открытой шкатулкой с бриллиантом.

Дымов дождался, пока высокие договаривающиеся стороны сядут, и

придвинул шкатулку к шефу. Хрящ спрятал коробочку, а Краузе проводил ее тоскливым взглядом.

– Давайте сразу обговорим детали, – предложил Николай.

Генрих сел. Казалось, он еще толком не осознал, что согласился.

– Передача в банке через ячейку, – деловито продолжал Хрящ. – Какой у вас банк?

– «Резидент».

– Что ж, подходит. Закладываем две ячейки, в одной бриллиант, в другой – деньги. Сколько вам нужно времени?

Краузе мысленно подсчитал и ответил:

– Сутки, не больше.

– Отлично. Тогда сделка – послезавтра. Дымов встретит вас в банке и осуществит передачу...

– Дымов? – переспросил Генрих Краузе. – Кто такой Дымов?

Валентин побагровел. Вот же мерзкий старикашка!

Однако Генрих и не думал оскорблять его. Он смотрел на Хрящевского с искренним недоумением.

Николай усмехнулся.

– Вот это – Дымов, – сказал он и обнял шефа безопасности за плечи. – Валентин наш Петрович.

Немец уставился на толстяка с таким видом, словно видел его впервые. Дымова кольнуло обидное подозрение: неужели Краузе и в самом деле все это время не замечал его?!

– Дымов... – повторил Генрих, сосредоточенно кивая. Он будто пытался разобраться в чем-то. – Хорошо. Я понял. Дымов. Но что вы сказали про банк?

Хрящ и Валентин обменялись быстрыми взглядами. Похоже, сдал старик. Слишком долго они его трясли.

– Я сказал, – отчетливо повторил Николай, – что обмен проведет Валентин. Послезавтра. В банке «Резидент». О'кей?

Дымов покосился на немца. С Краузе явно что-то происходило. Старик запрокинул голову, раздул ноздри, как норовистый конь, и разве что не выбил дробь копытом.

– Я не совсем понял, – высокомерно начал он, – какое отношение к нашей сделке имеет Валентин.

Хрящевский, только что смотревший победителем, слегка озадачился.

– Я же сказал... – Он говорил внятно, как с маленьким ребенком. – Дымов – мой помощник, поэтому...

Но старик не дал ему договорить.

– Я, Генрих Краузе, имею дело с вами, Николая Крясчевски, – сообщил он. – Мне не понятно, почему вы не считаете возможным личное участие в сделке.

Хрящевский пожал плечами:

– Считаю. Но зачем самому-то суетиться? Мы вроде обо всем договорились...

Из немца в один миг улетучились остатки его доброжелательности. Услышав слово «суетиться», Генрих поджал губы, и Дымов понял, какую ошибку совершил его шеф.

– Значит, мне вы даете суетиться, а себе нет, – отчеканил он. Фраза получилась немного несуральной, но собеседники его поняли. – Я не согласен. Это есть проявление неуважения ко мне! Вы даете своему помощнику довести до конца такую сделку! Но я заключаю ее с вами. Не с ним! Должно быть... – Краузе пощелкал пальцами, вспоминая слово. – Паретэт!

– Паритет, – тихо перевел Дымов. – Равенство, короче.

Теперь и Хрящ тоже понял. «Вот самолюбивый хрыч! Дымов его не устраивает! Привык все делать своими руками и от меня хочет того же...»

Николай Хрящевский не переносил, когда кто-то давил на него. А немец пытался сделать именно это. Поэтому Хрящ решил окончательно показать свихнувшемуся миллионеру, кто здесь главный. Он знал, что Краузе уже не выпустит крючок – немец видел «Голубого Француза»! Цель была слишком близка, чтобы отказываться от нее.

– У нас так не принято, Генрих! – Хрящевский с видимым сожалением развел руками. – Я вас очень уважаю! Иначе не предложил бы «Голубого Француза» именно вам. Но я не понимаю, зачем мне самому ехать в банк, если мы все решили. Ведь самое главное – это принять решение!

И он широко улыбнулся, приглашая немца разделить его радость.

Но Краузе резко поскущел лицом. Он поднялся, и Хрящевский с Дымовым машинально встали.

– В таком случае намерен известить вас, – с чопорностью английского лорда сказал Генрих, – что я считаю наши договоренности недействительными.

Дымов открыл рот.

– Как? – ахнул он, придя в себя. – А бриллиант?!

В первый раз за все время господин Краузе изволил обратить на него внимание.

– Знаете, чем отличается бриллиант от самоуважения? – надменно бросил он. – Бриллиант можно купить. Приятно было поговорить.

Он наклонился за рюкзаком.

– Минуту, Генрих!

Хрящ осознал, что проклятый немец, которого он уламывал почти три часа, вот-вот уйдет. Краузе не шутил, не пытался из принципа продавить Хрящевского – он действительно был оскорблен в лучших чувствах.

Но Николай все еще считал, что угрозой можно исправить положение.

– Генрих, вы думаете, я не продам «Француза»? – поинтересовался он и снова сел, широко развалившись на стуле. Дымов остался стоять, озабоченно глядя то на шефа, то на упрямого немца. – Продам! Ведь вы не единственный возможный покупатель. И вы сейчас сильно рискуете! Как только вы уйдете, я объявлю на амстердамском аукционе, что «Голубой Француз» у меня в руках, и ко мне выстроится очередь из желающих приобрести его.

Хрящевский вызывающе смотрел на немца снизу вверх. Нет, он дожмет этого высокомерного хрыча! Еще чуть-чуть – и тот сдуется.

Но высокомерный хрыч отчего-то не сдулся.

– Попробовать вам можно, – усмехнулся он. – На амстердамскую выставку? Хе-хе. Сначала вы будете долго доказывать, что у вас в руках именно «Голубой Француз». Без единого сомнения, найдутся люди, которые оспорят это. «Француз» сейчас голый камень. Если бы бриллиант был в оправе, вопросов бы не возникло. Но самой броши нет!

Валентину Дымову очень не понравилось, каким холодным уверенным тоном стал говорить Краузе. Они потеряли преимущество.

– Ваши сложности этим путем только начнутся, – продолжал немец. – Если вы хотите продать камень в Европе, вам придется легализовать его. Открыть его историю. Что вы расскажете, Николя? Что купили его у господина Вермана? И господин Верман подтвердит это и тоже откроет, как ему достался «Француз»? Вы уверены? Я не задаю вам вопросов, потому что долго разыскивал его. Я не любитель лишних вопросов. Зачем? Кто хочет, тот отвечает сам, не ждет, пока спросят. Я так считаю. Но другие обязательно их зададут.

Хрящевский молчал, сверля немца тяжелым взглядом.

– И это не конец. Даже если вам удастся продать бриллиант. Если! Не забудьте, что вам придется заплатить налог с продажи. Потому что никто не отдаст деньги так, как вы хотите. Как это говорят в России? Черная касса? А, черный нал! Нет-нет, никакого черного нала. Никаких серых переводов в оффшорные зоны. Во мне течет русская кровь, поэтому я готов нарушать закон. Но другие не готовы. Я могу сделать наличными в России десять миллионов и отдать их вам. Но другие не могут. Вот о чем вы можете

подумать перед ярмаркой.

Краузе потянулся за рюкзаком. Хрящевский упруго вскочил и перехватил его руку.

– Генрих, Генрих, вы меня не так поняли! – посетовал он. – Разумеется, если для вас это имеет значение, я лично доведу сделку до конца. Это такой пустяк, что даже неловко говорить. Не сердитесь за это небольшое недоразумение!

Краузе уставился на Хряща как сова и смотрел, не мигая, так долго, что Николай занервничал.

– Вы окажете мне такую любезность? – недоверчиво уточнил Краузе.

– Да о чем речь! Само собой!

Дымов увидел, как Генрих Краузе расслабился. Он отпустил рюкзак и отечески похлопал его босса по руке.

– Это все сложности языка, – примирительно заметил старик. – Как правильно? Языковые, да. Мы думаем, что понимаем друг друга, но, по правде, все время теряемся за стволами.

– За каких еще стволами? – напрягся Хрящевский.

– За соснами, Николай Павлович, – успокоил его Дымов. – За тремя соснами.

Когда немец ушел, церемонно распрощавшись с ними, Хрящевский подозвал официанта:

– Эту гадость убери, – распорядился он, указывая на сигары. – И принеси коньяк. Нет, стой: водки!

Официант испарился. Хрящ задумчиво пригладил волосы на висках.

– На каких тонких ниточках все висит, а, Дымов? Взять немца: ты видел, какими глазами он на камень смотрел? Мать на ребенка так не смотрит, как он на «Француза». А чуть тронули его гордость – и сразу на дыбы. Откуда это в простом русском немце, а, Дымов? Я сперва думал – ну, понты! Думал, Краузе цену себе набивает. А потом он как копытами забил – ты видел, а? И ведь ушел бы! Ушел бы?

– Ушел бы, – подтвердил Дымов. – Он сильно обиделся. Решил, что вы не хотите с ним иметь дела.

– Ну не баклан? – весело сказал Хрящ. – Едва не улетел. Хорошо, я вовремя спохватился, а то проворонили бы немца. И, кстати, – добавил он. – Верман должен отдать нашу бразильскую дюжину Купцову. Проследи-ка, Дымов, чтобы тут уж точно, без осечек.

Глава 11

Моня Верман вошел в банк в одиннадцать часов утра. Одет он был подчеркнуто торжественно: серый костюм-тройка в полоску, синий галстук, из кармашка свисает цепочка, а в кармашке тикают золотые часы. Моня выглядел бы франтом, если бы не был так бледен и строг.

В одиннадцать десять он спустился в хранилище, и пятнадцать минут спустя вышел оттуда с чемоданчиком в руках. В чемоданчике лежали двенадцать бриллиантов, привезенных из Цюриха.

Машина уже ждала его у входа в банк. Аман Купцов прислал своих людей, и стоило Верману подняться из хранилища, как два охранника тотчас подошли к нему.

– Сами повезете? – уточнил один, кивая на чемоданчик.

Моня молча кивнул.

– Хорошо. – Он поднес рацию к губам. – Мы идем, груз у нас.

Верман, внешне очень спокойный, вышел с ними к бронированной машине и занял свое место. Чемоданчик всю дорогу трясся и подпрыгивал у него на коленях.

Подмосковный особняк Амана Купцова напоминал не дом, а крепость в миниатюре. Преодолев два кольца охраны и крепостную ограду, машина въехала во внутренний двор, где весело журчали фонтанчики.

– Прибыли, – бодро сказал сопровождающий. – Прошу на выход.

Верман выскочил из машины и сощурился под яркими лучами.

Пока он шел по коридору, со стен на него смотрели портреты Амана, его жены и многочисленных родственников. Под их взглядами Моня откашлялся, выпятил грудь и для уверенности подергал золотую цепочку.

Аман ждал его в главной приемной зале на диване: толстый, добродушный на вид человек, в котором смешались казахская и русская кровь. Узкие черные глаза с припухшими веками уставились на ювелира.

– Доставили в лучшем виде, – отчитался перед шефом уже другой сопровождающий. Верман даже не успел заметить, когда они сменили друг друга. – Можно идти, Аман Русланович?

Купцов величаво махнул рукой, словно удельный царек. Мужчина исчез.

– Здравствуйте, Аман Русланович, – сказал Моня и слегка поклонился. Кейс он по-прежнему не выпускал из рук.

– Сколько раз тебе говорить, – проворчал Купцов, – оставь эти

церемонии! Что я тебе, шах восточный?

Он поразительно легко спрыгнул с дивана – словно большой надувной мяч, – и перекатился на коротеньких ножках к двери.

– Дани! – проорал Купцов в коридор. – Приведи сюда человека!

Он вернулся и приглашающим жестом похлопал по креслу:

– Не стой, не стой как чужой! Верман, я тебя не узнаю! Ты что, с похорон? Нет? Значит, все слава богу! Показывай, показывай, что привез!

Он нетерпеливо подпрыгивал, пока Моня открывал кейс.

– Быстрее же, быстрее... Что там у тебя – код?

Кейс с щелчком раскрылся. Аман немедленно развернул его к себе и уставился на его содержимое.

– Чудненько, – сказал он наконец. – Сертификаты есть?...

– Разумеется. Выданы швейцарцами, на каждый отдельно. Там же, в кейсе.

Моня потянулся к чемоданчику, но Аман отмахнулся:

– Не надо, разбираться не стану. Сейчас придет геммолог, даст экспертное заключение – неформально, для своих. А потом отвезем в лабораторию.

– В лабораторию? – переспросил Верман упавшим голосом.

Аман кивнул, не заметив его интонации:

– Пускай выдают репорт.^[2] Камешки солидные, деньги тоже не маленькие, а самое главное – клиент серьезный. Получит от нас Коржак свои бриллианты со всем комплектом документов.

Верман откинулся на спинку кресла.

– Геммолог, кстати, у меня новый, – продолжал Купцов, разглядывая бриллианты. – Геммологическая ассоциация – знаешь такую?

Моня слабо кивнул.

– А что с прежними? – тихо спросил он. – Вы же много лет пользовались их услугами...

Аман усмехнулся:

– Разведка донесла, что около них крутился Хрящ. Не сам, конечно... Но мне и этого достаточно. Где появляется эта вонючка, там ничего хорошего не жди. Что ему от них могло понадобиться, а? Как думаешь, Верман?

– Не знаю, Аман Русланович. Может быть, свои камни хотел проверить?

– Э-э, нет! Так дела не делают. Хочешь проверить – приходи, приноси, проверяй. А не по ресторанам и бабам таскай эксперта! Поэтому больше я с ними дела иметь не хочу. Люди как порченые становятся, пообщавшись с

Хрящом. Вот скажи: когда ты от меня уходишь, разве не чувствуешь, что в тебе сил становится больше?

– Чувствую, – выдавил Верман, сил которого как раз хватило на это единственное слово.

Аман явно обрадовался.

– Вот видишь! Это мне жена сказала. Ты, говорит, Аман, энергетический донор: все сосут у других энергию, а ты только отдаешь. Я послушал ее и задумался... Ведь и впрямь чувствую, что отдаю. Но мне это в радость! А от Хрящевского люди уходят с головной болью. Много раз слышал! Значит, плохо он на других действует, вытягивает из них все соки, через себя пропускает, как пиявка. Точно, пиявка и есть. Да черт с ним! Между прочим, мне сегодня отменного барана привезли. Будем шашлык делать. Я с утра лично маринад приготовил, барашка замариновал, а сейчас Дани жарить будет. Знаешь, какой шашлык из баранины жарит Дани? Это же ум отъешь! Думаешь, почему я толстый? Потому что добрый, это само собой, и потому что мяса много ем.

В дверях появился мужчина средних лет в костюме, вежливо постучал:

– Вижу тебя, Олег, вижу! – откликнулся Аман. – Заходи, погляди, какие у нас красавцы!

Эксперт прошел в гостиную. На Моню он едва посмотрел: взгляд его был прикован к открытому кейсу.

– На, полюбуйся! – Аман развернул к нему бриллианты. – Кстати, Моня, познакомься: мой новый геммолог, грамотный человек. Олег, это наш лучший ювелир, Моня Верман. Легенда!

– Слышал о вас, – вежливо сказал грамотный человек, пожимая похолодевшую руку Вермана. – Большая партия. Откуда?

– Цюрих. А вывезли из Индии.

Геммолог понятиливо покивал, наклонившись над камнями. Затем поднял голову:

– Аман Русланович, так я начну?

– Начинай, Олег, начинай, – одобрил Купцов. – А мы посмотрим.

Откуда ни возьмись, в руках геммолога появился кожаный баул, из которого он, к ужасу Вермана, кроме обычных инструментов выудил и микроскоп.

– Серьезно подходишь... – уронил Купцов.

– А как же иначе? – Геммолог бросил короткий взгляд на молчащего Вермана. – Если из Индии такие красавцы... Значит, надо вдвойне проверять.

Аман нахмурился:

– Почему так?

– Потому что часто за индийские выдают бразильские алмазы. А у них качество совсем другое! И включений бывает много, и цвет ни к черту... Хотя у этих, на глаз, цвет неплохой.

– Я ж говорил – грамотный человек! – обрадовался Аман. Вгляделся в Моню и удивился: – А ты чего сник, Верман?

– Душно, Аман Русланович, – Моня вытер вполне убедительные капли пота со лба.

Купцов обеспокоенно привстал:

– Душно? Разве? Вроде сквозняк... Слушай, дорогой, на тебе лица нет! Пойдем-ка я тебя в кабинет отведу, там прохладно. Да сними ты свою удавку! Давай, давай...

Аман захлопотал над бледным ювелиром, как озабоченная наседка. Геммолог не обращал на них никакого внимания, целиком поглощенный своим делом. Специальным пинцетом он выкладывал бриллиант на подставку, закреплял и брался за лупу-триплет.

– Мне, наверное, и правда лучше посидеть в кабинете, – пробормотал Верман, не в силах смотреть на все эти действия. Геммолог работал с ужасающей медлительностью, словно нарочно издевался над ювелиром. – Солнышко тут у вас, Аман Русланович... Жарко.

Купцов лично отвел его в тихий темный кабинет с закрытыми шторами. И сам налил Моне воды, заставил выпить несколько глотков.

– Ты смотри у меня, Верман! – пригрозил он. – Береги моего лучшего ювелира! Сиди здесь, отдыхай. Как Олег закончит работу, мы к тебе придем сюда. Если станет плохо – вот кнопка, вызовешь моего Дани. Да и я прибегу.

И Аман ушел.

Моня с глубоким вздохом откинул голову на спинку кресла. Сколько ему предстояло ждать результатов исследования геммолога? Сорок минут? Час? Он подумал, что сойдет с ума за это время.

Время, время, время... Ювелир выложил на ладонь круглые золотые часы, уставился на минутную стрелку. Он сам не знал, чего больше хотел: чтобы она застыла на пяти минутах первого или чтобы стремительно пробежала полный круг – и завершившийся час принес хоть какую-то определенность.

Часики успокаивающе тикали. Моня закрыл глаза – и внезапно провалился в сон.

Проснулся он от резкого запаха – как будто что-то сгорело – и сразу услышал стремительные шаги в коридоре. Кто-то подходил к кабинету, и

Верман знал, кто именно. Он взглянул на часы – прошел ровно час, а, значит, грамотный человек Олег успел дать свое заключение.

Дверь распахнулась, и в комнату влетел Купцов, мрачнее тучи. У Вермана оборвалось сердце.

– Что говорит геммолог... – начал он, пытаясь сделать вид, что все в порядке. Но сам услышал, какой писклявый у него голос, и поперхнулся.

– Геммолог? – Аман гневно смотрел на него. Верман нашел в себе силы подняться из кресла навстречу его испепеляющему взгляду. – Геммолог?! – В голосе Купцова слышалось неподдельное страдание. Лицо его исказилось, и Моня понял, что ему пришел конец. – Какой, к черту, геммолог, когда этот дурень Дани *сжег весь шашлык!*

Он потряс кулаками, бросился к окну и распахнул его. С улицы хлынул такой мощный запах сгоревшего мяса, что Аман болезненно скривился и захлопнул створки.

– Полбарана! – пожаловался он. – Я лично, этими самыми руками, нарвал утром свежайшего розмарина. И зачем?

Моня упал обратно в кресло.

– А заключение готово? – пискнул он.

– Заключение? – Аман непонимающе посмотрел на него. – Какое еще заключение?

– Олег... Бриллианты...

– А-а-а! Проснулся! Олег уже тридцать минут как уехал.

– Уехал? – переспросил Моня.

– Ну да. Составил заключение и уехал. Я увидел, что ты спишь, и не стал тебя будить.

– Так он уже оценил бриллианты?

– А что там оценивать? Все отлично, чистота кое-где на двоечку. Я не сомневался, что ты выберешь лучшее.

– Ага... – промямлил Верман. – Значит, таки лучшее... вот оно как... ну конечно. Но все-таки! И хорошо.

Завершив эту бессвязную речь, он схватил со стола стакан с водой и залпом выпил.

Но радость, охватившая его после слов о заключении геммолога, оказалась преждевременной. «Лаборатория! – вспомнил он. – Аман хочет отдать камни на экспертизу!»

– Аман Русланович, а когда будет готов сертификат из лаборатории? – небрежно поинтересовался ювелир.

– На завтра закажу машину, чтобы отвезли наше сокровище, а там уж как эксперты успеют. Могут и за день обернуться, если заказов немного.

Верману захотелось швырнуть в упрямого предпринимателя стаканом. Значит, частного заключения Аману оказалось мало. «Боже ж мой, да сколько можно проверять эти многострадальные бриллианты?!»

Моня набрал воздуха и осмелился предложить:

– Может, и не нужен этот лабораторный анализ, раз геммолог подтвердил базовую оценку? Деньги потратите, а Коржак на эти бумажки и не посмотрит...

Но Аман сокрушил его надежды.

– Коржак – посмотрит! – уверенно заявил он. – Он мужик въедливый, ему до самой сути нужно докопаться. Нет-нет, пусть всю диагностику проведут. И на анализ отправят... спектро-... как его?

– Спектрофотометрический, – вяло подсказал Верман. – Или спектрофлюориметрический.

Купцов захохотал.

– Как ты слова-то такие выговариваешь? Эх, Верман, Верман... Ты – голова! Люблю таких! Расскажу про тебя Коржаку, пусть завидует!

Моня сглотнул.

Аман разразился по-восточному витиеватой речью, в которой выражал благодарность любимому ювелиру. Правда, время от времени он перебивал сам себя, раздражаясь проклятиями в адрес безрукого Дани, загубившего такого барана, такого барана... Но Моня не реагировал на эти лирические отступления. По правде говоря, он вообще не слышал ни слова из того, что сказал Аман.

Но его молчание Купцов принял за смущение, а отрешенность во взгляде списал на последствия майской жары. Лето уже подбиралось к порогу, обдавало зноем. Проводив Моню до машины и заверив еще раз в своем искреннем расположении, Купцов тотчас забыл о ювелире и отправился на задний двор разбираться с негодяем Дани.

На следующий день

– Дымов, в банке все подготовлено?

Хрящевский стоял перед зеркалом в своем кабинете и пытался справиться с галстуком. Он ненавидел галстуки, не умел их завязывать и, конечно, никогда в жизни не стал бы стараться ради поездки – и куда?! – в банк!

Но Дымов напомнил ему об эксцентричности немца. Черт его знает, предположил Дымов, какие еще у старого хрыча имеются заморочки? Вдруг отсутствие галстука он тоже расценит как неуважение. И сорвется сделка в последнюю секунду... Может такое быть?

«Может», – вынужден был признать Николай.

Терять десять миллионов очень не хотелось, да и вообще вся комбинация вырисовывалась такая красивая, что Хрящ плюнул и добросовестно попытался завязать удавку широким узлом.

– Подожди!

Умница Алина, заметив его мучения, спрыгнула с подоконника и подошла к любовнику. Развела его руки в стороны, и Николай так и стоял пугалом, пока она вязала ему виндзорский узел.

«Хороша, хороша моя красоточка», – думал он, откровенно любуясь ею. Глаза яркие, широко расставленные, и губки она сделала такие, какие ему нравятся: пухлые, даже слишком большие для ее узкого личика. Не зря он в нее вкладывается: девочка выглядит все лучше и лучше. А главное – кого угодно может изобразить! Нужна деловая дама – будет вам деловая дама. Хотите студенточку? Алина запросто становилась студенточкой. Капризная дурочка? Папина дочка? Шлюха? Диапазон ее ролей был широк, и Николай использовал это – правда, пока только в личных целях.

Но его все чаще посещала мысль применять ее способности в бизнесе. Первый опыт Хрящ провел с Верманом и остался очень доволен. Теперь ему подумалось, что зря он не взял Алину на переговоры с Краузе. Глядишь, запал бы старый пень на его красавицу и не придирался бы к Коле по пустякам. Сидел бы, ронял слюни и, может, даже раскошелится бы на одиннадцать лимонов.

Хрящевский хотел поцеловать девушку, но та скользнула ему за спину, смеясь. Обвила сзади руками и шепнула в ухо, покусывая мочку:

– Вернешься из банка – устрою тебе шабаш ведьмы... Одной... Зато какой!

Хрящ довольно усмехнулся.

– Ты скоро приедешь, милый?

Хрящевский посмотрел на Дымова.

– Часа через три, никак не раньше, – ответил на невысказанный вопрос Валентин. – Время уйдет на пересчет денег и проверку камня. Краузе должен хотя бы экспресс-тест сделать.

– Я буду ждать! – многообещающе шепнула Алина и отошла.

Хрящ глянул в зеркало и убедился, что узел вышел идеальным. «Нет, не станет старик придиратся, – успокоил себя Николай. – Он так же заинтересован в „Голубом Французе“, как я в его деньгах. Даже больше».

– Дымов! – позвал он, вспомнив о других бриллиантах.

Шеф службы безопасности поспешно подошел к нему.

– Да, Николай Павлович?

– Вот что, Валя... Пока я буду в банке, разберись с перевозчиком. Мавр сделал свое дело, мавр может уходить. Белов нам больше не нужен, а от ювелирши могут быть неприятности, если она начнет болтать. Да и от самого Белова тоже...

Дымов округлил глаза:

– Так ведь он еще бриллианты не вернул! Николай Павлович, мы же договорились: он возвращает камни и после этого уезжает из страны. Давайте прихватим его перед отъездом! Иначе все потеряем.

– Плевать! Когда Белов вернет камни, прихватывать его будет уже поздно: исчезнет, как ветер в поле, и ты его в жизни не найдешь. А пока камни у него, он рассуждает так же, как ты, и считает, что мы его не тронем. Ты установил, где он сидит?

– Конечно, – удивленно отозвался Валентин. – У своей бабы, Марецкой. Кстати, они сегодня оба дома.

Хрящевский по-птичьему наклонил голову набок и просвистел веселую мелодию.

– Вот видишь, как удачно все складывается! Это не случайность, Дымов, это знак. Отправь своих ребят к ней домой, пускай уберут курьера и Марецкую, а потом все обыщут. Может быть, камешки отыщутся в квартире. А если нет – значит, не судьба нам их найти. Я с ними все равно мысленно распрощался. Так что – давай, действуй.

Дымов не удержался. Задание ему не нравилось, и спешка была не по душе. Он нутром чувствовал, что они не готовы, а боссу, как обычно, требовалось подать все срочно и на блюдечке. Ждать Хрящевский не умел.

–хлопоты могут быть с курьером, – сказал Дымов, весь скривившись от нехороших предчувствий. – Может...

Хрящевский обернулся к нему, и во взгляде его полыхнула такая ярость, что Валентин Петрович поспешно отскочил. Хрящ пошел на него, свирепо сжав кулаки.

– «Может»?! – заорал он в лицо помощнику. – Ничего не может! Нечего свою импотенцию валить на курьера! У тебя, мать твою, вся служба безопасности в подчинении, а ты с одним мужиком боишься справиться! Вылетишь к чертовой матери отсюда, понял?!

Алина тотчас растворилась – она всегда исчезала, когда Хрящ начинал буйствовать.

– Николай Павлович, да ведь огребем лишние проблемы! – попытался урезонить шефа Дымов. – Давайте все по-тихому сделаем, незаметно.

– Делай, но быстро! – отрезал Николай. – Я нутром чую, что перевозчик уже сидит на чемоданах! Только попробуй упустить его и бабу!

Ты меня хорошо понял?

- Понял, – без всякого энтузиазма отозвался Валентин.
- Вот и действуй.

«Действуй! Легко сказать!»

Дымов вышел от начальства в самом мрачном расположении духа. Может, Хрящ полагает, что у него в отделе затесалась парочка наемных убийц? Нет, люди-то есть, и люди подготовленные, но ведь убить двоих, Белова с Марецкой, – это всего лишь половина дела!

От бессильной злости Валентин Петрович выругался. Самое сложное – не убить, а сделать это тихо и чисто! Что пользы от смерти перевозчика, если киллера схватят тепленьким рядом с телами?! А такое вполне может случиться, если Белов или Марецкая успеют поднять шум. И потом, два трупа, огнестрел... Прокуратура станет землю рыть носом и обязательно что-нибудь нарвет. Черт, черт, черт!

А если не огнестрел? Одну задушить, второго – ножом... Нет, тоже плохо придумано: и шумно, и долго, а уж до рукопашной с перевозчиком и вовсе не стоит доводить. Еще неизвестно, кто выйдет победителем из той рукопашной...

Дождаться, пока оба выйдут из дома, и симитировать нападение пьяной компании? Уже лучше.

«Молодец, Валентин Петрович, молодец, – похвалил себя Дымов. – Думай, думай!»

«Пьяную компанию» можно посадить в машину, чтобы четыре-пять человек ждали сигнала. Но как выманить Белова с Марецкой? Да еще и быстро? Нет, не годится этот план! К тому же сейчас везде понатыканы камеры, опасно затевать драку днем.

Дождаться, когда кто-то из них пойдет в магазин? Хорошая идея, подкупающая своей простотой. Вот только одна сложность – дожидаться можно до следующего дня.

Значит, надо вернуться к квартире. В квартире два человека легко справятся, если один – со стволом, занимается основным делом, а второй обеспечивает его безопасность у входа. Заодно, если потребует, придет на помощь.

Дымов повеселел. Пожалуй, дельце вырисовывалось не такое дохлое, как он решил поначалу. Вопрос только в том, как попасть в квартиру. Кто бы ни подошел открывать, в него стреляют, а потом разбираются с оставшимся в живых. Если это женщина – то все просто. Если перевозчик – что ж, придется повозиться.

Валентин Петрович зашел в свой кабинет и распорядился доставить к нему двоих: Игоря Савушкина и Геннадия Реву. «Ребятки один раз уже напортачили, пусть теперь исправляют».

Ожидая их, Дымов напряженно думал. И так, в итоге задача свелась к тому, чтобы заставить хозяев открыть дверь. Самый простой и неизменно срабатывающий способ – это визит нижних соседей с криками «Откройте! Вы нас заливаете!» Но с перевозчиком это вряд ли сработает. К тому же, вспомнил Валентин Петрович, дом небольшой, пятиэтажный, и Марецкая наверняка знает всех соседей в лицо.

М-да, не годится. Что еще? Снятие показаний счетчиков? Чушь собачья. Цветы на заказ? Глупость, раз Белов находится в квартире. Что, что гарантированно заставит одного из них открыть дверь, не вызвав беспокойства у второго?

И тут Дымова осенило. Он снял трубку, быстро набрал номер помощника.

– Саня, у нас остались записи телефонных разговоров Вермана?

– Конечно, – не раздумывая, ответил тот. – Он и сейчас у нас на прослушке. Он и Дворкин.

– Можешь прислать мне человека, который сделает нарезку из его голоса? И сколько времени это займет?

– А длинная запись нужна?

– Секунд десять, не больше.

– Тогда – час. Еще зависит от текста... Если слова редко употребляются, то придется повозиться. А если часто – то никаких проблем. Присылать?

– Присылай-присылай!

Валентин Петрович положил трубку и даже засмеялся от удовольствия. Он придумал, как гарантированно выманить перевозчика из его норы.

Генрих Краузе подошел к банку «Резидент» гораздо раньше намеченного срока. У Генриха выдалась бессонная ночь, и он рассудил, что, раз поспать толком ему все равно уже не удастся, нужно использовать свободные часы с пользой.

Ночью прошел дождь, и Генрих шел, аккуратно обходя лужи с белой каймой. Сегодня при нем, кроме распухшего желтого рюкзака, была трость с резным набалдашником. Выглядел немец усталым: даже превосходная его выправка исчезла. И плечи сутулил по-стариковски, и шаркал, опираясь на трость, и жмурил покрасневшие глаза, несмотря на очки-стрекозы.

Но в банке Генрих взбодрился чашечкой крепкого кофе и почувствовал себя лучше. Он спустился в хранилище, проверил обе ячейки – в одну все пачки купюр не поместились – и с особенной тщательностью исследовал переговорную комнату, выделенную для них банком.

Эта комната располагалась между другими двумя переговорными и была отделена от них лишь тонкими перегородками. Генрих знал, что во время встречи с Хрящевским вторая и третья переговорные будут свободны, и был спокоен на этот счет.

Сделка должна проходить в три этапа. Первый: они с Николаем спускаются в хранилище, где по очереди открывают ячейки. Краузе должен убедиться, что в ячейку заложен бриллиант, а Хрящевский – что его ожидают десять миллионов долларов.

Однако деньги они оставляли нетронутыми, а вот бриллиант забирали с собой. На втором этапе оба должны подняться в переговорную, где Генрих собирался провести быструю экспертизу бриллианта. Для этого у него с собой были геммологический микроскоп и отличный тестер – новая модель, только выпущенная в Германии. Краузе практически не сомневался, что Хрящевский не решится подсовывать ему подделку. Но не проверить камень он не имел права.

Если результаты его устроят, то впереди заключительный этап: Генрих получает камень, а Николай получает деньги. Краузе любезно предложил перевести доллары в евро, чтобы купюр было меньше, и Хрящевский согласился. Он витиевато выразил благодарность, прикладывая усилия, чтобы старик не заподозрил его в высокомерии. Слишком свежа еще была в памяти Хрящевского сцена в ресторане, когда он впервые столкнулся с чем-то, превосходящим его понимание, и вынужден был сдаться.

Но Краузе, казалось, совершенно успокоился. Для него не имело значения, будет ли русский забирать всю огромную сумму с собой или решит оставить свои миллионы в банке. Его беспокоило только одно: чтобы операция по передаче «Голубого Француза» прошла без накладок.

Немец настроил микроскоп, выложил и подготовил к работе тестер, закрыл глаза, не обращая внимания на суматоху вокруг, и стал терпеливо ждать, когда ему сообщат о приезде Хряща.

Антон на Майиной кухне с ловкостью профессионального повара рубил картошку. За то время, что они жили вместе, как-то само собой сложилось, что обеды готовит он. У Белова отлично получались простые блюда, к тому же – в чем он сам себе не признавался – ему нравилось кормить Майю. Аппетит у нее был отменный, на диетах она не сидела ни

разу в жизни и жареную картошку считала лучшим блюдом в мире.

Антон повернулся к окну и в стекле увидел отражение Майи: бледное, истаявшее лицо с голубоватой кожей. Оно все равно оставалось прекрасным, но это была красота не живой женщины, а русалки, медленно уплывающей от него в стеклянную зеленую глубину.

Он обернулся, испуганный этим видением. Но действительность не совпадала с отражением: Майя выглядела вполне спокойной и даже зарумянилась от жара плиты, где шкворчала и пыхла картошка.

– Жарко, – улыбнулась она, не поняв его испуга. – Открой окно, а?

Антон приоткрыл створку, и в кухню ворвался теплый ветер. Майя с наслаждением подставила ему лицо, прикрыла глаза от удовольствия.

«Это ты ее такой сделал, – заметил в голове Антона бесстрастный голос. – Русалкой. Из-за тебя она плохо спит по ночам и вздрагивает от любого шороха. Ты их всех втянул в это дело, и все будут расплачиваться. Скоро, уже скоро».

Белов стиснул зубы.

– Слушай... – он присел на корточки перед женщиной, взял ее узкие прохладные ладони в свои руки. – Когда все кончится, я отвезу тебя на море. Будешь там объедаться дорадой и креветками. Ты любишь рыбу?

– Я море не люблю, – сказала Майя смущенно, будто признаваясь в чем-то стыдном.

– А что любишь?

– Лес. Когда там сыро и грибами пахнет. Или когда солнечно и ягоды.

– Сосновый?

– Сосновый! – с улыбкой подтвердила она. – Идешь, а вокруг тебя стволы янтарные, золотистые, и все поют и тянутся вверх. И травинки тоже тянутся. Огромный сосновый хор! И пахнет смолой, разогретой на солнце, и травами, и весь воздух вокруг такой... густой от запаха. И в то же время прозрачный, лесной. Счастье пахнет сосновым лесом, – Майя закрыла глаза. – И шмели жужжат! Шмели жужжат, дятел барабанит, сосны скрипят, покачиваясь, а ты стоишь около сосны и пробуешь горькую смолу. А если ладонь к стволу приложить, то будет тепло.

Она открыла сияющие глаза. В них светился лес с исполинскими корабельными соснами, и пело лето – лучшее лето в их жизни.

Антон смотрел на нее, словно зачарованный. Если они выпутаются из этой переделки, все будет именно так – и лес, и шмели, и долгий солнечный июль.

«Если выпутаетесь», – шепнул тот же холодный, мертвый голос.

Белов дернулся, и чары спали. Он встал, хотел отпустить ее ладони, но

Майя не дала. Она держала его, как будто хотела утянуть за собой туда, в сосновую благодать, в зеленое золото шепчущей листвы, в изумрудную мякоть мха.

– У меня картошка на плите, – вспомнил Антон. – Подгорит ведь!

Ему ничего не стоило освободиться, но он стоял, наплевав на картошку, глядя сверху вниз на ее мечтательное лицо.

И вдруг в кармане у него завибрировало, и тут же грянула бойкая «Хава Нагила». Майя вздрогнула и сама выпустила его. Телефон звонил – громко, навязчиво, и они с тревогой переглянулись. Звонок вырвал обоих из плена иллюзий: до соснового леса под летним солнцем было еще очень далеко.

– Это Верман, – сказал Антон, доставая телефон. – Что-то случилось.

Игоря с Генкой проинструктировал сам Дымов. На памяти «сержанта» такого прежде не случалось: инструктаж всегда проводил непосредственный начальник, а шеф только устраивал разносы – как в прошлый раз, когда они упустили перевозчика.

Игорю показалось, что Валентин Петрович сильно похудел со дня их последней встречи. Прежде сочные щеки теперь стекали вниз дряблыми брылями, а с шеи свисал неопрятный кожистый мешок, отчего шеф стал похож на фантастическую помесь индюка и английского бульдога. Глаза покрасневшие, все в прожилках лопнувших капилляров, а волосы встрепанные, словно Хрящ задал ему головомойку в прямом смысле.

Ничего хорошего ни Игорю, ни Генке это не сулило, но Савушкину все равно было приятно посмотреть на такого Дымова: не вальяжного, раздувшегося от жира и спеси, а осунувшегося и нервничающего.

– Ваша задача – тихо убрать их обоих, – втолковывал Дымов. – Понимаете, что такое тихо?

Игорь кивнул. «Тихо» означало, что придется использовать нож. Ножом «сержант» владел отлично, еще с того времени, когда закончил школу ножевого боя. И, конечно же, Дымов не мог об этом не знать.

– Ты – бьешь, – шеф указал на Игоря. – А ты – прикрываешь. – Ткнул толстым пальцем в Генку. – Белов спустится в подъезд, там вы его и будете ждать. Савушкин, ты спрячешься под лестницей, нападешь сзади. Гена должен стоять у дверей.

Савушкин поразмыслил и одобрил этот план. Он помнил, что в подъезде темно, и был уверен, что человека под лестницей Белов не заметит.

– Это еще не все, – Дымов наклонился вперед. – Как только уберете

перевозчика, затащите тело под лестницу – и живо в квартиру. Там его подружка, зовут Майя Марецкая. С ней проблем не должно возникнуть. Все ясно?

Парочка снова кивнула. Что же здесь неясного? И перевозчика надо прикончить, и его женщину тоже. Все логично.

– На все про все у вас десять минут. Вопросы?

– Нас кто-то прикрывает? – спросил Генка.

– Нет, работаете сами. Гоша, а ты что такой задумчивый?

Игорь поднял на Дымова серые глаза.

– Валентин Петрович, с чего вдруг Белов спустится в подъезд? Он куда-то собрался и мы должны будем его поджидать? Тогда опасно. Любой сосед пройдет и срисует наши рожи.

– А ведь точно! – прозрел Генка. – А если перевозчик задержится? Если захочет потрахаться? Нам что, ждать его, козла?!

Дымов поморщился. Вот ведь послал бог идиотов... Впрочем, нет, Игоря идиотом никак не назовешь. Серенький парнишка, действительно серенький: кожа какого-то странного цвета, как у ящерицы. Мелкий, неприметный, но при этом весь словно сжатая пружина, и ножом владеет отлично. Ценный пацан, только немного сдвинутый. Впрочем, как раз таких Дымов любил и привечал – сдвинутых, странновато улыбающихся, в которых он чувствовал готовность убивать по его приказу и делать это с удовольствием. В Игоре все это было.

Генка, рыжий дурень, годился только ему в помощники. Зато исполнительен, как натасканная овчарка. Сработанные ребята, даром что у одного мозгов не хватает.

– Ждать вам его, козла, не нужно, – отдельно выговорил Валентин Петрович. – Как только зайдете в дом и займете места, Белову позвонят. После звонка он спустится вниз. Дальше дело за вами. Все ясно?

Парни помолчали, переглянулись. Шеф не спешил давать пояснений, но Игорь все-таки спросил:

– Что за звонок?

По толстой физиономии Дымова пробежала довольная ухмылка.

– Хороший звонок, – заверил он. – Можете послушать.

Он придвинул компьютер, открыл файл и нажал кнопку мыши. Из динамиков компьютера раздался взволнованный, торопливый голос, комкающий слова:

– Белов? Мне нужно с вами поговорить, быстро, сейчас же. Я у вас, жду внизу, приходите скорее, только без нее.

Все это говорящий произнес почти скороговоркой. Наступила тишина,

и Игорь решил, что запись кончилась. Но из динамика раздалось еще одно слово – тихое, словно вздох:

– Пожалуйста...

– Ну как? – спросил Валентин Петрович, закрывая компьютер. – Убедительно?

– Ничего, – признал Игорь. – Кто это?

– Один из друзей Белова. На этот вопль о помощи перевозчик должен отреагировать. Наши ребята подключатся к линии, поэтому на определителе у перевозчика высветится номер Вермана. Скорее всего, он действительно спустится один, но если за ним увяжется Марецкая, то вам придется уложить их обоих. Справитесь?

Генка повернулся к Игорю, безоговорочно признавая его право решать. Савушкин прикинул расклад и кивнул: справятся.

– Что потом сделать с трупами? – спросил он.

– Ничего. Главное, не наследите. У Марецкой бывший приятель – ревнивый псих, мы попробуем его пристроить к нашей картине преступления.

– Какие-нибудь предметы нужно там оставить? – тут же спросил смысленный Савушкин. – Улики?

– Нет, это лишнее. Все, отправляйтесь, и как только войдете в подъезд – свяжитесь со старшим, чтобы он дал команду выманить Белова звонком. Давайте, ребятки – ни пуха ни пера!

– К черту, – нестройно ответили напарники.

В машине Игорь был так молчалив, что разговорчивый Генка, пытавшийся обсуждать с ним детали предстоящей работы, в конце концов притих, испуганно косясь на приятеля. Что-то странное творилось с Савушкиным. Он молча скалился, уставившись в одну точку, и выглядел жутковато, как оживший покойник.

Генка все же подергал его за рукав.

– Слышь, Гош! Гош, ты чо? Давай, выходи из транса! Нам ехать осталось – двадцать минут!

Савушкин на секунду очнулся и посмотрел на Гену так, что тот отпрянул.

– Все сделаю сам... – прошипел Игорь свистящим шепотом. – Не мешай.

И снова уставился перед собой.

«Сам так сам», – решил Гена и больше не лез с вопросами.

В душе Игоря kloкотала буря. Перевозчик по-прежнему глумился над

ним! Сбежал, затаился так, что они не отыскали его, всех перехитрил, как опытный волк, не уступающий в хитрости лисе! Но мало этого – он посмел выставить Савушкина идиотом! Все это время он был вовсе не в больнице, как предполагал Игорь, а в той самой квартире, где спрятался сразу после нападения!

Врачиху Игорь убил зря. Он ошибся, и сегодня понял это окончательно. Ему не под силу было представить, зачем тощей дуре понадобилось врать, когда она могла указать ему на квартиру своей соседки и этим попытаться спасти свою жалкую жизнь. Игорь все равно прикончил бы ее, но врачиха об этом не знала. Так почему же она соврала? Зачем пустила его по ложному следу?!

Савушкин ненавидел, когда кто-то совершал поступки, неподвластные его логике – это заставляло его чувствовать себя дураком. К тому же он сам промахнулся, выбрав не ту бабу, и мысль о собственной ошибке приводила его в бешенство. Кто был виноват в этом? Перевозчик! Перевозчик и его стриженная сучка – они вдвоем обвели его вокруг пальца и выставили на посмешище.

Игорь даже не задумался над тем, что никто – ни Дымов, ни Хряц – не знал об убийстве врачихи. Все последние задания слились для него в один позорный провал. И больше всего в эти минуты Савушкин радовался тому, что Дымов разрешил использовать нож.

Он знал, как будет убивать перевозчика. Не точным ударом сзади из-под ребра, чтобы достать до сердца, – нет, это недостаточно надежно! А главное, не дает сполна насладиться тем, как из врага уходит жизнь. Нет, Игорь прыгнет сзади, схватит перевозчика за волосы и дернет его голову назад, чтобы задрался подбородок. А затем махнет лезвием по горлу противника – от уха до уха, отточенным, плавным движением. Как с врачихой. Перевозчик сначала вскинет руки, пытаясь достать убийцу, но уже через секунду ему станет не до Игоря. Он прижмет обе ладони к разверзшейся щели в своей шее, из которой толчками будет выплескиваться кровь, и осядет, скрючившись, под ноги Савушкину. Это случится очень быстро.

И последнее, что увидит курьер перед смертью, будет лицо Игоря, склоняющегося над ним с улыбкой.

Савушкин улыбнулся так, как будто это все уже произошло. Генка посмотрел на него – и тут же торопливо отвернулся к окну.

Несколько минут спустя черный «опель» притормозил возле продуктового магазина. Двое вышли из машины и тут же свернули во двор, а «опель» бесшумно уехал.

Во дворе стояла тишина, нарушаемая лишь воркованием голубей. Генка вслед за Савушкиным проскользнул к подъезду и, пока Игорь набирал код, цепко огляделся.

Никого. Дремлющие глазницы окон, зашторенные от солнца, смотрели не на них, а в глубь себя. Кодовый замок щелкнул, и Генка с Игорем исчезли в темной пещере подъезда.

Им пришлось постоять, чтобы глаза привыкли к сумраку. С верхних пролетов, золотясь и вспыхивая, опускались пылинки, и внизу их съедала темнота. Под лестницей она загустевала, и туда-то шагнул Савушкин. Миг – и от него ничего не осталось; темнота всосала его, как пылинку.

– Э-э, – тихо позвал Генка. – Пора звонить?

Из-под лестницы сверкнули белки глаз, и Генке показалось, что там не Игорь, а какой-то крупный зверь притаился и ждет.

– Сначала встань возле двери, спиной сюда, – вполголоса приказал Савушкин. – Я посмотрю.

Генка подчинился. Дымов предупредил, что он похож на Вермана разве что небольшим ростом, но весь расчет был на то, что в подъездном сумраке Белов вряд ли успеет приглядеться.

Игорь удовлетворенно кивнул: определить, кто стоит у двери, было невозможно. Он нащупал в кармане складной нож и шепотом окликнул:

– Эй! Я готов. Звони нашим.

Обхватил покрепче рифленую рукоять, выбросил лезвие и взмахнул рукой, примеряясь. Серебристый язык с тихим змеиным свистом рассек воздух.

– Мы на месте, – доложил Генка. – Готовы.

Двадцать секунд спустя в квартире на пятом этаже карман у Антона Белова завибрировал, и тут же грянула бойкая «Хава Нагила».

– Это Верман, – сказал Антон, доставая телефон. – Что-то случилось. Да, слушаю! – это относилось уже не к Майе, а к звонившему.

– Белов? – торопливо спросил Моня, не здороваясь. – Мне нужно с вами поговорить-быстро-сейчас же. Я у вас-жду внизу-приходите скорее-только без нее.

– Что произошло?! Где вы?!

Верман помолчал, а затем прошелестел:

– Пожалуйста...

И повесил трубку.

Антон подскочил к окну, перегнулся наружу. Никого – ни машин, ни людей. Как выразился Верман? «Я у вас, жду внизу».

Он перезвонил, но телефон оказался занят. Гудки за гудками, гудки за гудками... Ждать было нельзя – его просили поторопиться.

– Он в подъезде, – вслух подумал Белов. – Черт, значит, действительно что-то случилось.

– Кто в подъезде? Моня? – не поверила Майя. – Зачем?

– Сейчас выясню. Сиди в квартире, не выходи. Скорее всего, мы поднимемся минут через десять.

Антон не добавил, что ювелир не хотел впутывать Майю. И голос у Вермана был какой-то непривычно однотонный. Что могло так напугать его?

Он уже зашнуровывал кроссовки в коридоре. Майя стояла рядом, испуганно вцепившись в косяк.

– Не бойся, я скоро. Постараюсь притащить Вермана сюда.

Майя кивнула. Он видел по ее глазам, что ей не по себе, но успокаивать женщину времени не было: Моня просил спуститься сейчас же. Как-то он странно сказал... «Немедленно, сейчас же?» Нет, по-другому. Впрочем, неважно.

Антон вышел из квартиры и услышал, как скрипнула за его спиной дверь. Майя даже не стала закрывать замок. Он быстро побежал вниз по лестнице. Четвертый этаж, третий, второй... С площадки ему бросилась в глаза сутулая фигура, отчего-то уткнувшаяся лицом во входную дверь – точно водящий в прятках.

– Моня! – окликнул Белов, сбегая к нему. – Верман!

После ухода Антона Майя подошла к окну, растерянно поглядела вниз. Что-то очень не понравилось ей в звонке ювелира. Моня – тут? В ее подъезде? Но он никогда не бывал здесь прежде. Во дворе не видно даже местных старух – так у кого же, интересно, он узнал код, чтобы попасть в дом?

Конечно, дверь могла быть и открыта... Кто-то случайно вышел и оставил ее распахнутой, хотя и это странно: дверь тяжелая, закрывается сама. Или Моню впустили в подъезд жильцы, выходявшие ему навстречу. Могло такое случиться? Конечно, почему бы и нет...

«Что ты так привязалась к этой двери? – сердито спросила себя Майя. – Вошел и вошел. Не взломал же он ее, в конце концов! Ты думаешь совершенно не о том! Зачем ему понадобилось приезжать сюда – вот в чем вопрос!»

Однако мысли Майи отчего-то упорно возвращались к тому, каким образом Верман оказался внутри. Вариант с соседями казался наиболее

вероятным. Но тут Майя вспомнила то, что сразу успокоило ее: пару месяцев назад Сема Дворкин привез ей ювелирную горелку, и она по ошибке указала ему этот адрес вместо того, где жила последний год. Жильцы были очень удивлены, увидев Сему с горелкой в руках, а Майя после долго извинялась и кляла свою рассеянность. Наверное, с той поездки он запомнил код, а сегодня сказал его Верману.

Майя еще додумывала эту мысль, а руки ее уже сами набирали знакомый номер. В отличие от Антона, она звонила не Моне – она звонила Дворкину.

Ювелир снял трубку после первого же гудка.

– Сема! – Майя заговорила торопливо, перебивая его «здравствуй, голубка». – Сема, вы называли Верману код моего подъезда?

Дворкин помолчал. Это молчание продолжалось не больше пары секунд, но Майе оно показалось невыносимо долгим.

– А это мы сейчас у него самого спросим, – задумчиво сказал Сема. – Верман! – позвал он. – Верман, послушайте! Не выдавал ли я вам военную тайну, дабы вы могли попасть к безмерно уважаемой мною...

Майя отшвырнула трубку и бросилась к двери. Она вылетела на лестничную клетку, со всей силы ударившись локтем об косяк, и обострившимся от ужаса слухом расслышала эхо быстрых шагов – внизу, на первом этаже.

Она не успела. Антон уже спустился.

Майя закричала во весь голос. Это был даже не крик, а отчаянный, пронзительный визг. От него старый дом содрогнулся и стая голубей взметнулась с козырька над подъездом, испуганно взбивая крыльями воздух. Майя рванула вниз, перепрыгивая через пять ступенек сразу, цепляясь за перила, словно обезумевшее дикое животное. В голове билось одно: она опоздала. Она опоздала.

– Моня! – окликнул перевозчик и побежал вниз. – Верман!

Стоя под лестницей, Игорь слышал его приближающееся тяжелое дыхание. Перевозчик немного запыхался. Дымов рассчитал верно: Белов торопился на встречу с приятелем. Они все-таки выманили этого злобного матерого волка.

Теперь расчет не должен был подвести и его, Савушкина.

Счет пошел на доли секунды.

Раз – перевозчик спрыгнул на лестничную площадку.

Два – пробежал последние пять ступенек.

Три – вышел вперед.

Теперь его спина маячила перед Игорем. Белов в своей белой футболке был отлично виден в полумраке.

Савушкин бесшумно шагнул вперед, изготовился прыгнуть...

И в эту секунду откуда-то сверху на них обрушился истошный женский вопль. Перевозчик резко вскинул голову и замер на месте.

Игорь выскочил из-под лестницы, задержавшись всего на одно мгновение, но этого мгновения Белову хватило: он успел отпрыгнуть в сторону, и Савушкин схватил пустоту. Перевозчик толкнул Игоря и тот упал, влетев головой в стену.

На короткое время его оглушило. В себя он пришел от вскрика и не сразу осознал, что кричал Генка. Две фигуры стояли в дверном проеме, будто обнявшись. Это продолжалось лишь несколько секунд, а затем одна из фигур отскочила назад, а вторая мешком свалилась на пол.

Савушкин, не вставая, подался вперед и мазнул перед собой клинком. У него было преимущество – тесное пространство, в котором перевозчику некуда деться. План рушился к чертовой матери, но Игорь не думал об этом: им овладело бешенство.

– Ха! Ха! – выдохнул он, вскакивая и нанося один за другим два удара. Первый удар не достиг цели, но вторым нож вспорол белую ткань и кожу на груди врага. Кожа треснула, и футболка окрасилась кровью.

В полумраке Игорь не различал лица противника. Но зато он явственно слышал шипение, как от боли. А в следующий миг Белов бросился на него.

Он был мощнее, крупнее, и ему удалось повалить Игоря и подмять под себя. Но Савушкин ни на миг не потерял решимости: безоружный перевозчик не сможет состязаться с ним, когда у него в руке нож. Извернувшись, как хорек, он ударил перевозчика сверху, целясь в шею. Один такой удар убивает человека за четыре секунды. Но Белов откатился вбок, и удар пришелся в плечо по касательной.

На этот раз громкий крик боли огласил подъезд. Не теряя ни мгновения, Савушкин вскочил, тесня жертву к дверям. Теперь он точно знал, что перед ним не противник, а жертва. Первая растерянность прошла, и Игорь атаковал – быстро, точно, как кобра, рассекая воздух сверкающим лезвием, не оставляя перевозчику ни одного шанса.

Он загнал его к двери, где на полу валялся Генка, и там случилось то, что должно было случиться: Белов споткнулся и упал. Савушкин безошибочно увидел, куда бить – как если бы перед ним маячила красная точка снайперского прицела. Точка эта была под кадыком Белова, в небольшой впадине на шее. Всего один укол, одно разящее движение – и он

вспорет перевозчику горло и рассечет блуждающий нерв. Несколько секунд агонии – и наступит остановка сердца. Но до этого Белов успеет увидеть торжество на его лице.

Игорь вскинул руку для удара, и вдруг сзади в него кто-то вцепился. Этот кто-то с кошачьим шипением повис на нем, раздирая ему лицо, тыча пальцами в глаза, и Савушкин, не ожидавший нападения, ткнул назад ножом в «слепой» попытке поразить нового врага.

Лезвие вонзилось в мягкое, и его враг закричал и упал. Игорь в бешенстве обернулся и увидел на полу женщину, подругу Белова. Она пыталась отползти назад, зажимая рукой рану в плече.

– Ах ты с-с-с-сука, – удивленно сказал Савушкин, наклоняясь над ней.

И дернулся.

В тело его сзади, около позвоночника, глубоко вошел нож, и в мгновенном прозрении Игорь вспомнил, что у Генки тоже было с собой оружие. Старая добрая финка, которую рыжий таскал в ножнах на поясе. Значит, пока Белов с Генкой боролись, проклятый перевозчик выхватил у него финку...

Чудовищная боль взорвала Савушкина, и он опустился на колени, разжав кулак. Нож упал и отскочил со звоном. Внутри вспыхнуло свирепое адское пламя, пожирившее Савушкина. Оно сожгло его ноги, обуглило позвоночник, подобралось к сердцу.

И последним, что увидел Игорь Савушкин перед смертью, было лицо женщины с яркими синими глазами.

«Как у той...» – успел подумать он – и умер.

Хрящевский вошел в банк «Резидент», сопровождаемый двумя телохранителями. Навстречу ему шустро выскочил юный менеджер с младенческой улыбкой.

– Здравствуйте! Вы – Николай? К Генриху Краузе?

Хрящевский зыркнул на менеджера и молча кивнул. Сунул ему под нос папку с документами на ячейку, в которую накануне они с Дымовым заложили «Голубого Француза».

Улыбка не исчезла с оживленной мордочки юнца, но приобрела искусственность. Никто не мог улыбаться искренне, знакомясь с Хрящом.

– Вас сейчас проводят, – с приторной любезностью сказал менеджер. – Сначала...

– Сначала к Генриху, – перебил его Николай. – Потом – к ячейке.

Он обернулся к телохранителям и сделал им знак ожидать в главном зале. Коротконогая плотненькая девица с таким значительным лицом, как

будто она представляла самого председателя банка, отвела его в переговорную, где сидел Генрих Краузе.

– Николая! – приветствовал его Краузе. – Желаете передохнуть? Кофе? Здесь делают весьма хороший кофе.

Но Хрящевский отказался. Ему хотелось поскорее покончить с делом, из-за которого он чувствовал себя не в своей тарелке: слишком уж непривычно было играть роль собственного помощника. К тому же роль эта Николаю не нравилась.

– Тогда – приступим, – серьезно сказал Краузе и поднялся. – Давайте спускаться в хранилище.

– В хранилище, – поправил Николай и увидел палку, прислоненную к столу. – Вы забыли свою трость.

– А-а, пустяк, – махнул рукой немец. – Можно без нее. Идти недалеко.

Но до хранилища оказалось не так уж близко, и к концу пути Краузе хромал. Это тоже раздражало Хрящевского: он терпеть не мог больных людей. Коротконогая девица неторопливо шествовала перед ними все с тем же важным видом, и Хрящу хотелось дать ей пинка.

Но когда немец открыл обе ячейки и Николай увидел пачки купюр, запаянные в прозрачный банковский пластик, это немного примирило его и со старческими причудами Краузе, и с его хромотой, и даже с глупой служащей банка, не понимавшей, с кем имеет дело.

– Я перевел деньги в евро, как мы договорились, – отчитался немец. – Вот чеки. Вот заверенный курс, по которому я сделал перевод. Пожалуйста.

Николая позабавила скрупулезность Генриха: «Одно слово – немец». Он небрежно придвинул к себе чеки, но рассматривать их не стал.

– Хотите пересчитать? – предложил Генрих. – Вот счетчик купюр. Пожалуйста, я подожду.

– Это преждевременно, пока вы не проверили бриллиант.

Пересчитывать купюры Хрящ считал унижительным, но и не делать этого было крайне опрометчиво. Даже если немец не собирался обжудить его, он мог просто-напросто ошибиться.

– Я понимаю, – согласился Краузе. – Позже. После *моей* проверки, да? Вдруг что-то пойдет не так, а вы зря потратили время. Это разумный подход.

Хрящ мысленно пожелал, чтобы Краузе со своим разумным подходом катился к дьяволу. «Разумный подход, как же!» Этой мышью должен был заниматься Дымов, а не он сам! «Десять миллионов, – пришлось ему напомнить себе. – Не самая плохая цена за уступки выкрутасам старикашки».

Он поднял голову и призывно улыбнулся Генриху:

– Очередь за мной. Итак...

Хрящевский открыл ячейку. За его спиной немец, утратив невозмутимость, подергивался от нетерпения, словно приговоренный на электрическом стуле. «Крепко тебя прижало, – позлорадствовал Николай, – если ты, весь такой из себя европейский генрих генрихович, заглядываешь мне через плечо и ждешь не дождешься, когда тебе покажут твою драгоценность!»

Он выдвинул ящик. Немец сделал движение, словно собирался схватить шкатулку раньше Хряща, но заставил себя сдержаться.

В переговорной комнате Краузе сразу вцепился в лупу. Хрящ подвинул к нему шкатулку и с любопытством стал наблюдать за манипуляциями Генриха. Сначала тот исследовал «Голубого Француза» под лупой, затем настала очередь микроскопа, и в завершение Краузе достал из рюкзака непонятный прибор, похожий на пенал. Закончив, немец откинулся на спинку стула и умиротворенно улыбнулся.

– Годится? – осведомился Хрящ.

– Это, без сомнения, тот же самый камень, который я чуть не приобрел у господина Вермана, – подтвердил Краузе. – Что ж, поздравляю вас Николая. Вы позволите?..

Он потянул к себе шкатулку, блестя глазами.

– Ради бога, Генрих, – фамильярно заверил Хрящ. – Теперь мне осталось получить мои деньги – и мы квиты.

– Конечно-конечно! – заторопился немец. – Одну секунду.

Он схватил трость, приоткрыл ее концом дверь и позвал:

– Вероника! Мы готовы.

В переговорную вошла давешняя коротконогая девица.

– Все готово, – очень ответственно заявил ей немец. – Бриллиант у меня.

Хрящевский едва успел удивиться его официальному тону, как Вероника оказалась за его спиной.

– Николай Павлович, обе руки положите на стол, пожалуйста, – деловито сказала она. – Вероника Кравец, отдел по борьбе с организованной преступностью. Вы задержаны.

Хрящевский не успел опомниться, как небольшая переговорная наполнилась людьми. В каком-то отупении он смотрел, как из-под стола вынимают записывающее устройство, как отъезжает тонкая перегородка между двумя комнатами и два человека с камерой принимаются заполнять какие-то бумаги, как к нему подходит немолодой мужчина в форме с

погонами. Хрящ начал приходить в себя.

– Что здесь происходит?! – процедил он. – Майор, какого хрена?! Звездочки с тебя давно не падали? Так попадают.

Тот усмехнулся.

– Николай Павлович, вашу попытку продать бриллиант «Зевс» могут подтвердить пять свидетелей. Я бы на вашем месте вел себя потише. Это добрый совет.

– Бриллиант «Зевс»?

Хрящевский перевел недоверчивый взгляд на Генриха Краузе. Старик сидел, закинув ногу на ногу, и ухмылялся, как сатир. Перед Хрящом забрезжил слабый луч понимания.

– Генрих... – выдохнул он. – Генрих Краузе!

– Не совсем так, – ответил ему старик, поднимаясь. – Но вы можете называть меня этим именем, дорогой Николая.

Хрящ вздрогнул, словно его огрели хлыстом. Краузе говорил на чистейшем русском языке.

– Как там говорят у нас в России? – «немец» стоял, сочувственно глядя на него. – *Поиграли – и будет?*

Глубина ловушки, в которую его заманили, явственно открылась Николаю. И каждый шаг Генриха Краузе предстал в истинном свете – обманная ступенька, ведущая его на дно этой ямы.

Хрящевский вскочил, отшвырнул в сторону майора, словно это был не живой человек, а кукла. Добраться, добраться до этой сволочи! Его отделяло от старика всего несколько шагов, и он знал, что никто не успеет его остановить.

Но в последний момент Краузе вскинул трость и крутанул ее в пальцах. Трость завертелась перед ним – быстрее, быстрее, еще быстрее – и вдруг будто бы сама развернулась и легонько ткнула Хряща в живот.

Николая как будто конь лягнул. Он охнул и сложился пополам. В глазах потемнело от боли, и Хрящ даже не почувствовал, как на руках защелкнулись наручники. Сквозь пелену он видел, как человек, называвший себя Генрихом Краузе, удаляется прочь: уверенными шагами здорового человека, помахивая уже ненужной тростью.

Глава 12

Вечером следующего дня старик, называвший себя Генрихом Краузе, шел к ювелирному салону «Афродита». По проспекту разгуливал теплый ветер, раскачивал вывески и расшвыривал обертки от мороженого, которыми были забиты все урны: день выдался жаркий, сухой, и в киосках смели эскимо и пломбир. Но время от времени ветер не просто стихал, а обрывался, и тогда весь проспект замирал, а с ним и вывески, и обертки, и листья на ветвях кленов, и троллейбусные провода.

– Определенно, будет гроза, – решил старик.

По дороге ему попала палатка с прессой, и он задержался, изучая заголовки газет. «Известный предприниматель задержан за похищение синего бриллианта». «Бриллиант „Зевс“ – громкое дело раскрыто!» «„Зевс“ поразили молнией правды!»

Старик прошел палатку и оказался возле салона. На витрины, как и везде, были опущены жалюзи, а дверь казалась плотно закрытой. Но это не остановило Генриха. Он поднялся, постукивая тростью по перилам, и толкнул дверь. Она услужливо распахнулась, зазвенел колокольчик, и на Краузе изнутри плеснуло светом, блеском драгоценностей, дружным смехом и запахом свежей пиццы.

Смех затих. Пять человек обернулись к нему.

Антон Белов быстро пошел навстречу визитеру, закрыл за ним дверь и обернулся к остальным.

– Разрешите представить вам моего друга, – с улыбкой сказал он. – Михаил Степанович Гройс, специалист высочайшей квалификации. Михаил, с Мoneй вы уже знакомы. Это – Майя, Сема Дворкин и Яша.

Михаил Гройс улыбнулся. Он не был прежде знаком с Антоном Беловым. Но его старинный друг, Петр Семеныч, лучший в Москве *специалист по реквизиту*, до сих пор не ушедший от дел, очень просил помочь перевозчику. Разумеется, не без выгоды для самого Гройса. Выгода нарисовалась такая, что Михаил Степанович оставил свою гостиницу на побережье, где жил круглый год, и прилетел в Москву.

– О, да! В вашей квалификации мы убедились, – искренне сказал Дворкин, с любопытством рассматривая Гройса, которого видел в первый раз. – Поразительно чистая работа. Просто нет слов!

– Не преувеличивайте моих заслуг, – возразил Михаил Степанович. – Я лишь исполнил роль. Может быть, неплохо, может быть, даже хорошо!

Но мне привычнее выступать режиссером, а ваш спектакль срежиссировал не я. Моня, кстати, раз уж мы снова встретились, позвольте сказать: мои комплименты! В «Набокове» вы были настолько убедительны, что мне даже захотелось купить у вас этот чертов камень!

Все рассмеялись. Антон налил вина, протянул Гройсу бокал.

– От страха, исключительно от страха, – признался Верман. – Мы все опасались, что нас прослушивают. Насчет телефонов не было никаких сомнений, а все остальное – под вопросом. Вот и приходилось изображать то, что вы видели.

– Вы нашли жучки?

– Нет, – покачал головой Антон. – Похоже, мы все-таки переоценили Хряща: в «Афродите» он не стал устанавливать прослушку, полностью положившись на меня. Я ведь уже говорил вам, что был назначен его ушами и глазами.

– Даже жаль, что наши спектакли пропали впустую, – пожаловался Сема. – Ах, как я играл, как играл! Когда меня схватили двое серьезно настроенных юношей, на моем лице была бледность, достойная Гамлета.

– Вы были зеленый, как утонувшая Офелия, – поправила Майя. – А бледной была я. Потому что мне было страшно. Пришли два амбала, утащили вас неизвестно куда...

– Но ведь мы были готовы к такому повороту событий, голубка моя! Больше того, мы на него и уповали. Дай-ка мне кусочек пиццы, раз уж Яша не нашел ничего лучше, как притащить четыре коробки.

Майя разложила пиццу по тарелкам, раздала каждому.

– Наш рыжий олух получил процент от хозяина пиццерии, – проворчал Моня, тем не менее уплетая за обе щеки свой кусок. – Боже ж мой, разве это еда?! Разве это еда, я вас спрашиваю?

Яша не смог пропустить олуха.

– Разве не вы хотели, чтобы я научился зарабатывать немножечко на всем подряд? Так о чем вы жалуетесь, дядя!

Верман хотел достойно осадить племянника, но не смог: рот его был занят пиццей.

– Предлагаю выпить за удачу, – предложил Дворкин, подливая всем вина. – Как подумаю, сколько раз ваш план мог дать сбой... Мурашки бегут, честное слово.

– А я толком ничего и не знаю, – вдруг уныло проговорил Яша. – Занимался другими делами, а ваши пропустил...

Майе очень интересно было узнать, какими же другими делами занимался Яша. Из оговорок и случайных намеков она успела понять, что

ее первоначальная версия оказалась неверна: Яшка вовсе не прятался. Те дни, что его не было в салоне, он занимался чем-то, что имело огромное значение для Мони. Но – чем?

Она хотела спросить, но не успела: Гройс поддержал рыжего.

– Мне тоже хотелось бы понять, как вы пришли к этой рискованной затее, – признался он. – Ведь мне успели изложить только ту часть плана, что касалась меня. Теперь, когда все закончилось, я могу узнать остальное?

Антон вопросительно взглянул на Вермана, на Дворкина, и оба ювелира одновременно кивнули.

– Было бы нечестно оставить вас в неведении, Михаил Степанович, – уважительно сказал Сема.

Белов отставил в сторону бокал и начал рассказывать.

Его замысел был прост, и основывался он на исключительной наглости Николая Хрящевского. И на том, что бриллиант «Зевс» был огранен так же, как пропавший «Голубой Француз»: огранкой «маркиз», в форме лодочки с острыми концами.

– Идею мне подала Майя, – говорил Антон. – Она как-то раз предположила, что Хрящ может разыскать похитителей «Зевса». Но зачем? И я подумал: что, если «Зевса» разыщем мы? Мы знали, кто украл бриллиант, а Яше было известно, где прячутся воры. И Моня отправил его к ним.

– И они вам так просто его отдали? – сощурился Гройс.

– А куда бы они делись? – усмехнулся Антон. – Вы же понимаете, что у них в руках оказался не настоящий «Зевс», а синтетическая подделка. Правда, подделка очень высокого класса. На это и был весь расчет.

Антону пришло в голову подсунуть «Зевса» Хрящевскому и заставить его выдать себя. Но как? И тогда Сема вспомнил про «Голубого Француза».

– Понимаете, Михаил... – Дворкин вмешался, не в силах молчать, – «Голубой Француз» – это камень-мечта! Об этом бриллианте знает любой уважающий себя ювелир. И не только ювелир – например, Хрящевский о нем тоже слышал. Если бы до него дошло, что у нас в руках оказался «Француз», он бы из кожи вылез, лишь бы отобрать его! Простите, Антон, я вас перебил...

– Все правильно, – кивнул Белов, – одно небольшое дополнение: с помощью «Голубого Француза» Моня мог выбраться из подстроенной ему ловушки, продав его и купив бриллианты хорошего качества. Я постарался убедить в этом Хряща, и у меня получилось. Поэтому он никак не мог позволить, чтобы голубой бриллиант оставался у нас. Мы только не были уверены в том, как именно он попробует отобрать его.

Антон предположил, что Хрящевский пойдет на похищение кого-то из близких Вермана. Это был единственный способ заставить Моню забрать бриллиант из банка и отдать ему. Верман убедительно сыграл мучения человека, у которого отбирают бесценное сокровище, а Сема послушно отсидел сутки в каменном мешке.

– Там было сыро и плохо пахло, – вставил Дворкин.

– А в гробу гораздо сырее, и пахнет еще хуже, – тут же заметил Моня. – Так что вам, Сема, еще повезло! Хрящевский мог бы и не церемониться с вами.

– Не мог, – покачал головой Антон. – Он боялся, что вы слетите с катушек и выйдете из повиновения. Хотя, признаюсь честно, пока Семы не было, все мы здорово понервничали.

Но Дворкин вернулся цел и невредим. Первая часть их замысла удалась: поддельный «Зевс» попал к Хрящевскому, и тот был убежден, что в руках у него «Голубой Француз». Можно было переходить ко второй части.

– Стоп-стоп, – поднял руку Гройс. – А вы не боялись, что он распознает фальшивку?

Моня объяснил: отличить синтетический бриллиант от натурального можно только лабораторными методами. Но Хрящевский не пожелал отдавать «Француза» в лабораторию. Во-первых, опасался, что знаменитый бриллиант будет узнан, а во-вторых, не хотел терять времени. К этому моменту он уже знал от Белова, что есть покупатель, готовый выложить за камень приличную сумму. Узнав от Мони, что тот лишился «Француза», Генрих Краузе мог передумать и вообще отказаться от сделки. А упустить десять миллионов долларов Хрящ не хотел.

– Поэтому он вызвал геммолога к себе, – сказал Антон. – И тот верно определил, что перед ним бриллиант. Но не определил какой! Вот что главное!

– Еще бы, – хмыкнул Верман. – Синтетику от природного камня с помощью лупы не отличить!

– Хрящевский успокоился, а мы именно этого и добивались.

– Пойдите-ка, – нахмурилась Майя, припомнив события того вечера, когда «Зевс» появился в их салоне, – но ведь Сема определил, что камень искусственный, без всяких анализов!

– Так то Сема, а то рядовой геммолог, – снисходительно пожал плечами Верман. – У Дворкина глаз-алмаз. Он сорок лет с лупой в руках.

– Ты права, голубка, риск был, – подтвердил Сема, пропустив мимо ушей славословия Вермана. – Хрящевский мог не поверить до конца нашей

инсценировке с немецким миллионером. Но ведь поверил, не так ли? Он был уверен, что миллионер уже исследовал камень вдоль и поперек, раз готов выложить за него такую сумму. И он положился на Генриха Краузе.

– Между прочим, – заинтересовался Яша, – это выдуманный персонаж?

– Обижаешь! – надулся Верман. – Генрих Краузе живет и здравствует в Германии. Тот еще чудак.

– Довольно эксцентричный миллионер, – пояснил Антон. – Как раз такой, какой нам и был нужен. Хрящевский обязательно стал бы проверять его и нашел бы достоверную информацию. Немец даже камни коллекционирует, так что нам не пришлось ничего придумывать.

– Кроме самого Генриха Краузе, – с улыбкой сказал Гройс, обращаясь к Яше. – Теперь, молодой человек, пробелы в ваших знаниях об этой маленькой операции могу закрыть и я. У меня было два задания: первое – это обмануть Хрящевского, а второе – выйти на оперативную группу с рассказом о том, что некий человек предлагает мне купить синий бриллиант «Зевс». Даже не знаю, что оказалось труднее... Сходства с настоящим Краузе добиться было несложно, хватило небольшого грима, а комплекция у нас похожая. С Хрящевским же возникла сложность, когда он не захотел непосредственно участвовать в продаже бриллианта. Этого мы с Антоном не предусмотрели.

– А должны были... – с раскаянием сказал Белов. – То есть я должен был.

– Пришлось импровизировать. В итоге все свелось к тому, чтобы затащить Хрящевского в банк и дать возможность следователю с группой взять его на попытке продажи «Зевса». Надеюсь, того набора доказательств, которые они насобирали, им хватит.

– Мне было бы очень интересно послушать, как Хрящевский объяснит наличие у него «Зевса», – ехидно заметил Верман. – Вряд ли он решится рассказать, как захватил Дворкина и в обмен на него Моня Верман отдал старинный пропавший бриллиант, назвав его «Голубым Французом».

– Это было бы слишком даже для Хрящевского, – согласился Антон. – Посмотрим... Пока Хрящ под следствием, мы можем вздохнуть свободно.

– Да, но что потом? – спросил Гройс. – Вы – умные люди и вряд ли надеетесь на то, что Николай остаток своей жизни проведет в тюрьме...

– Не надеемся, – за всех ответил Моня. – Но ближайшие два месяца ему точно будет не до нас. А за это время, уже поверьте, мы...

– ...мы успеем что-нибудь придумать, – выразительно перебил его Белов.

Верман осекся и кивнул:

– Да-да, именно так!

Михаил Гройс с удовольствием пригубил вино, разглядывая Белова. Что ж, перспективный парень. Многообещающий. Не хочет рассказывать о том, что они собираются делать дальше, и это характеризует его как осторожного и дальновидного человека. А судя по тому, что ему хватило ума переиграть столь опасного противника, он далеко пойдет.

Антон заметил его взгляд, но неправильно истолковал.

– Что там у меня? – забеспокоился он, оглядывая себя. – Снова пошла кровь?

– Кровь? – Михаил Степанович вскинул брови. – Откуда?!

Майя с Антоном переглянулись и рассказали Гройсу ту часть истории, которой он не знал.

– Я недооценил Хрящевского, – признался Белов. – Думал, он отправит убийц после того, как получит бриллианты. В итоге у меня две раны, у Майи – одна, и, слава богу, несерьезная.

– Нас спасла случайность, – сказала побледневшая Майя, непроизвольно прижав руку к плечу.

– Нас спасла ты, – очень серьезно сказал Антон.

И в эту секунду у Вермана зазвонил телефон.

Моня взглянул на экран, и по его лицу Майя поняла, что еще не все закончилось.

– Купцов... – жалобно сказал Верман и обвел всех взглядом, молящим о помощи. – Экспертное заключение лаборатории готово. Вы сказали, Антон, что мы можем вздохнуть свободно? Вы – можете, а мне крышка.

Телефон звонил все громче и громче, оглушая стоявших в комнате людей. Лицо у Мони стало такое отчаянное, словно он собирался выкинуть его в окно. Положение спас Яшка.

– Ответьте, дядя Моня, – спокойно сказал он. – Ничего не бойтесь.

То ли его спокойствие убедило Вермана, то ли сработал эффект неожиданности, но ювелир послушно нажал на кнопку и прижал телефон к уху.

– Да, – прошелестел он еле слышно. – Да, Аман Русланович. Как?!

В голосе его прозвучало такое изумление, что Антон с Майей вскочили, не зная, чего ожидать. Единственный, кто остался спокоен – Яша. Он сидел, жуя пиццу, и, кажется, ни грамма не переживал за единственного дядюшку.

– Да... – ошеломленно проговорил Моня. – Спасибо. Да. Я тоже рад. Всего хорошего.

Он отложил телефон.

– Сядьте, дети мои, – слабым голосом сказал Верман. – Бриллианты Хрящевского прошли экспертизу. Лаборатория подтвердила их соответствие швейцарскому сертификату.

Майе потребовалось время, чтобы осознать смысл его слов. Подтвердила соответствие? Но ведь в сертификате говорилось, что бриллианты...

– Как?! – ахнула она. – Этого не может быть! Я видела сертификат своими глазами. Там заявлены такие характеристики, до которых бриллианты Хряща не дотягивали по всем пунктам!

– Моня, вы серьезно? – озадаченно спросил Антон. – Неужели Хрящевский подкупил целую лабораторию? Или вы где-то нашли двенадцать превосходных бриллиантов? Что-то мне не верится ни в первое, ни во второе.

Моня с Яшей обменялись торжествующими взглядами.

– И правильно не верится, – объявил Моня. – Пожалуй, теперь можно и рассказать кое-что... А, Яков?

Яша посмотрел на Михаила Гройса. Тот немедленно встал и подхватил трость.

– Полагаю, мне пора, – вежливо заметил он. – Все, что мне было интересно, я уже услышал. Рад был помочь, и удачи вам.

Его не удерживали. попрощавшись с каждым и поцеловав Майе руку, Гройс направился к выходу.

Антон догнал его у двери, и в руку старика скользнул небольшой мешочек.

– А с вами, молодой человек, мы определенно еще увидимся, – улыбнулся Гройс. – Это так же верно, как то, что нынче будет гроза.

Он открыл дверь, и над Москвой сверкнула первая молния.

К тому времени, когда Михаил Гройс добрался до отеля, ливень исхлестал весь город. В своем номере Гройс переоделся в сухое, вызвал горничную, чтобы та просушила вещи, и только после ее ухода высыпал на стол содержимое мешочка, который дал ему Антон.

Это были семь бриллиантов из тех четырнадцати, что хранились у перевозчика: цена работы Михаила Гройса.

Оставшись впятером, участники разговора разделились. Троице была известна тайна бриллиантов, двоим – нет, и эти двое потребовали объяснений. Каким образом дешевые бразильские камни с трещинами прошли экспертизу и были признаны отличными бриллиантами из

индийского месторождения?

Дворкин, Моня и Яша помолчали, словно собираясь с мыслями. И наконец Яша признался:

– Это моя работа.

– В каком смысле – твоя? – осторожно уточнил Антон.

– В прямом. Я несколько лет занимался вопросом заполнения пустот в минералах. Работал на китайскую компанию, которая разрабатывает синтетические бриллианты. Ну и попутно исследовал кое-что для себя... Если честно, все получилось практически случайно. Одно вещество, которое использовалось в нашей лаборатории... Оно оказалось абсолютно подходящим для моих целей, хотя применялось совершенно для других. Правда, камешки становятся хрупкими, – с досадой добавил Яша. – Я пока не нашел, как обойти этот побочный эффект

У Майи открылись глаза. Она воззрилась на Яшу с таким видом, как будто перед ней предстал Будда Амида.

– Ты... – прошептала Майя. – Так это ты тот парень из Китая, за которым охотилась вся китайская мафия?! Это ты изобрел способ маскировки включений в драгоценных камнях?! Ты?! Гениальный парнишка, который придумал, как улучшать бриллианты?!

Яша скромно кивнул.

– Не может быть, – ошумело сказала Майя. – Этого просто не может быть.

– Ты еще забыла добавить, – гордо сообщил Яша, – что современные лаборатории не в состоянии отличить бриллианты, обработанные моим способом, от природных чистых бриллиантов.

– А я в этом очень сильно сомневался, – подал голос Моня. – Поэтому когда Аман сказал, что отправит наши камушки на экспертизу, меня едва не хватил удар.

– Дядя, дядя... – снисходительно протянул Яша. – Я же вам говорил: ничего не бойтесь. Никакой веры в родного племянника, никакой!

– Ну, знаешь ли! Сложно ожидать от остолопа, выросшего в компании Повара и Кулька, что он совершит гениальное открытие!

Антон переводил взгляд с одного на другого, и наконец не выдержал:

– Яша, я правильно понял? Ты обработал бриллианты Хряща?

Парнишка утвердительно кивнул.

– Где? – только и смог спросить Антон, пораженный не меньше Майи.

– Дома, у мамы, – удивленно сказал Яша. – Где же еще?

Действительно, где же еще, подумала Майя. Где еще рыжий мог опробовать свою новую технологию, не имеющую аналогов, как не под

боком у Цили Моисеевны? В маленькой комнатухе, не идущей ни в какое сравнение с одной из лучших лабораторий Китая? И самое главное – у него все получилось!

Майя начала смеяться. Антон обеспокоенно взглянул на нее, но смех Майи был таким заразительным, что и все остальные заулыбались.

– Господи, – выдохнула Майя, отсмеявшись. – Ох уж эти мне талантливые еврейские мальчишки! Яшка, но как ты ухитрился сбежать из Китая?

Яша открыл было рот, но Моня строго остановил его:

– Потом. К нам должна прийти еще одна гостья, и я жду ее с минуты на минуту.

– Тогда успею съесть еще одну пиццу, – решил его племянник, двигая к себе коробку.

Прошла не минута, а все десять, но Моня терпеливо ждал. Наконец на лестнице послышались шаги, и кто-то робко постучал в дверь.

Верман уже стоял у входа, встречая гостью: маленькую старушку под черным зонтиком, похожую на божью коровку.

– Невероятный ливень, – поежилась Ольховская. – Первая майская гроза.

Мечтательный взгляд ее обратился на Вермана.

– Ах, Моня, я так рада вас видеть, – проникновенно сказала она. – Я очень за вас боялась. Здравствуйте, мой драгоценный друг!

– Анна Андреевна! – Верман склонился над морщинистой ручкой.

Ольховская с нежностью провела ладонью по его голове.

– Монечка, вы восхитительно старомодны! Кто сейчас целует ручки старухам?

– Дамам, – поправил ювелир. – Забудьте это ужасное слово – «старуха». Клянусь, оно не про вас. Прошу ваш плащ, Анна Андреевна. Не откажетесь выпить с нами чуточку вина?

Первый раз в жизни Майя видела, чтобы Верман обращался с кем-то с таким почтением и заботой.

Старушку усадили в кресло, и она поочередно оглядела всех с улыбкой на румяном яблочном личике. Моня разлил вино и поднял свой бокал.

– Я хочу сказать тост за вас, Анна Андреевна. Он будет очень коротким, потому что у меня нет слов, чтобы выразить свою благодарность. Анна Андреевна, вы потрясающая женщина, невероятно отважная! Мы пьем за ваше здоровье и вашу долгую жизнь, чтоб вы каждый ее день были счастливы!

Бокалы дружно зазвенели. На этот раз никто не задавал вопросов: все

знали, что Ольховская согласилась сыграть бывшую обладательницу «Голубого Француза» и подтвердить легенду, придуманную Беловым, если Хрящевский захочет проверить ее. Так и случилось: Хрящевский отправил Дымова, и Ольховской удалось обвести его вокруг пальца.

Старушка засмушалась:

– Ах, что вы, Моня... При чем здесь отвага? Если бы вы знали, как у меня дрожали руки, когда этот толстый человек пришел ко мне! Я была вынуждена нести какую-то ужасную чушь, лишь бы оправдать свое волнение. Слава богу, он списал все на старческий тремор и маразм. Но я очень, очень боялась. К счастью, у меня хватило сил рассказать ему то, что вы просили: и про маму, и про камень, и про то, как я принесла его вам. У этого толстого господина лицо менялось так выразительно, что пару раз я едва не рассмеялась.

– Вы хорошо встретили его? – сдерживая смех, поинтересовался Дворкин.

– Да, я подготовилась к его приходу, – с достоинством произнесла старушка. – Спрятала весь янтарь, заварила свой мочегонный отвар и отыскала конфеты, которые валялись в буфете добрый десяток лет. Карамельки «Яблочный сад». Они были отвратительны! Но ведь никогда не знаешь, какая из отвратительных вещей может тебе пригодиться.

Старушка улыбнулась и удовлетворенно повторила:

– От-вра-ти-тель-ны.

Дворкин не выдержал и захохотал.

– Знаете, – заметила Ольховская, – многие думают, что со старыми людьми можно не церемониться, что они ничего не замечают. Все наоборот: старики ужасно наблюдательны. Что им еще остается делать, как не наблюдать?

– Жить и любоваться жизнью, – ответил Верман. – Позвольте, Анна Андреевна?

Он взял со стола черную коробочку и открыл перед Ольховской.

Старушка помолчала, глядя на то, что лежало внутри, на черном бархате. Глаза ее увлажнились.

– Вы ведь знаете, – начала она прерывающимся голосом, – знаете, что я сделала это не для того, чтобы что-то получить от вас, господин Верман? Ваш дед спас мою жизнь, он бескорыстно помог мне, и я всегда буду помнить его поступок. Когда вы пришли ко мне и попросили о помощи, я поняла, что наконец-то смогу вернуть свой долг – пусть не Леве, но хотя бы его внуку!

Моня разволновался. Он вцепился в свой жилет, будто собираясь

порвать его, и воскликнул:

– Анна Андреевна! Вы меня так обижаете, что больно сказать! Неужели вы могли подумать, что Моня Верман купил вашу помощь? Та ни за что! Но теперь-то, когда все позади, я могу преподнести вам небольшой подарок? Это не плата за услугу, поверьте мне! Это движение сердца! Неужели вы его отвергнете?

– Синий янтарь... – заворуженно прошептала Ольховская. – Настоящий!

– Настоящий доминиканский, можете не сомневаться. Да, я знаю, что вы больше любите желтый. Но вам не обязательно носить эту штуковину, вы можете спрятать ее куда хотите, разве я против? Прошу вас, Анна Андреевна.

Ольховская вынула из коробочки кулон и повесила на шею. Майя первый раз в жизни видела синий янтарь – необычный, не похожий ни на один знакомый ей камень. Это была глубокая кобальтовая синь, едва заметно светящаяся на черном фоне.

– Большая редкость, – шепнул ей на ухо Сема. – Ты не представляешь, голубка, сколько Моня охотился за этой ерундовиной!

Майя посмотрела на растроганную Анну Андреевну, сдерживавшую слезы, и покачала головой:

– Это не ерундовина, Сема. И вы прекрасно об этом знаете.

Два месяца спустя

На поле ветер трепал отросшие лохмы трав, но в лесу было тихо. Лишь где-то там, высоко наверху, по зеленым макушкам пробегала дрожь, и пару раз перед Майей упали шишки, запрыгали, как рыбки, отскакивая от пружинящей земли. Она подобрала одну, с плотными золотыми чешуйками, и протянула Антону:

– Загадай желание. Это лесная золотая рыбка.

Антон пригляделся. Действительно, у шишки на одном конце просматривались глазки, а при наличии воображения можно было представить сбоку плавник.

Он подбросил шишку вверх, поймал и вернул Майе:

– Загадывай ты. А то мне в голову лезет всякая ерунда.

– Например? – живо заинтересовалась Майя.

– Например, чтобы Верман не натворил еще чего-нибудь эдакого. Вот скажи, зачем он звонил тебе вчера, если знает, что ты в отпуске? Опять сотворил пакость и требовал помощи?

Майя шутливо столкнула Антона с тропинки.

– Как тебе не стыдно! Он всего лишь хотел убедиться, что у меня все в порядке! Моня заботится обо мне, понимаешь?

Антон немного помолчал, идя рядом с тропой. Под ногами кудрявилась черника, обсыпанная иссиня-черными ягодами, и он старался перешагивать через ее кусты.

– И что? – наконец спросил он.

– Что значит – что?

– Убедился? – Белов остановился, повернул Майю к себе и положил руки ей на плечи. – Он убедился, что у тебя все в порядке?

– Убедился, – рассмеялась она. – Антоха, что ты нервничаешь? Опасаешься, что он втянет меня в какую-нибудь авантюру? Сомневаешься в моей моральной устойчивости?

– Да не в твоей! В его собственной!

Белов наклонился, ковшом загреб горсть черничин вперемешку с листьями и отправил в рот.

– Даю тебе честное слово, – промычал он, жуя, – если Верман снова во что-нибудь ввяжется, на нашу помощь пускай не надеется.

Майя посмотрела на его фиолетовые губы, на прилипший к подбородку листик, и ей стало смешно.

– Ну вот что, во что он может ввязаться?! У него до сих пор после истории с Хрящевским поджилки трясутся. Что ты выдумываешь?

– Не знаю. У меня на душе неспокойно.

Майя пожалала плечами и протянула ему шишку.

– На, загадай желание. Пожелай, чтобы астральное тело Мони тебя не тревожило до конца отпуска.

– Нет уж, это твое желание. Но если ты хочешь спокойно работать, советую тебе загадать, чтобы Верман забыл про свои фокусы и встал на путь честного ювелира.

– Хорошо, уговорил, – согласилась Майя. Зажмурила глаза и с детской торжественностью заявила:

– Хочу, чтобы Моня больше никогда не применял свои способности во вред покупателю!

Снова открыла и вздохнула:

– Слушай, я как будто про вампира говорю... Верман же не вампир.

– Скажи просто: чтобы не мошенничал, – напрямик заявил Антон. – А то что-то он загрустил в последнее время, не к добру это.

Антон вспомнил, как схватился Верман за голову, узнав о судьбе оставшихся семи бриллиантов из тех четырнадцати, что хранились за плитусом в квартире Майи. Белову пришлось привлечь ювелира к делу,

поскольку требовалось быстро продать камни, а никто лучше Вермана не смог бы справиться с этой задачей. Моня и справился. Но, услышав о том, что все деньги, полученные от продажи бриллиантов, перечислены на счет детского дома, который курировала Вера Воронцова, долго ругался, махал руками и обзывал Майю с Антоном простодушными идиотами. Потом приуныл, а уныние Вермана беспокоило Белова куда больше, чем его возмущенные крики.

Майя запустила шишку в глубь леса. Шишка беззвучно исчезла, как будто не упала, а полетела дальше, взмахивая плавниками.

– Вот! – обрадовалась Майя. – Далеко закинула – значит, сбудется.

В ювелирный салон вошла худощавая женщина в платье буйной цветочной расцветки. Шею, руки и даже щиколотки женщины украшали браслеты и бусы, и она позвякивала и брэнчала, приближаясь к витрине.

Моня, скучавший за прилавком, при виде дамы оживился. Он дождался, пока она обследует витрины, утыкаясь в них остреньким носиком, и потянулся к ее цветочному платью, как пчела.

– Что-нибудь выбрали, мадам?

– Да, – кивнула посетительница. – Вот тут у вас – что?

Даже не глядя, Моня мог сказать, что там. Кольца с турмалинами, от двух до трех карат... Все бы ничего, но камни «гретые». С другой стороны, это повлекло всего лишь изменение цвета, и больше ничего...

– Прекрасные турмалины, – промямлил он, помня строгий наказ Майи.

– А они не искусственные? – боязливо осведомилась цветочная дама.

– Как можно! Турмалины не бывают искусственными! Конечно, случаются имитации из стекла, но мы такое не держим. Хотите примерить?

Вскоре на пальчиках дамы красовалось два кольца.

– Красиво... – протянула дама. – Что вы думаете?

Моня думал, что кольца нужно снять немедленно и посмотреть что-нибудь менее вызывающее. Еще он думал, что цена на них завышена минимум в два раза. И еще – что турмалины не самые удачные, к тому же ненатурального цвета. Но поднял глаза – и наткнулся на взгляд покупательницы: восторженный, поэтический... И душа Вермана не могла не отозваться на этот призыв.

– Что я думаю? – прочувствованно спросил Моня. – Я думаю, что вы слышите мелодию камня. Ведь правда же, слышите?

– Правда! Правда! – бурно подтвердила дама. – Они словно поют!

– Это песня весны, поверьте мне, старому человеку! – заключил Моня Верман.

На секунду у него вдруг возникло очень странное ощущение: Верману показалось, что в затылок ему попала шишка. Но Моня потрянул головой, и ощущение исчезло.

– Песня весны! – удовлетворенно повторил он и выложил на витрину третье кольцо.

© Михалкова Е., 2011.

© ООО «Издательство Астрель», 2011.

notes

Примечания

1

О Михаиле Гройсе читайте в романе Елены Михалковой «Иллюзия игры».

Репорт – отчет геммологической лаборатории, удостоверяющий подлинность и качество бриллианта.